

ЯПОНІЯ

ПУТЬ КИСТИ И МЕЧА

№ 3 / 2004 (11)

Учредители – ООО «Будо-спорт»

и А. М. Горбылев

(Лицензия ИД № 04346)

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06, 917-95-24

E-mail: boss@budo-sport.ru, sale@budo-sport.ru;
<http://www.budo-sport.ru>

Главный редактор – А. Н. Мещеряков

Заместитель редактора – А. М. Горбылев

Компьютерная верстка – А. Л. Иванов, А. В. Смирнов

Корректор – С. Дудник

Адрес редакции:

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06

E-mail: shigetsu@budo-sport.ru (заместитель редактора)

boss@budo-sport.ru

sale@budo-sport.ru

Перепечатка материалов производится исключительно с согласия редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность информации публикаций, точность цифр и цитат, за содержание рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели. Публикую материалы, редакция не всегда разделяет точку зрения их авторов. В переписку редакция вступает по своему усмотрению.

Отпечатано в типографии ОАО «Типография № 9»,
г. Москва

© ООО «Будо-спорт», 2004 г.

Редакция приглашает к сотрудничеству в подготовке материалов и распространении сборника заинтересованные организации и частных лиц.

Подписано в печать 31.08.04

Тираж 1000 экз.

Цена свободная

Содержание

Летопись

Александр Мещеряков

Переезд императора Мэйдзи из Киото 3

Анатолий Аншин

Япония и Корея: истоки непонимания 11

Портреты

Оксана Галкина

Виктор Мазурик: Путь с чайной чашкой в руках.... 15

Свидетель

Хонда Рютаро

Из Японии в Сибирь и обратно: путь к себе 18

Кафедра

Александр Мещеряков

Основные параметры японской

цивилизационной модели 28

Слово

Сиба Дзэнко

Вкус подливки к блюдам домашнего приготовления

Нарезанная редька, или Тысяча рук Канон 42

Зеркало

Мария Левченко

Десять вопросов о России,

которые не требуют ответа 48

Сила

Алексей Горбылев

Ива на встречу: традиция дзюдзюцу Ёсин-рю 50

Фонарь

Евгения Сахарова

При свете светлячков и снега

Японская библиотека 62

Формат 60 x 90 / 8

Печать офсетная

Заказ № 1179

Колонка редактора

Осень... Время собирать урожай. На обложке—знаменитая японская хурма. А что в «закромах» журнала?

Этот номер выдался урожайным на статьи о вещах серьезных. О. Галкина побеседовала с очень серьезным человеком—В.П. Мазуриком, который поведал ей о своем чайном Пути. Главный вывод: если заниматься чайным действием, то только серьезно. А в противном случае игра не стоит свеч.

А. Аншин попробовал разобраться, откуда берется нынешняя напряженность в отношениях между Японией и Кореей, между корейцами и японцами. Оказалось, что проблема возникла вовсе не сегодня и даже не вчера. Истоки недоверия коренятся в глубокой древности, когда Япония попыталась примерить на себя геополитическую модель, которую построил когда-то Китай в расчете на свои размеры.

Хонда Рютаро вспоминает о своем довоенном детстве и о годах, проведенных в советском плену. За его бесхитростным рассказом—судьба простого человека, оказавшегося игрушкой иррациональных и безжалостных сил, которые управляют историей. Читателю будет чрезвычайно полезно ознакомиться с его личным опытом выживания. При чтении этих мемуаров становится немного понятнее, откуда берется у сегодняшних «простых» японцев то незнание

России и русских, о котором с таким юмором пишет Мария Левченко. Впрочем, если бы кто-то взял на себя труд разобраться, что знает наш «средний» человек о Японии, вышло бы тоже курьезно.

Не провел в праздности летние месяцы и ваш покорный слуга. Одна его статья посвящена тому, как Эдо превратился в Токио и что из этого вышло. А вышло так, что в сознании японцев параллельно существуют две столицы: Киото и Токио. При этом решение о превращении Киото в церемониальную, культурную столицу было принято под прямым влиянием российского опыта.

В другом материале я замахнулся на непосильное: рассказать* на нескольких страницах, что это такое—японская цивилизация. Вряд ли этот опыт вышел удачен. А иначе пришлось бы закрывать журнал, а для этого, по-моему, еще не настало время. Япония-то живет себе, не прекращая обеспечивать нас материалами для размышлений.

Мария Торопыгина порадовала нас новым переводом из самого Средневековья. Рассказ о бодхисаттве Канон показывает, что далеко не все японцы были людьми серьезными. Кое у кого из них за душой не обнаруживается ничего святого. Уморительно смешная вещь. Для тех, конечно, кто понимает.

Авторы «Японии»

Горбылев А.М.—кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки при МГУ, главный редактор журнала «Додзё. Боевые искусства Японии». Автор многочисленных работ по истории японских боевых искусств.

Мещеряков А.Н.—доктор исторических наук, научный сотрудник Института восточных культур РГГУ. Автор книг: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм», «Древняя Япония: культура и текст», «История древней Японии» (совместно с М.В. Грачевым), «Герои, творцы и хранители

японской старины», «Книга японских символов и обыкновений», «Линия жизни», «За на-ми—только мы», «Мещеряков@япония.ru» и др.

Сахарова Е.Б.—кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, автор ряда работ по истории древней Японии.

Торопыгина М.В.—кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор книг: «Каталог японских книг Санкт-Петербургского университета (фонд Арисугава)», «Хрестоматия по истории японской литературы». Переводчик: «Гэндзи-обезьяна».

Александр Мещеряков

ПЕРЕЕЗД ИМПЕРАТОРА МЭЙДЗИ ИЗ КИОТО В ТОКИО

В 1868 г. вместе с переходом власти от последнего сёгуна Токугава Ёсинобу к императору Мэйдзи новое правительство столкнулось с множеством серьезнейших проблем. В частности, нужно было решить, где поселить императора, то есть какой город сделать столицей.

Выбор оказался, в сущности, не так велик. В стране было три города, которые могли претендовать на статус столицы: Киото, Осака и Эдо. За Киото говорила его более чем тысячелетняя история. Он был основан в 794 г., и с тех пор императорский дворец находился именно там. Но это достоинство одновременно являлось и недостатком. Для того чтобы превратить Японию в мощную и современную страну, одних традиций было слишком мало. В Киото проживали связанные родственными узами с царствующим додом древние аристократические роды. И они не хотели никакой модернизации. Когда в начале 1868 г. правительство предложило, чтобы пятнадцатилетний император дал аудиенцию иностранным послам, это вызвало среди придворных настоящую истерику. Как может священная особа осквернить себя общением с этими грязными, длинноносymi и красноволосыми варварами? — вопрошали они.

Особенно сильно протестовала женская половина двора во главе с «физиологической» матерью Мэйдзи — Накаяма Ёсико, наложницей его покойного отца Комэй. Она даже заявила, что ее сын не может дать аудиенцию ввиду болезни. Одному из главных инициаторов встречи — Ивакура Томоми — пришлось попросить другого доктора освидетельствовать Мэйдзи, и тот признал его абсолютно здоровым. Следует добавить, что до этого времени аристократы иностранцев никогда вживе не видели. Свое представление о них они черпали из гравюр, изображавших иноземцев в карикатурной форме.

В такой обстановке оставаться императору в Киото было нельзя. На этом сходились практически все члены правительства.

А что Осака? В пользу этого крупнейшего торгового центра, который называли «кухней Японии», говорила близость к морю, близость к Киото, древнее происхождение города. Двор императора Нинтоку (313–399) находился именно в Осаке (тогда это место называлось Нанива). А Нинтоку считался образцовым конфуцианским государем — жил скромно, крыша его дворца протекала, но зато он заботился о благе своих подданных.

Один из ведущих деятелей нового правительства — Окубо Тосимити — выступал за то, чтобы перенести двор императора в Осака, но сторонников у него нашлось немного. Осака была городом купцов, которых по старой традиции презирали и самураи, и аристократы, входившие в правительство.

Еще один план заключался в том, чтобы столиц было две — Киото и Эдо. Одна столица, бывший Эдо, будет называться Токио (Столица Востока), а другая, Киото, — Сайкё (Столица Запада). Дело в том, что традиционная география делила территорию Японии на две основные части — западную (с центром в Киото) и восточную (с центром в Эдо). Что до самого императора, то он будет попеременно жить в обеих столицах.

Другой революционер — Кидо Такаёси — отстаивал план сразу «трех столиц» — Киото, Эдо и Осака.

Однако выбор был сделан в пользу Эдо — в пользу того города, который был фактической столицей страны уже в течение длительного времени благодаря нахождению там сёгуна. Эдо находился на самой обширной равнине страны — Канто (Мусасино), которая была житницей Японии. В середине XIX в. он являлся самым крупным городом не только Японии, но и всего мира, и располагал самой развитой городской инфраструктурой.

Указ о провозглашении «Столицы Востока» (Токио) датируется 3 сентября 1868 г. В нем, в частности, говорилось: «Поскольку Эдо является крупнейшим городом в Восточных провинциях, а также тем местом, куда отовсюду собираются люди, он является наиболее подходящим местом для того, чтобы управлять оттуда». При этом никакого указа об утрате Киото столичных функций не последовало. Наоборот, в указе утверждалось, что император будет совершать частые поездки из одного города в другой, чтобы иметь возможность выслушивать мнения людей.

В анонимном стихотворении этого времени говорилось:

Поблекли
Вечнозеленые ивы
Мощной сосны.
На равнинах Мусаси
Хризантемой запахло.

Под «сосновой» понимался сёгун. Хризантема же была гербом императорского дома. Как это столь часто бывает в японской культуре, политическое событие она описала с помощью природных образов.

Летопись

Дискуссия о переносе столицы хорошо свидетельствует о планах новой политической элиты. До этого времени император безвыездно пребывал в своем дворце, видеть его могла только кучка придворных. Теперь же идеологи желали, чтобы Мэйдзи вышел из тени, сделался зорким символом власти, сократив дистанцию между правителями и управляемыми. Но в то же самое время принятый к исполнению проект отнюдь не предполагал, что император будет править страной. Действительно, трудно себе представить, как кочующий между двумя столицами император в условиях отсутствия телефона, телеграфа и даже железной дороги сможет быть в курсе дел и принимать решения.

Раньше император пребывал в своем дворце. Теперь же он должен был предъявлять себя подданным не только с помощью своих указов, но и телесно. Это делалось для того, чтобы, по словам Окубо, не возникало непреодолимого разрыва между «верхом и низом». Тело императора (или же заменяющий его паланкин, в котором он передвигался) становилось доступным для обозрения, само смотрение на него являлось разновидностью ритуала. Теперь люди могли видеть, от чьего лица адресуются им указы, которые они обязаны исполнять.

Поражают энергия и быстрота, с которыми выполнялся намеченный курс. Несмотря на яростное противодействие киотских аристократов, паланкин с Мэйдзи двинулся из Киото в Токио уже 6 ноября. Официальная причина путешествия—забота о людях восточной части страны, которые пострадали из-за военных действий, вспыхнувших в связи с переходом власти к императору. Кроме того, нужно было заполнить «перемониальный вакuum», возникший в крупнейшем городе страны в результате краха сёгуната. Нужно было наглядно продемонстрировать людям, что в стране есть новый правитель. «Западная Япония» ассоциировалась с Киото и императором, «восточная»—с Эдо и сёгуном. Теперь нужно было сделать так, чтобы и Эдо-Токио принадлежал только императору.

В это время среди жителей сильно опустевшего Токио господствовали самые мрачные предчувствия относительно судьбы города. Один из лучших знатоков тогдашней Японии, переводчик английского посланника Эрнест Сатов, полностью разделял их: «Теперь, когда даймё, чьи потребности удовлетворялись купцами и владельцами магазинов, отправились в свои загородные дома, население [города] неизбежно уменьшится. Печально, если Эдо придет в упадок, поскольку это один из прекраснейших городов Дальнего Востока. Хотя там нет красивых публичных зданий, его расположение на берегу океана, роскошные сады даймё и замечательные огромные рвы вокруг замка, над которыми возвышаются циклопические стены, на которые бросают тень живописные ряды сосен, многочисленные деревенские виды в самом городе—все это создает впечатление величия».

Мэйдзи погрузился в паланкин в 8 часов утра. Его сопровождало 3300 человек во главе с Ивакура Томо-

ми, Накаяма Тадаясу (дед Мэйдзи по материнской линии) и многими князьями-даймё. Мэйдзи захватил одну из императорских регалий—священное зеркало, символ прародительницы своего рода богини солнца Аматэрасу. Жители Киото падали ниц при виде императорского паланкина. Они хлопали в ладоши—точно так же, как привыкли это делать в храмах и святилищах, желая обратить внимание божеств на свои беды.

Выбравшись из Киото, Мэйдзи издали помолилися кургану, в котором был погребен император Тэнти (661–671)—родоначальник той династической линии, к которой принадлежал и сам Мэйдзи. Тэнти был известен тем, что учредил первую в истории Японии школу и покровительствовал поэзии. Мэйдзи тоже увлекался сложением стихов. Забота об образовании своих подданных станет в дальнейшем одним из главных направлений его деятельности.

Но противники поездки императора не унимались. Когда Мэйдзи в середине первого дня своего путешествия остановился на отдых, процессию догнал средний государственный советник Охара Сигэтоми. Он сообщил: тории (ворота, ведущие в святилище) во внешнем святилище в Исэ (там почиталась богиня еды Тоёукэ) неожиданно обвалились, что следует истолковать как неблагоприятный знак, предписывающий Мэйдзи немедленно вернуться в Киото. Однако Ивакура, хорошо знакомый с политическими технологиями своего времени, отговорился тем, что устроит специальную службу, дабы избавиться от возможных несчастий, и заявил о решимости завершить путешествие своего императора.

Во время своего путешествия по тракту Токайдо, связывавшему Киото и Токио, Мэйдзи часто отправлял посланцев, чтобы те совершили приношения в святилищах, которые попадались ему по дороге; жертвовал деньги старикам, больным и инвалидам, родителюлюбивым чадам и чадолюбивым родителям, верным женам и слугам. Точно так же поступали и древние японские государи—до тех пор, пока они не перестали покидать пределы своего дворца. Мэйдзи мог позволить себе благотворительность—расходы были оплачены купцами из Киото и Осака. Финансы же самого нового правительства находились тогда в весьма плачевном состоянии.

По дороге в Токио Мэйдзи впервые в жизни наблюдал, как крестьяне жнут рис. Похоже, что урожай того года выдался не слишком богатым. Мэйдзи раздавал крестьянам в утешение сладости. Разумеется, не самолично, а через своих чиновников. На вторых этажах домов, мимо которых проносили императора, было приказано заклеить шторы бумагой, чтобы никто не мог увидеть Мэйдзи (его паланкин) сверху—одно из правил, подлежащих непременному исполнению.

Ни один из императоров за всю японскую историю не совершал такого длительного путешествия. Можно только догадываться, что чувствовал Мэйдзи, впервые обозревая свою страну, о которой он знал только из книжек и докладов. Увидев Фудзияму 20 ноября, Мэйдзи повелел своим сопровождающим непременно

сочинить по стихотворению к тому дню, когда они прибудут в Токио.

Этот день настал 26 ноября. Путешествие заняло 20 дней. Это означает, что процессия проделывала около 25 километров в день. За въездом императора в бывший сёгунский замок наблюдали десятки тысяч людей. Хотя на Хоккайдо еще продолжались военные операции против последних сторонников старого режима, победа императорской армии уже не вызывала сомнения. 15 декабря принц Арисугава Тарухито, командующий этой армией, вернул Мэйдзи его штандарт и меч. Миссия по укрощению мятежников была выполнена.

Мэйдзи ответил тем, что велел поить токийских горожан за его счет в течение двух дней. Было выпито 3000 бочек сакэ. Не забыли советники императора и про закуску, в качестве которой выступала сущеная рыба. Это было, пожалуй, первое мероприятие Мэйдзи по кормлению народа. А это не забывается. Тем более что сёгунам поить такое количество людей в голову не приходило. По всей вероятности, идея была подсказана европейским опытом «работы» с населением. Токийцы и другие жители Канто стоили того, чтобы лишний раз выказать им уважение. Тот, кому удалось заслужить расположение местных жителей, мог рассчитывать на контроль над всей страной. Первая поездка Мэйдзи в Токио напоминала триумфальное вхождение победителя в сдавшийся на его милость город. Само путешествие Мэйдзи являлось свидетельством его освобождения — ведь сёгунат не позволял императорам покидать пределы их дворца Госё в Киото.

Токио произвел на Мэйдзи впечатление своими гигантскими размерами. Точно так же, как и сёгунский замок, который был намного больше, чем его дворец, в Киото. Впрочем, изнутри замок выглядел не слишком убедительно: наиболее внушительные строения сгорели еще в 1863 г. С приездом туда Мэйдзи из замка убрали поминальные таблички предков Токугава, их фамильную усыпальницу разрушили. В этом смысле новое правительство действовало как настоящие революционеры.

Несмотря на разочарование приверженцев сёгуната, никаких серьезных волнений в Токио не наблюдалось. В этом видна отличительная особенность тогдашнего (а во многом и нынешнего) менталитета японцев. «Большие» вопросы решаются «большими» людьми. А мы — люди маленькие. Отрекаясь от своего поста, последний сёгун Токугава Ёсинобу не велел сопротивляться. Теперь его замок занял Мэйдзи. Значит, ему и нужно повиноваться.

5 и 6 января Мэйдзи принимал глав иностранных миссий, а 11 января впервые в жизни отважился подняться на борт корабля. Это был японский военный корабль «Фудзи». Дед императора, Накайма Тадаясу, решительно отговаривал императора от этого «безрассудного» поступка — он боялся, что корабль утонет, а вместе с ним пойдут ко дну императорские регалии. Вопрос решили так: Мэйдзи на борт «Фудзи» все-таки поднялся, но расстался на время со своими регалиями (что было против всех правил), оставив их на берегу.

20 января 1869 г. Мэйдзи отправился в обратный путь в Киото. На сей раз его сопровождало 2153 человека. Император вернулся в столицу 5 февраля. Он спешил в Киото, чтобы принять участие в поминальной службе по своему отцу Комэй. Служба состоялась 8 февраля. Первое длительное путешествие Мэйдзи было закончено. Преодолев путь между Киото и Токио, Мэйдзи словно волшебной нитью соединил их, Запад и Восток страны. В первой половине его правления таких путешествий будет еще очень много.

Слухи о переносе резиденции императора в Токио беспокоили жителей Киото. Развеять их не помогали даже опровержения от имени правительства, даже раздача в Киото сакэ. Тем более что 18 апреля Мэйдзи снова погрузился в тряский паланкин. В процессии на сей раз находилось 2000 самураев-добровольцев. Они просили императора не покидать Киото и не загрязнять себя общением с ненавистными иностранцами. Поскольку уговорить Мэйдзи не удалось, самураи тоже отправились в путь, желая защитить своего императора.

По пути в Токио паланкин императора остановился в Исе, где находится родовое святилище императорского рода. Парадокс заключался в том, что ни один император никогда не молился там. Это было связано с какими-то непонятными нам запретами. Запрет на посещение Исе был, возможно, вызван тем, что там хранится оригинал священного зеркала Аматэрасу. Императору же запрещалось смотреть на солнце.

После Исе Мэйдзи отправился в Тацути, где хранился оригинал одной из его регалий — священный меч. Посещение важнейших синтоистских святилищ намекало на то, что отныне именно культу синто (как древние, так и учрежденные вновь по подобию древних) призваны обеспечивать благополучие в государстве.

Худшие опасения жителей Киото получили подтверждение. Очутившись в Токио, Мэйдзи отправил посланца в Киото, который доложил гробнице Комэй, что неотложные дела задерживают его. Вдовствующей императрице было сказано: ей следует ожидать возвращения ее «сына» не раньше, чем через несколько лет. С этого времени Токио фактически становится столицей страны.

Токио, безусловно, обладал более развитой городской инфраструктурой, чем Киото. Именно там раньше располагались все центральные правительственные учреждения, там же находились и иностранные миссии. Совсем неподалеку находился порт Иокогама — японский вариант «окна на Запад». Но, видимо, самое главное заключалось в другом. Люди привыкли слушаться того, «кто в Эдо». А потому новая власть сочла за благо обосноваться именно там.

Чтобы показать, кто здесь теперь хозяин, для горожан Токио на три дня открыли сёгунский сад, находившийся внутри замка — милость, которая не имела precedентов. Посетителей было столько, что восемь человек погибли в давке. Императору ничего другого не оставалось, как вновь закрыть ворота замка и пожаловать деньги семьям погибших.

Летопись

Отныне Мэйдзи постоянно проживал в Токио, куда переехали и все центральные органы власти. Однако большинство аристократов, к счастью для дела модернизации, продолжало жить в Киото. В гареме Мэйдзи места аристократок заняли дочери бывших самураев.

Должность местоблюстителя императора в Киото упразднили в 1871 г. Киото окончательно перестал быть официальной столицей.

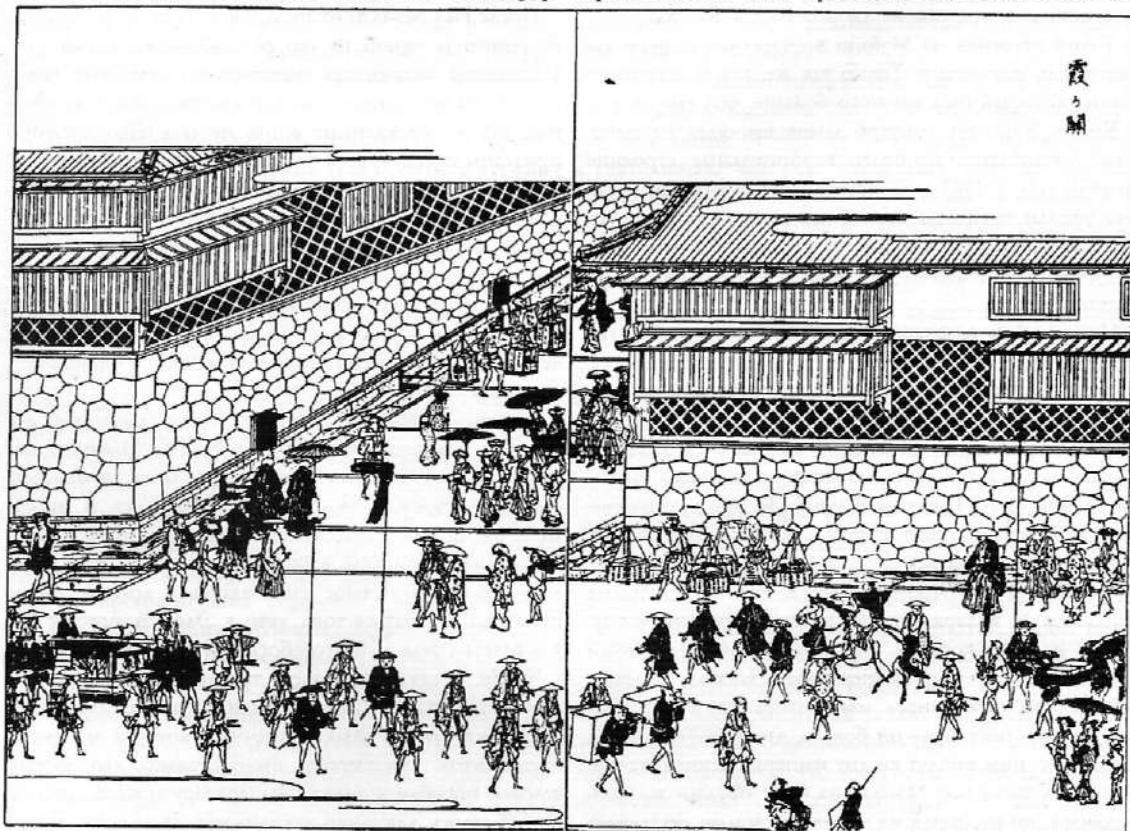
Все это отнюдь не означает, что Токио мгновенно превратился в город, достойный звания столицы «Великой японской империи», как стала именовать себя ныне страна. В первое десятилетие нахождения там императора никакого масштабного строительства символов государственной власти в Восточной столице не велось. Более того: не восстанавливались даже старые. В мае 1873 г. из-за оплошности служанки на дворцовом складе вспыхнул пожар. Дворец был полностью уничтожен, многие ценнейшие документы обратились в пепел. Однако императорские регалии спасли удалось. Мэйдзи пришлось переехать во «временный дворец» Акасака—бывшую резиденцию князей из Кисю. Он жил там вплоть до 1889 г., когда на месте сёгунского замка возвели новый дворцовый комплекс. Столь долгий срок пребывания во «временном дворце» объясняется крайне напряженным состоянием государственных финансов—на счету была буквально каждая иена. Сам император не раз заявлял: он не хочет, чтобы возведение дворца легло дополнительным бременем на плечи трудового народа. Именно к такой фор-

мулировке частенько прибегали праведные правители китайской и японской древности. Каменные стены бывшего сёгунского замка разваливались, территория зарастала кустарником и деревьями. И это в самом центре столицы!

До 1889 г. символом императора был не дворец, а паланкин, в котором он путешествовал по стране. Это был основной способ, с помощью которого он напоминал своим подданным о своем физическом существовании.

С 1889 г. Мэйдзи обретает большую неподвижность, и теперь на поклонение к нему съезжаются люди со всей страны. Введение в школьную программу обучения экскурсионных поездок в столицу сильно способствовало процессу превращения императора и его дворца, самого Токио в главную точку символической топографии Японии.

Эрнест Сатов оказался прав в своих прогнозах относительно ближайшего будущего Токио. Население города, насчитывавшего 1 миллион 300 тысяч жителей, начало сокращаться еще в 1862 г., когда были введены послабления в системе заложничества (санкин котай). До этого времени князья вместе со своими семьями были обязаны через год являться в Эдо и жить там. Только по прошествии года им разрешалось вернуться в родное княжество—тоже на год. Семья же оставалась жить в Эдо. На узких дорогах, ведущих в Эдо, часто можно было наблюдать многокилометровые процесии. Во главе процессии находился князь. Он

Даймё, направляющийся в замок к сёгуну

мог ехать верхом или в паланкине. Свита и охрана передвигались пешком. Заставляя князей жить на два дома, сёгун специально истощал княжеские финансы. Содержа их неподалеку от себя под надзором многочисленных агентов, он предотвращал возможность словорва. Система заложничества имела побочный эффект: развитие сферы обслуживания. Придорожные гостиницы, едальни, публичные дома и бани в Эдо процветали. В 1862 г. сроки пребывания даймё в Эдо были сокращены, а членам семьи разрешалось покидать Эдо по своему усмотрению.

Для Эдо разрушение системы заложничества означало значительное сокращение населения: в свитах даймё состояло около 360 тысяч человек! Вместе с их частичным отъездом из Эдо потеряли работу многие жители города, которые были заняты их обслуживанием. Вкупе с развернувшимися впоследствии босвыми действиями и отъездом Ёсинобу это привело к массовому исходу из Эдо: к 1869 г. население Эдо уменьшилось на 800 тысяч (с 1 миллиона 300 тысяч человек до 500 тысяч). Население восстановилось только в 1889 г.

Император унаследовал сильно опустевший город. Мэр Токио Оки Такато предпринял отчаянный план по превращению значительной части столицы в сельскохозяйственные угодья—9 процентов территории заняли посадки тутового дерева и чая. В начале 80-х годов встречались и засеянные рисом поля. В Токийском заливе во время отлива множество людей бродили по обнажившемуся дну и собирали съедобные ракушки—излюбленное лакомство обитателей архипелага еще со времен палеолита.

Но все равно Токио притягивал к себе тысячи и тысячи самых энергичных жителей страны, город рос. Однако в первые десятилетия правления Мэйдзи, когда последствия индустриализации еще не были явлены в полной мере, Токио еще не успел превратиться в «каменные джунгли». Эдвард Морс (1835–1925), основатель современной археологии в Японии, вкушивший прелести стремительной индустриализации в Америке, писал о Токио: «Было весьма отрадно наблюдать через весь огромный город на корабли в заливе Эдо; ни одной трубы, ни малейшего дымка—впечатляющий контраст по отношению к нашим задымленным городам». Ему вторит писатель Всеволод Крестовский (1840–1895), побывавший в Японии в 1880–1881 гг.: «Тут, справа,—какая-то фабрика, состоящая из нескольких кирпичных зданий. На нее невольно обращаешь внимание, потому что ни около Иокогамы, ни в окрестностях Токио не видать высоких фабричных труб, к которым так привык наш глаз в Европе, что без них мы даже не можем представить себе предместьи большого города...» Несмотря на высокую плотность населения, с точки зрения тогдашних мировых мегаполисов Токио представлялся очень большой деревней. Воздух был еще настолько чист, что в ясную погоду из Токио была видна Фудзияма (сейчас об этом можно только мечтать).

12 февраля 1883 г. заместитель отдела строительства императорского дворца Сисио Тамаки подал доклад-

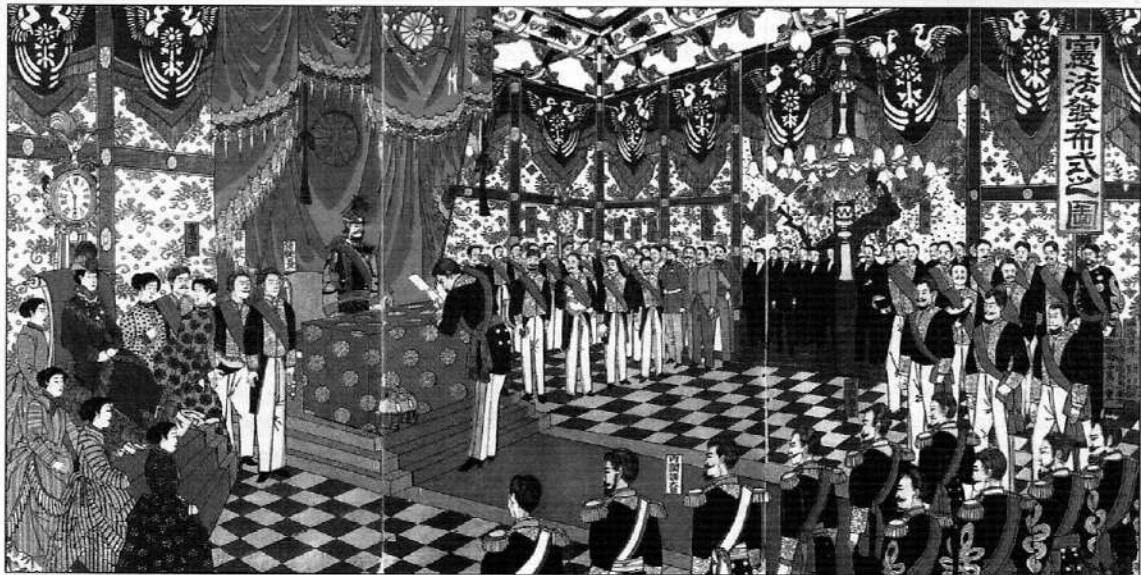
ную записку, в которой, в частности, говорилось: «Назначение императорского дворца отнюдь не ограничивается тем, что он является вместилищем священного тела императора. Дворец—это место, предназначенное для великих дел по управлению страной, люди—как здесь, так и за границей—должны взирать на него с чувством почтения и восхищения. Это место, где отправляются ритуалы для [процветания] Поднебесной. В последние годы к нам приезжает все большее число королевских особ и благородных людей из Европы и Америки, с каждым днем отношения становятся все более тесными. Дела в этом мире зависят от ритуала. Если говорить об управлении страной, то уже прошло то время, когда император мог править Поднебесной из крытой соломой хижины, в которую ведут земляные ступени».

Среди политической элиты господствовали похожие настроения—с ростом имперского самосознания стране требовалась и соответствующая ему столица, в сердце которой находился бы императорский дворец. При этом все обращали внимание, что во всех «настоящих» державах (будь то монархии или республики) такие архитектурные символы уже имелись. Было решено, что дворец должен быть построен к принятию конституции. Ее провозглашение намечалось на 1889 г.

В октябре 1888 г., менее чем за четыре месяца до принятия конституции, строительство императорского дворца было завершено. Комплекс состоял из 36 деревянных зданий, соединенных между собой крытыми галереями. В этом отношении дворец напоминал традиционную усадьбу аристократа. Новшеством были интерьеры. Помещения, предназначенные лично для Мэйдзи, были выполнены в чисто японском стиле. Однако убранство строений, где проводились публичные церемонии, отличалось смешанным дизайном. В них не снимали обувь, полы были покрыты коврами, мебель закупалась в Германии. Мост, переброшенный через ров с водой, отделявший сложенные из камня стены дворцовского комплекса от города, был построен в традициях немецкого ренессанса. Быстрый рост военной мощи Германии, несомненные успехи в конструировании немецкой нации убеждали японское правительство в том, что ему стоит следовать по пути, проложенному Германией.

Дворец был символом Японии, а этот мост, получивший название «Нидзюбаси», стал символом дворца, поскольку, как и раньше, дворцовый комплекс представлял собой «запретный город», вход в который простолюдинам был запрещен. Желавшие засвидетельствовать императору Мэйдзи свое почтение дальше этого моста пройти не могли. Отсюда начинались дороги Японии—именно он был той нулевой точкой, от которой отсчитывалось расстояние от Токио до любой точки страны.

Дворец производил на всех посетителей самое благоприятное впечатление. В особенности это касается тронного зала. Немецкий доктор Эрвин Бэльц, находившийся на службе в Министерстве двора, отмечал, что ему не доводилось видеть в Европе более

Неизвестный художник. Провозглашение конституции (1889 г.) в тронном зале дворца

прекрасной залы. Корреспондент газеты «Japan Daily Mail» так описывал его: «Тронный зал в императорском дворце представляет собой комнату, дышащую благородством; она выполнена в соответствии с японскими представлениями, но с элементами, заимствованными с Запада. Потолок—комбинация из картин, воплощающих в условной форме хризантему, павлению и пион; цвета—насыщенные, но приглушенные, каждая картина заключена в глубокую лакированную рамку, углы которой отделаны тщательно гравированными листами позолоченной меди. Спускаясь по изогнутому карнизу, который украшен сходным образом пионами на красном фоне... потолок переходит на второй уровень, где те же самые мотивы повторяются в несколько более приглушенных тонах. Верхняя часть стен украшена тонкой кожей с неброской отделкой... Трон, выполненный в красных и золотых тонах, расположен на невысоком помосте, а над ним, поддерживаемый двумя склоненными копьями, находится шелковый балдахин с прекрасно вытканными фиолетовыми изображениями императорского оружия, хризантем и павлоний на желто-соломенном фоне».

В сущности, разделение на «японскую» и «иностранный» часть дворца не может считаться нововведением. Такое же разделение практиковалось уже в VIII в. в Нара. С той, правда, разницей, что под «заграничным» понималось китайское. Те здания, в которых древние императоры осуществляли свои публичные функции, были на китайский манер покрыты черепицей, а строения внутреннего дворца по-прежнему крылись дранкой.

Архитекторы дворцового комплекса позаботились и о предметах дворца. Квартал, примыкавший к Нидзюбаси, снесли. Теперь перед дворцом раскинулась огромная площадь. В традиционном японском городе площадей не было. Публичные действия по необходимости принимали форму растянутых по дороге процессий. Теперь государство получило площадку,

приспособленную для публичных церемоний европейского типа. Заполнившие ее люди были японским народом. Император мог теперь видеть его, не совершая утомительных путешествий в тряском паланкине по дальним уголкам своей страны. Мобильный император, представлявший собой «движущийся Центр», приобрел постоянные пространственные характеристики. Японский народ по большим праздникам мог увидеть здесь своего императора. Вместе с армейским плацем в Аояма и парком Уэно, где концентрировались культурные символы (находившиеся в ведении Министерства двора Национальный музей, Императорская академия, Токийская музыкальная академия, Академия искусств, Императорская библиотека), дворцовая площадь стала главным местом, где осуществлялась символическая смычка между людьми со всех концов страны. На этих площадках с этим народом общалась власть на вновь изобретенном национальном языке тоталитаризма.

20 июля 1883 г. скончался правый министр Ивакура Томоми. В отличие от большинства членов правительства, принадлежавших к бывшим самурайским фамилиям, он вел свою родословную от киотской аристократии. И беспокойство по поводу того, что Киото после отъезда оттуда императора приходит в упадок, не оставляло его. Недаром его последним проектом государственной важности было возрождение древней столицы. Родившийся в Киото император был с ним полностью согласен. Это был редкий случай, когда российский пример вдохновил Мэйдзи. Он указывал, что после основания Санкт-Петербурга Москва не потеряла своего ритуального значения: российские монархи короновались в Кремле. И славу Киото тоже можно было поддержать за счет проведения там важнейших ритуальных мероприятий.

В мае 1883 г. Ивакура отправился в Киото и представил свои соображения по тому, как можно сделать увядавший город вновь процветающим. Предполага-

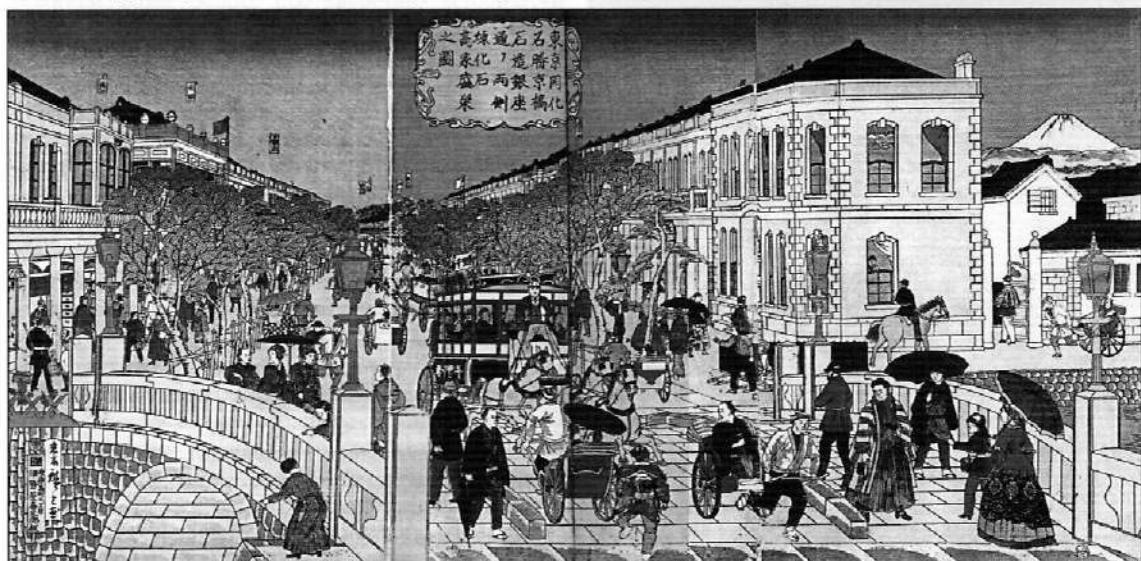
Утагава Хирошигэ III. Музей изящных искусств и фонтан Сёдзё. Вторая промышленная выставка в парке Уэно (1881)

лось, что в Киото будет открыт филиал Министерства двора. Этот филиал станет отвечать за связи с местными святынями и храмами. В Госсё в память об основателе города—императоре Камму—будет построено святилище. Часть церемонии интронизации будущего государя, а также церемония посвящения жены государя в сан императрицы должны проводиться в Киото. Ивакура предложил также построить в городе специальный храм (ёхайсё), в котором можно было бы поклоняться святыни в Исэ и гробнице первого императора Дзимму «издалека» (в традиционном синто обряде поклонения «издалека» не существовало—совершение обряда допускалось только там, где расположена святыня). И многие другие важные ритуалы также следовало, согласно предложению Ивакура, проводить в Киото. Причём правый

министр ратовал за то, чтобы на эти ритуалы допускался и народ. Раньше императорские ритуалы были скрыты от посторонних глаз, но теперь эти ритуалы должны были послужить «склеиванию» воедино императора и его подданных. Ивакура напоминал старую конфуцианскую истину: без соблюдения ритуала государство приходит в упадок.

Большинство предложений Ивакура были претворены в жизнь. Следующий император—Тайсё—прошел церемонию интронизации в Киото. Именно в Киото похоронили и самого Мэйдзи.

Токио стал символом новой Японии—интернационализированной, с развитой промышленностью, с сильной армией, агрессивной. Токио гордился не старым, а новым. Он стал законодателем моды, кирпичные здания в районе Гинзы будто бы переносили

Утагава Хирошигэ III. Плоды цивилизации в Токио: каменный мост Кёбаси и процветающие магазины в кирпичных и каменных зданиях по обеим сторонам Гинзы (1874)

Итоэ Танкэй. Достопримечательности Токио: мост Азума и взрыв торпеды на дальнем плане (1888).

горожан в Европу. Улицы там освещались газовыми и электрическими фонарями. На обсаженной деревьями улице невиданной ширины (27 метров!) были устроены первые в Японии тротуары. По улице проезжали конные экипажи. В доме приемов Рокумэйкан, куда собирались сотни приглашенных, кружились вальсы иностранцы и японцы, одетые в сюртуки и бальные платья.

Исикава Тэнгай, автор знаменитого в свое время путеводителя по Токио, буквально захлебывался от восторга при виде ярко освещенных улиц Токио: «После

наступления сумерек уличные фонари—электрические и газовые—вспыхивают подобно цветам, чтобы представить взору бесконные кварталы во всем их великолепии. Этот город действительно заслуживает звания столицы в цвету». Киото всегда гордился своими сакурами, поэтому его называли «столицей в цвету» (хана-но мияко). Токио не мог конкурировать с Киото в этом отношении, и место сакуры заняли уличные фонари..

Однако «нового» было недостаточно. Новое в Японии всегда стремились уравновесить старым, традиционным. В качестве якоря, удерживавшего «предводой» Токио на плаву, был выбран Киото. В начале правления Мэйдзи в его дворце Госё начали было проводить торгово-промышленные выставки. Теперь экспонаты убрали, все силы были брошены на то, чтобы придать Киото облик столицы с древними традициями.

Особенно памятным в этом отношении оказался 1895 г., когда состоялись грандиозные мероприятия, приуроченные к 1100-летней годовщине основания Киото (Хэйан). В Киото было завершено строительство святилища Хэйан-дзингу, в котором стали поклоняться Камму. С 1940 г. здесь стали поклоняться и императору Комэй—последнему императору, который «правил» из Киото. Новое святилище представляло собой реконструкцию зданий древнего дворцовского комплекса.

В качестве одного из мероприятий, приуроченных к юбилею города, был впервые проведен «праздник истории» (дзидай мацури). 22 октября, т.е. в тот день, когда Камму переехал в Хэйан, стало устраиваться грандиозное костюмированное действие. По улицам города прошли тысячи людей, которые в своих традиционных одеяниях были призваны олицетворить разные периоды японской истории. Киото окончательно стал городом, в котором правит бал История.

Дзидай мацури (праздник истории)

Анатолий Аншин

Япония и Корея: истоки непонимания

Корейцев, находящихся в настоящее время на территории Японии, принято делить на две категории. Первая — это люди, прибывающие из Южной Кореи в Японию на определённый срок с целью работы, учёбы или туризма. Вторая категория — это корейцы, согнанные в Японию для принудительного труда во время Второй мировой войны и отказавшиеся вернуться на родину после капитуляции Японии. Таких людей называют в Японии «дзайнити тёсэндин». В эту категорию входят и их потомки, проживающие в Японии.

В настоящее время численность этих людей составляет около 600 тысяч человек. Несмотря на то, что большинство из них блестяще говорит по-японски и уже ничем не отличается от «настоящих» японцев, многие в той или иной степени являются объектом дискриминации. Сразу после окончания Второй мировой войны японское правительство выработало по отношению к ним особую политику — им предоставили возможность постоянного проживания в Японии, но без права получения гражданства. Напомню, что Германия разрешила остаться в стране и получить немецкое гражданство всем, кто был вывезен на принудительные работы. Уже на протяжении полувека «дзайнити тёсэндин» не имеют гражданства, что создаёт для них немало сложностей и проблем.

Сложившаяся ситуация является частным проявлением более общих противоречий, исторически сложившихся во взаимоотношениях между Кореей и Японией. Многие японские социологи и историки видят причину этих проблем в имперской экспансии Японии, начавшейся в конце XIX века и окончившейся вместе с её капитуляцией во Второй мировой войне. Однако, если попытаться рассмотреть ту идеологию, которая подпитывала японский экспансионизм с исторических позиций, станет понятно, что идеологические истоки колониальных захватов Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии следует искать в гораздо более давнем времени.

Древность

Начиная с династии Хань (III в. до н.э.—III в. н.э.), в Восточной Азии стал складываться такой международный порядок, при котором главы многих государств платили дань китайскому императору, восседавшему в центре Поднебесной. Следует, правда, иметь в виду, что это не являлось данью в монгольском понимании. «Выход», который платили русские князья монголам, был действительно обременителен; в дальневосточном случае речь идет

скорее о дани «статусной». Она была унизительна, но невелика — обычно китайские подарки («пожалования») с лихвой перекрывали эту «дань».

Правители Японии, которая в те времена называлась Ямато, вступили в систему вассальных отношений с Китаем в V веке нашей эры. В VI веке Ямато вышла из этой системы, стремясь к расширению сферы своего влияния на Дальнем Востоке и конкурируя с тремя корейскими государствами: Когурё, Силла и Пэкче. Борьба между государствами Восточной Азии достигла своего пика во второй половине VII века. В 663 году в заливе Пэкхонкан (устье реки Кымканха) произошла морская битва между объединенными силами Ямато и Пэкче, с одной стороны, и армией Тан и Сила — с другой. Коалиция Ямато и Пэкче потерпела жестокое поражение. В результате государство Пэкче прекратило своё существование, а Корейский полуостров был объединён под эгидой Силла. Правители Ямато, осознавшие свою военную слабость, с этого времени обратились непосредственно к китайскому опыту государственного строительства. Ранее многие государственные институты строились в соответствии с корейскими образцами.

В Китае император носил титул «тиньцзы» («сын неба»). Тиньцзы награждал своих вассалов титулом «ван». Начиная с династии Хань, когда вассальная система Китая стала расширяться за его пределы, тиньцзы стал жаловать титулом «ван» глав соседних государств, вступавшим с ним в вассальные отношения. Правители Ямато также носили такой титул. Помимо «тиньцзы», в Китае существовал и титул «тинь хуан» (яп. «тэнно» — «небесный император»). Но носил его только третий император танской династии Гао Цзун (прав. 650—683). «Тинь хуан» — это даосский термин, уподоблявший императора Полярной звезде как её земному соответствию. При этом двор правителя выступал как собрание даосских мудрецов.

Рост государственного самосознания привел к тому, что правители Японии перестали именовать себя «ванами» и стали называть себя «тэнно». Это произошло в конце VII века (вероятнее всего, в правление Тэмму, 672–686). Принятие нового титула стало лишь частью более обширных реформ, таких как переименование страны из «Ямато» в Японию («Нихон»), принятие законодательного кодекса «Тайхорицурё» и собственных девизов правления. Проведение такого рода реформ было равносильно заявлению независимости от Китая, попыткой создания уменьшенной версии китайской империи к востоку от Китая. Во главе его стоял еще один «небесный

император», стремящийся противопоставить себя китайскому. Титул «небесный император» автоматически подразумевает существование стран-вассалов. Японским императорам тоже были нужны «варварские» народы и государства, послы, которые регулярно являлись бы в столицу Нара с данью.

Итак, вслед за Китаем политическая элита Японии стала считать, что страна представляет собой цивилизованный Центр, вокруг которого в четырех сторонах света располагаются «варварские» народы и государства. Для Японии это были племена хаято (юг) и предки айнов-эмиси (север и восток). Несмотря на то, что в древности для Японии Корея (в особенности Пэкче) была культурным донором и образцом для подражания, корейцы (запад) тоже были низведены до статуса «варваров».¹ Это касается как Силла, так и преемника Когурё—Бохай (VIII—X вв.). И это несмотря на то, что земледелие и технологии выплавки металлов пришли на архипелаг вместе с переселенцами с Корейского полуострова (достаточно интенсивная миграция началась около III в. н.э.).

Хаято и некоторые племена эмиси, не имевшие собственной государственности, действительно сильно зависели от Японии и были — в длительной исторической перспективе — «переварены» японской культурой. Что касается Кореи, то здесь дело обстоит намного сложнее. Несмотря на то, что Сила в VIII в., а Бохай в VIII—IX вв. приносили дань японскому двору, власть японского тэнно на территорию Корейского полуострова реально не распространялась. Хотя официальная идеология (например, свод «Нихон сёки», 720 г.²) утверждала о давнем господстве Ямато—Японии на полуострове, эти данные скорее выдают желаемое за действительное, хотя набеги японцев действительно имели место.

Вывод относительно сильного искажения действительности справедлив не только относительно международных дел Японии, но и относительно всей истории формирования японской государственности. Хроника представляет собой не столько зеркальное отражение событий, сколько модель того, какими эти события должны быть. Однако следует иметь в виду, что сама правящая японская элита всегда руководствовалась, как это и положено в древности и Средневековье, не столько исторически выверенными фактами, сколько моделью исторического процесса.

Япония была слишком слаба, чтобы навязать гегемонистскую модель соседним странам. Это тем более справедливо по отношению к настоящему дальневосточному гегемону — Китаю. Совершенно невозможно себе представить, чтобы китайский посол являлся с данью ко двору какого-нибудь японского правителя, даже если он называл себя «тэнно». Все это, вероятно, и послужило одной из причин, почему Япония в конце VIII—IX вв. выходит из системы международных отношений на Дальнем Востоке: обмен посольствами прекращается, начинается добровольная изоляция страны от внешнего мира.

¹ Подробнее об этой geopolитической модели см. А.Н. Мещеряков, М.В. Грачев. История древней Японии. СПб, «Гиперион», 2002, с.341–347.

² Русский перевод хроники см. «Нихон сёки. Анналы Японии». Перевод А.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. — СПб, «Гиперион», 1997.

Вместе с тем образ Кореи-даниника прочно закрепился в сознании правящей японской элиты. Неприязнь по отношению к стране, которая должна быть вассалом, но не является таковым, продолжала существовать многие столетия. Обе попытки монголов захватить Японию во второй половине XIII века, использовавших Корейский полуостров как плацдарм для переброски своих войск, значительная часть которых состояла из корейцев, лишь способствовали усилению этой неприязни.

Средние века

В X веке после падения династии Тан и установления династии Сун (Х—ХIII вв.) Китай оказался под давлением со стороны северных кочевых племён, и система вассальных отношений в дальневосточном регионе начала расшатываться. Монголы, завоевавшие Китай и основавшие там в XIII веке династию Юань (ХIII—XIV вв.), подчинили себе многие бывшие страны-вассалы Китая. После изгнания монголов новая китайская династия Мин (XIV—XVII вв.), стремясь к восстановлению былого величия Китая, призвала близлежащие государства снова платить дань. В 1401 году сёгун Асикага Ёсимицу (прав. 1368—1394) отправил посланца в минский Китай для возобновления дипломатических отношений, а в следующем году китайский император Цзянъ Вэнь (1398—1402) признал его своим вассалом в качестве «короля (вана) Японии» («нихон кокую»). Таким образом, военный правитель Японии стал в качестве «короля» частью дипломатической иерархии Восточной Азии. В 1404-м году сёгун Асикага Ёсимицу, назвавшийся «королём Японии», отправил делегацию к вану Кореи, который также являлся вассалом китайского императора. Так получилось, что между военным правителем Японии и королём Кореи вроде бы завязались равноправные дипломатические отношения.

Однако внутри самой Японии Асикага Ёсимицу не обладал достаточной легитимностью и стал объектом жёсткой критики, поскольку настоящим сузереном Японии считался все-таки тэнно. К тому же использование термина «ван» автоматически ставило японское государство на одну ступень с Кореей, вассально подчиненной Китаю. А это воспринималось уже как унижение.

Еще одной вехой в сложной истории японо-корейских отношений стали два провальных похода в Корею Тоётоми Хидэёси в конце XVI в. При этом Хидэёси вдохновлялся примером полумифической правительницы Дзинго Когу (201—269), которая, согласно «Нихон сёки», возглавляла японское воинство в походах на Корейский полуостров.

Тоётоми Хидэёси пытался захватить Корейский полуостров дважды — в 1592 и 1597 гг. В первый раз он планировал вторжение в минский Китай, предпосылкой для чего было подчинение Кореи. Корея отвергла требования о подчинении, и в 1592 году Хидэёси направил 150 тысячное войско для покорения Ко-

Корейское посольство 1682 г.

рейского полуострова. Поначалу Япония одерживала одну победу за другой, в том числе и над китайской армией, но затем её флот потерпел сокрушительное поражение от корейского полководца Ли Сун Син (1545–1598), и Японии пришлось заключить перемирие. В 1596 году посол из минского Китая привёз государственный документ на имя Хидэёси, где говорилось, что император Китая назначает Хидэёси ваном Японии, что привело его в ярость. В следующем году Хидэёси снова отправил войска на завоевание Кореи, но эта вторая попытка была прервана его смертью.

Период Эдо

Для только что возникшего сёгуната Токугава восстановление дипломатических отношений с минским Китаем и Кореей, прервавшихся в результате кампании Хидэёси, было одной из самых первоочередных задач, поскольку сёгунату нужно было доказать свою легитимность. Для придания себе большей авторитетности основатель сёгуната, Иэясу, изготовил две роскошные. Согласно одной из них, он являлся потомком аристократического рода Фудзивара, согласно другой – потомком сёгунов из рода Минамото. В реальном политическом обороте приоритет получила вторая версия. Признание со стороны иностранных государств позволило бы Токугава чувствовать себя более уверенно и при проведении внутренней политики.

На первых этапах переговоров между сёгунатом Токугава и Кореей существовали некоторые сложности и разногласия. Однако благодаря посредничеству клана Цусима, который в силу своей географической близости с Кореей традиционно поддерживал с ней тесные связи, в 1606 году в Корею был направлен посланец от имени «vana Японии». В следующем году от вана Кореи прибыл посланец с ответом. Во время аудиенции, данной ему вторым сёгуном – Токугава Хидэтада (прав. 1605–1623) – в замке Эдо, произошел

обмен государственными документами, свидетельствующими о восстановлении дипломатических отношений между странами. На этот раз титул сёгуна звучал как «Минамото-но Хидэтада из государства Япония», что вызвало негодование при корейском дворе, поскольку такое титулование нарушало принятый дипломатический протокол. В результате клан Цусима без санкций сёгуната переделал подписи на государственных документах, которые увозили с собой вторая и затем третья корейская делегация. Теперь титул сёгуна звучал как «ван Японии»³.

Подделка была, естественно, обнаружена, но важнейшая для Средневековья проблема титулования оставалась. Она была решена за счет того, что для именования сёгуна корейцами стал употребляться титул «великий правитель» (тайкун). Этот титул не употреблялся ранее в дипломатической практике, вопрос о том, выше он «vana» или нет, оказался обойденным.

В течение всего периода Токугава Корея посыпала посольства в Японию каждый раз, когда там к власти приходил новый сёгун. Между правителями Токугава и корейскими королями сложились вполне нормальные дипломатические отношения. Но при этом нельзя сказать, что дипломатия правительства бакуфу полностью избавилась от традиционного отношения к Корее как к подчинённой стране (так, сёгуны Токугава не отправляли в Корею ответных миссий). Тем не менее, отношения с Кореей несли Японии немало выгод.

Принятие корейских посольств было для сёгуната далеко не простым делом – каждая корейская делегация насчитывала более 400–500 человек, ее прием требовал огромных расходов. Тем не менее, для Японии, находившейся почти в полной изоляции, это была редкая возможность соприкоснуться с материковой культурой. Места, где останавливались члены корейской делегации, всегда были переполнены японскими

³ Существует также версия, что на самом деле сам Токугава Иэясу дал тайное согласие подпisyвать дипломатические документы от имени «короля Японии».

Летопись

учёными, врачами, литераторами, которые спешили узнать, что происходит на континенте. Корея тоже пользовалась случаем для приобретения информации: корейцы пытались понять, чего им стоит ждать от Японии в ближайшее время. Необходимость такой разведки была продиктована настороженным отношением корейцев к Японии, вызванным, в частности, походами Тоётоми Хидэёси.

Конец эпохи Токугава и период Мэйдзи

Тема подчинения или завоевания Кореи являлась одной из центральных во внешней политике Японии времени Мэйдзи. «Теория завоевания Кореи» («сэйканрон»)¹, с одной стороны, являлась отправной точкой японо-корейских отношений нового времени, с другой стороны, она являлась заключительным звеном всех предыдущих этапов истории развития этих отношений. Идеология покорения Кореи, коренясь в ностальгическом образе «поверженной» древней Кореи, продолжала существовать на протяжении средних веков и в эпоху Токугава, когда между обеими странами были налажены добрососедские отношения. Выдвижение на политическую сцену института императоров-тэнно, института, олицетворяющего собой господство Японии над Кореей, послужило стимулом к нагнетанию антикорейских настроений.

С конца XVIII века у берегов Японии стали появляться суда России, Америки, Англии и других стран, что вызвало глубокую озабоченность внутри страны. Огромный резонанс вызвало поражение Китая в опиумной войне с Англией. Политическая элита Японии поняла, что если страна хочет сохранить свою самостоятельность, если она хочет быть принятой в «семью цивилизованных стран» на основаниях равенства, она должна играть по империалистическим правилам Запада. Идея захвата близлежащих территорий в азиатском регионе стала обретать все большую популярность. Появились крайне экстремистски настроенные политики, такие как глава клана Мито Токугава Нариаки (1800–1860), который называл Корею «страной варваров, подобных диким животным». Завоевание Кореи становилось одной из главных забот японской внешней политики.

Одновременно появились и другие виды политической идеологии, такие как «японоцентризм» («нихон тюсин сюги»), подчёркивавший необходимость упорядочивания политической системы управления в стране и духовного единения всего японского народа. Появилась также «теория почитания Японии» («нихон самбирон»), которая отвергала традиционное почитание Китая как источника материевой культуры и подчёркивала уникальность Японии как единственной страны с беспрерывной императорской династией. Всем этим теориям неизменно сопутствовал образ покорённой Кореи. Основы для сэйканрон XIX века были заложены путём объединения образа покорённой Кореи с идеологией внешней экспансии.

Как только после «обновления Мэйдзи» было сформировано новое правительство, клан Цусима, рассчи-

Банкнота 1873 г. выпуска, достоинством в 10 юаней.
На ней изображена Дзинто Коту во время ее похода в Корею.

тывавший на благосклонность нового правительства, призвал к изменению внешней политики по отношению к Корее, подчёркивая, что равноправные дипломатические отношения с Кореей не соответствуют задачам императорской власти и являются унизительными. В основе этих призывов лежала достаточно простая логика – раз император снова пришёл к власти, то и Корея тоже должна подчиниться ему, как когда-то в далёком прошлом.

Вопрос о том, как осуществить «непосредственное императорское управление Кореей», оставался центральной проблемой на протяжении всего периода Мэйдзи. По словам Кидо Такаёси (1833–1877), одного из главных действующих лиц в революции Мэйдзи, «покорение Кореи – одна из главных целей революции». С самого начала «непосредственное императорское управление Кореей» подразумевало два способа решения этой проблемы – отправка императорского наместника и силовой захват. Так оказалось, что оккупация Кореи прочно срослась с идеалом восстановления императорского правления в Японии. «Когда его величество император издаст великий указ о восстановлении своей власти, Корею будет необходимо снова подчинить Японии, как это было в прошлом, и заставить её соблюдать все нормы этикета, предписанные стране – вассалу» – эти слова Кидо Такаёси очень хорошо отражают суть корейской проблемы во времена революции Мэйдзи.

Новому императорскому правительству Мэйдзи удалось воплотить в жизнь планы по оккупации Кореи в начале XX века. Оккупация закончилась почти через 50 лет только с капитуляцией Японии во Второй мировой войне. С тех пор, как в 1946 году японский император публично отрёкся от своего божественного происхождения, образ покорённой Кореи перестал существовать, и лишь проблема с гражданским статусом «дзайнити тёсэндзин» в Японии остаётся отголоском глобальной проблемы не такого уж и далёкого прошлого.

Как видно из вышеизложенного, имперская идеология Японии по отношению к Корее возникла не на ровном месте. Её истоки уходят корнями в глубь веков. Однако неразрешенным остаётся вопрос – почему более чем тысячелетия назад Китай позволил японским правителям противопоставить себя китайскому императору, назвав себя «тэнно»? Пусть это будет темой отдельного исследования.

¹ Этой проблеме посвящена значительная часть работы: М.К. Ковалчук. Правительственный кризис 1873 г.: внутренние и внешнеполитические причины. – «Япония 2001–2002. Ежегодник», М., «Макс-пресс», 2002, с.388–407.

Оксана Галкина

Виктор Мазурик: Путь с чайной чашкой в руках

После окончания пятого курса Виктор Петрович начал читать курс средневековой японской литературы. Сейчас он признается, что тогда был совершенно к этому не готов — ни морально, ни физически, ни интеллектуально. Однако в тот момент сложилась ситуация, когда ушло поколение его учителей, которыми являлись люди масштаба Н.И. Конрада.

Но и тогда Виктор Петрович еще не встал на Путь Чая и даже не хотел им заниматься, отдавая себе отчет в том, насколько это сложно и сколько сил на это нужно положить. Лишь в конце 80-х, когда в Москву приехал великий чайный мастер Сэн Сосицу (или Хоунсай — «жрец Фениксово Облако», потомок чайного мастера Сэн-но Рикю в 15-ом поколении) и было подписано соглашение между Академией наук, МГУ и Союзом обществ дружбы с народами зарубежных стран, коллеги из ИСАА выжидательно взглянули на Виктора Петровича, — кому же как не медиевисту ехать в Киото на чай-

Вступить на Путь Чая и постигнуть его до последней капли — задача не из легких. На служение изумрудному напитку надо положить всю жизнь без остатка, и это отнюдь не преувеличение. Путь этот необыкновенно сложен и тернист, а для тех, кто привык употреблять чай в китайских чайных, расположенных в пределах Садового кольца, грозят разочарованиями. Путь Чая охватывает не только процедуру приготовления напитка, но и изготовление чайной посуды, знание изобразительных и прикладных искусств, литературы, музыки, каллиграфии, садовой архитектуры. Виктор Петрович Мазурик — доцент кафедры японской филологии в Институте стран Азии и Африки при МГУ — является также действительным членом российского филиала чайной ассоциации Урасэнкэ и не понаслышке знает, что такое отречение во имя чая.

ную стажировку? На что он сказал: «Друзья, может, лучше кого-нибудь поможем? Мне уже сорок, а начинать в таком возрасте постигать Путь Чая — это все равно что начинаться заниматься классическим балетом». Между тем Сэн Сосицу устроил чайное действо в Кремле при М.С. Горбачеве и провел ряд других чаепитий.

«Помните, что у нас тогда в стране происходило? Все рушилось, государство летело под откос. В Москве путчевая атмосфера ощущалась особенно остро. Все сидели иironически смотрели на неспешные чайные действия. Сэн Сосицу это заметил и, будучи человеком остroумным, сказал: «Вы думаете, что к вам приехали показывать средневековое изысканное искусство. Не все так благостно, как вам кажется. Искусство чайного действия порождено в эпоху кровавых междуусобных войн, оно создано самураями. Самураи пили чай в коротких перерывах между сражениями. И это не просто отдых от многотрудных хлопот этой жизни, а искусство собранности, в том числе воинской, со-средоточенности на мгновениях сиюминутной жизни, которые очень важны именно в стрессовые и переходные эпохи. У чая много свойств, которые в России сейчас более важны, чем в Японии»,— вспоминает Виктор Петрович о своем первом знакомстве с чайным мастером.

От поездки в Киото он долго отказывался: мол, надо дописать книгу, да и студентов никак не бросишь. Но в Дом дружбы народов (особняк Саввы Морозова), где в это время развивалась чайная традиция, хаживал с удовольствием: «Я с интересом ходил на занятия к Нисикава Сотоку из Камакура. Изначально он приехал в Москву только посмотреть, может ли что получиться с организацией здесь чайной школы, а остался на тринадцать лет. О час я знал очень абстрактно. Но мое увлечение японской поэзией близко к чаю — это одна и та же культура, но только в разных проявлениях. Да и в поэзии меня больше интересуют старые тексты, а не современность. Современная Япония еще дальше от той культуры, которой я занимаюсь, чем Россия. У нас все время возрастает массовый интерес к традиционной японской культуре, а там, среди молодежи, уже и этого нет. Правда, среди тех молодых японцев, что уехали на Запад, он возрастает, как связка с родной страной».

В начале 90-х годов в Японию пришлось ехать Виктору Петровичу и еще одному бывшему выпускнику ИСАА. Сэн Сосицу встретил «стажеров» весьма радушно и сказал: «На сколько хотите, на столько и оставайтесь». Это означало «сколько выдержите». Дорогос «развлече-

Портреты

нис» полностью оплачивала школа Урасэнкэ.

Урасэнкэ—это фамилия семьи, дома, члены которого вот уже на протяжении шестнадцати поколений занимаются искусством чая. В Японии искусство чая по карману только элите. Для получения чайного имени нужно пройти множество ступеней обучения в школе Урасэнкэ, где каждый уровень подтверждается сертификатом—разрешением на продолжение обучения. Система обучения в ней строится по принципу «от простого к сложному». Начиная с обучения правильной походке и приготовления самого простого чая до тайных видов процедур, где ученик работает наедине с мастером. Простыми, а точнее, фундаментальными считаются относительно новые (всего-то четыре века) процедуры приготовления чая, созданные в Японии. К сложным относятся китайские чаепития, начало которым было положено еще в VIII в. Ученик должен не только достичь вершин и знать, как готовили чай на религиозных церемониях в чаньских монастырях, но обязательно вернуться на первый уровень и заново осмыслить японские традиции.

«Мы были первыми учениками из России. Я пробыл в Киото год, но потом заторопился домой. Тем более что в университете, пока я познавал тайны чайного действия, не читался курс средневековой литературы. Мой коллега остался в Японии на восемь лет. Сейчас, получив чайную лицензию, он преподает чай канадским японцам. Московский же филиал чайной школы необычен тем, что он держится не на японцах (хотя они тоже ходят заниматься к нам), а, в основном, на русских. Это очень смелый эксперимент и уникальный случай, когда японская культура поддерживается не японским землячеством, как в Америке, Канаде или Германии. Видимо, Д. С. Лихачев был не во всем прав, утверждая, что мы принадлежим к сугубо европейской культуре. В нас сидят евразийские корни, иначе отчаянный чайный эксперимент не удался бы»,—начинает свой рассказ о поездке Виктор Петрович.

И продолжает: «Попав в школу Урасэнкэ при храме Дайтокудзи, я, как и все, вынужден был пройти довольно жестокую выучку. Для иностранцев в 1973 году мастерами Тантансай и его сыном Хоунсай был специально создан класс интенсивного обучения Мидорикай («Зеленое общество»), куда приглашались лучшие специалисты по всем отраслям японской культуры со всей страны, а также знатоки китайской и даже европейской культур. Ведь в чаепитие входит часть католической культуры. Например, движение, когда после глотка пальцем протирают на чашке место соприкосновения с губами, взято Рикю из католической месссы. Именно так епископ вытирает край чаши со Святыми Дарами. Интерес Рикю к христианству был очень необыденным. Многие его ученики в эпоху строжайшего запрета на христианство были тайными христианами. Они устраивали под видом чаепития католические месссы, глотая напиток из чашек, в дизайне которых были зашифрованы кресты. Рикю же внес элементы христианской культуры в чайное действие не сознательно. Мастер ничего не придумывал, и это очень важно. Жесты выросли сами на подсознательном, рефлекторном уровне, но было видено это движение впервые на католической мессе.

Итак, первая половина дня в школе—лекции, вторая половина—практические занятия. А в промежутках—бесконечные дежурства, как в армии. Я насчитал до 10 видов разных дежурств: мытье и подготовка чайной утвари, просеивание чая и т. д. Во время храмового действия в синтоистском или буддийском храме приходилось сидеть по пять часов, не шелохнувшись, на коленях. После этого ощущение такое, что ног у тебя больше нет. Изувверская пытка и дзэн—сидячая медитация в позе лотоса со скрещенными ногами. Однако именно благодаря дзэн происходит привыкание к сильной боли, и ты обретаешь механизм самоконтроля над своим телом, которого у меня, например, раньше не было. В середине годичной тренировки у меня были проблемы с ногами. У кого-то дыхание ломалось, при-

чем это были молодые ребята, среди которых были и те, кто лет по десять занимался каратэ и дзюдо. Мне, как всегда, повезло. Со мной в комнате жил спортивный британец (экстремал и сторонник горных лыж). Ему было мало дзэн, и он гонял меня каждое утро и вечер на пробежку. Каждое утро полагалось бегать укрепляющие кросссы вдоль реки Камо-гава. Весь год надо было ходить в кимоно, с веером, бесконечно кланяться. Я словно на год попал в действующее Средневековье. После этого я стал больше понимать в японской культуре. Изнутри она выглядит иначе, чем снаружи. В том, в чем мы видим какой-то сложный философский символизм, на самом деле заключена простейшая физиологическая технология. Но все надо делать со стиснутыми зубами, многое в этой культуре построено на самопреодолении, на боли».

Таким образом, в Москве был основан один из последних, 68-й филиал чайной школы Урасэнкэ, членом которого по праву и стал Виктор Петрович Мазурик.

Не так давно Великий мастер Сэн Сосицу передал дела сыну—шестнадцатому мастеру Дзабосай. Тот же несколько сократил масштабы зарубежной деятельности школы, сосредоточившись на задачах внутри страны. Каждый новый мастер объявляет свою программу, как новый премьер-министр или президент—новый политический курс. Школа Урасэнкэ—это чайное государство со структурой традиционного феодального дома. Но, наряду с традиционными моделями обучения, оно использует и вполне современные просветительские учреждения, двери которых, согласно дзэнскому принципу «приходящему не мешай приходить, уходящего не задерживай», открыты для всех. Многие приходят ради любопытства, путая чайное действие с доведенной до совершенства формой бытовой культуры (каковыми являются английское или французское чаепитие). Но японское в этот ряд не укладывается. В чайном деле остаются единицы—все понимают, насколько это тяжело и затратно по времени.

Виктор Петрович говорит: «Надо всю или хотя бы половину своей жизни потратить на чай, только тогда можно достичнуть хоть сколько-нибудь удовлетворительного уровня. Получить чайное имя, лицензию на ведение преподавательской работы и стать чайным мастером—это как уйти в монастырь».

Посещать подобное заведение полезно тем, кто всерьез связал свою карьеру с востоковедением и искусствоведением, чтобы познать тот ментальный аспект, который ярко проявляется в чае; а также всем, кто решил заниматься культурой телесной, психологической, эстетической, философией наконец.

Сегодня в Москве есть места, где можно посмотреть чайное действие. В Ботаническом саду, где устроен японский дворик, каждый год два дня в конце мая—начале июня проходит очередное чайное действие «на пленэр» (нодатэ тякай). Этот классический вид чаепития собирает иногда десятки и сотни участников. К сожалению, пока в Москве невозможно воспроизвести большое чайное действие. В Ботаническом саду, например, нет чайного домика.

Чайный домик—это очень сложная и, как следствие, дорогая конструкция, являющаяся при этом органическим продолжением пейзажа. Домик—как растение, которое в этом ландшафте выросло. Внутри такого домика у участников чайного действия изменяются физические ощущения пространства и времени. В японском дворике ботанического сада есть классические садовые павильоны, но они не имеют ничего общего с идеальным домиком для чая.

Существует еще чайный класс в ИСАА (старое здание Университета на Моховой, 11, аудитория 207). Там и работает ныне класс школы Урасэнкэ, основанный в Москве в 1989 году. «До определенного времени посещение этого класса было бесплатным,—продолжает Виктор Петрович,—так как мы были на полном содержании у Урасэнкэ. Но теперь, когда мы обрели новый уровень автономии, пришлось ввести ежемесячные клубные взносы, которые компенсируют затраты на

чай (мы привозим его из Японии), чайную утварь и т.д. Материальный мир чайного действия чрезвычайно многообразен, начиная с архитектуры, кончая множеством мелких предметов (посуда для воды, котел, угли, чайники, шкатулочки для благовоний и бамбуковых чайных ложечек и т. д.). При посещении чайной комнаты студенты-востоковеды имеют различные льготы. Тактика, режим и программа занятий в чайной комнате задаются канонами Урасэнкэ. От себя мы не вносим никаких изменений. И это не из-за того, что чайная школа—закрытая и тоталитарная структура, а потому, что иначе ничего не выйдет. Это как единый организм, откуда нельзя вынуть ни одного элемента, чтобы не распалось целое. Занятия с учениками строятся на таких же жестких стандартах, как и в Киото. Однако мы не имеем возможности проводить большое чаепитие, которое длится 5-6 часов. Мы также не проводим сидячей медитации, поскольку для этого надо иметь квалифицированных специалистов для отслеживания малейших отклонений в состоянии медитирующих, в положении их спин, в ритме дыхания и т.д. Неправильное выполнение упражнений чревато непредсказуемыми результатами, так что без опытных наставников лучше этого не делать».

Способы преподавания чайного мастерства Виктор Петрович сравнивает с балетной методой: «Все серьезные классические искусства, которые имеют глубокие культуру и традиции, учат намеками, а не назойливым натаскиванием. Так работают педагоги в балетных классах Большого театра, например, Марина Викторовна Кондратьева, с которой я знаком уже много лет. Преподаватель—инспектор процесса самообучения, он лишь наблюдает, в нужном ли направлении движется ученик, так ли держит спину, руки и т.д. Если возникает надобность поправить то или иное движение, достаточно сказать: «Ну, ну, ну... спина»,—и сразу все понятно».

Был период, когда московскую чайную школу Урасэнкэ буквально атаковали СМИ. «Первые 3–4 года

мы были в осаде,—смеется Виктор Петрович.—Это были толпы журналистов с радио, телевидения, из газет и журналов. Потом они склынули, так как поняли, что писать не о чем. Экзотики—минимум, да и та сути функциональная. Кимоно с типично минималистской геометрией рукавов—это всего-навсего «рабочая спецодежда», никакого особого значения оно не имеет. Периодически у нас в стране начинается очередной восточный бум, и тогда опять все повторяется с начала. Но сейчас мы выработали определенную тактику при беседах с журналистами: говорить очень скромно о самых общих принципах той культуры, которая проявляется в чайном действии, не вдаваясь в сложные аспекты и тонкие детали. Если просят показать чайное действие,—пожалуйста. Но нужно иметь в виду, что тут журналисты мгновенно теряют интерес. Ведь, если смотреть со стороны, практически ничего не происходит. Выяснилось, что чайное действие не помещается в масс-медиийный формат. У меня есть печальный опыт общения с телевизионщиками. Только начинаешь от внешней экзотики переходить к чему-то серьезному, как у них срабатывает профессиональный рефлекс: «Нет, нет, нет, вы нам лучше ответьте на вопрос, пьют ли чайные мастера водку». Сразу оживление в зале».

«Чайное действие—это психофизический процесс, техника, которую надо выучить до мельчайших деталей. Если вы доведете до идеала технологию выполнения, то получите колossalный контроль над своим дыханием и над ощущением неповторимости своего положения в пространстве и времени. Не только в физическом смысле, но и в душевном, духовном. Вы как бы начинаете видеть свое уникальное место во Вселенной, такое возникает ощущение»,—подводит итоги Виктор Петрович.

Нет никакой разницы между спектаклем театра Но, коллективным сочинением поэтических цепочек рэнга, чайным действием, каллиграфией, воинским искусством—все это сценарии обретения цельности. Адиною в жизнь...

Хонда Рютаро

Из Японии в Сибирь и обратно: путь к себе

Детство

27 февраля 1914 года на острове Хоккайдо, в городе Отару, на втором этаже угольной лавки у Кити и Манао Хонда родился мальчик. Главой семьи Хонда в то время был Тадасу, отец Манао,—известный в городе адвокат. Почему же наследник семейства родился не в своем доме, а в лавке? А дело было вот в чем.

Кити, шестнадцатилетняя дочь богатого рыбака из Исикири, стала служанкой в доме Хонда, чтобы научиться правильно вести себя с людьми—обычно деревенские девушки именно так готовились к замужеству. У адвоката Хонда Тадасу было трое сыновей:

Манао, Масуми и Томо,—и дочь Наоко. Но Наоко вскоре вышла замуж за офицера 7-ой пехотной дивизии из префектуры Сага и переехала с мужем на казенной квартире в Асахикава.

Самураи из рода Хонда издавна служили в Этидзэн (это теперь префектура Фукуи) у князя Мацудайра. В начале эпохи Мэйдзи семья переехала в Токио, и мужчины поступали на государственную службу. Тадасу и его младший брат, Токудзи, вместе с отцом, Макото, устроились в Министерство юстиции. Им довелось служить в разных уголках Японии, и в отставку Тадасу вышел, будучи районным судьей в Отару. Здесь и в Саппоро он открыл адвокатские конторы и занялся частной практикой.

Это было уже в конце эпохи Мэйдзи. Именно тогда Кити начала работать в доме Хонда.

На службе Тадасу славился как человек суровый и принципиальный, таким же он был и в семье. И вот по иронии судьбы его сын влюбился в служанку. Когда Кацу, жена Тадасу, впервые заметила

一九一四年へ下丘三五年二月二七日、北海道小樽市猪越所の炭庄の二階で一人の男の子誕生した。父本多真雄、母さちが長男である。当時、西多家の家長は真雄の立替であり、弁護士を用意しては既に御用同一所内にあり。家長の孫の誕生ばかり石井御用の事務所の何故熊々近所の炭庄の二階でいたのである。このトドリ一才一尺半清くあつたのである。

母さちは小樽へ近い石狩の漁場主の娘で、才媛び小樽西多家へ行儀見習ひとして奉公

以上した。当時の農済村の娘で多くは二十三歳、娘の三男と直子と二十一歳の夫である。直子は佐賀出身の隼人前山淳一と結婚、旭川牛糞井と師田官舎に住んでいた。京都方面へ代々越前福井松平藩士で、御手取行方不明者を勧め、初行二百石の中級武官

это, Кити уже ждала ребенка. Страшно было даже подумать, что произошло бы, узнай об этом Тадасу. Нравы в ту пору отличались строгостью.

Беременность Кити становилась с каждым днем заметнее. Вся семья, кроме Тадасу, была в курсе дела. Они обсудили ситуацию и решили перевести Кити в угольную лавку, где вскоре у нее родился сын.

Однажды Масуми взял младенца на руки и решительно вошел с ним в комнату Тадасу. Увидев ребенка, Тадасу воскликнул:

—А это еще кто?

—Ваш внук,—ответил Масуми.

—Ка-ак?—Тадасу молча рассматривал малыша. Потом спросил:

—Знают, мальчик?

—Мальчик. Наследник семьи Хонда.

—Хм...—Тадасу задумался, но вдруг его лицо засияло от радости, он высоко поднял своего внука и воскликнул:

—Ах ты мой хороший!

Остальные члены семьи, затаив дыхание слушавшие этот разговор за сёдзи, наконец-то вздохнули с облегчением.

Мальчика назвали Рютаро, и вскоре Кити вместе с сыном переехала в дом Тадасу.

Вспоминая свое детство, я сожалею о тех глупостях, которые я частенько совершил, и о доставленных родителям горечениях. Но я успокаиваюсь при мысли, что своим рождением все-таки сделал хорошее дело, соединив отца и мать.

Рютаро вместе с отцом

Дед умер, когда мне было четыре года. Дело, основанное отцом, завершилось неудачей. Манао был прирожденным инженером, но плахим экономистом. Ему пришлось продать дом с заводом и переехать с семьей в Саппоро.

Между тем отец с матерью жили все хуже. Сказывалась разница в происхождении и образовании. Но больше всего на их взаимоотношения повлияла экономическая самостоятельность Кити. В отличие от большинства женщин того времени, она обеспечивала себя сама. Кити зарабатывала на жизнь шитьем кимоно.

Я был слишком маленьким, чтобы заметить охлаждение между родителями. Память запечатлела яркие картинки детства: вот усатый отец, в руках у него трость, вот разодетая по последней моде мать; вот мы все вместе направляемся в кино. Кино тогда было еще диковинкой, люди быстро полюбили его. Вот бабушка в парадном кимоно ведет внука, тоже одетого в кимоно, на представление, которое дают известные актеры Кабуки Кикуторо и Удзэмон, приехавшие с гастролями на Хоккайдо (отчасти с целью избежать летней жары в Токио).

Со стороны семья казалась вполне благополучной. Но пришла пора разлуки.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, Кити ушла из дома. С тех пор обо мне заботилась бабушка Кацу. Она обожала меня. Я с нежностью вспоминаю ее бескорыстную любовь. Она всегда была рядом — и в радости, и в горе. Уже потом бабушка ждала моего возвращения с войны и из плена. В августе 1947 года, когда я вернулся из Сибири, она встретила меня вместе с отцом. Хотя бабушка была уже очень стара, разрыдалась не она, а я, ее внук.

Отец тоже по-своему любил меня. Он никогда не ставил передо мной непосильных задач, не требовал слишком много. Когда отец был дома, большую часть времени он молча сидел за письменным столом и что-то читал. Я видел только его спину. Теперь, когда я сам стал старше отца, я осознал, что это был своеобразный способ воспитания. Наверное, Манао был типичным отцом эпохи Мэйдзи.

Но как-то летом, когда мне шел шестнадцатый год, отец положил мне на стол какую-то книгу и сказал: «Прочти на каникулах. Тебе будет очень трудно понять ее, но ведь есть поговорка «Перечитай сто раз, и поймешь любую книгу». Так вот, перечитывай, пока не поймешь».

Серая тонкая книжка, приложение к журналу «Кайдзо», была «Второй историей о бедности», написанной профессором Императорского университета Киото Каваками Хадзимэ. Сейчас она считается классическим прологом к учебнику марксистской экономики. Естественно, книга оказалась для меня трудной.

Но я не смел ослушаться отца и принял нехотя читать и перечитывать книгу, и тут начало происходить что-то необъяснимое. Будто сквозь туман забрезжил лучик света.

Свидетель

Дело было в начале периода Сёва (1930-е годы), между двумя мировыми войнами, когда весь мир страдал от ужасной депрессии. Япония тоже не избежала этой участи. Каждый день газеты сообщали о продаже деревенских девушки с Хоккайдо. Я начал задумываться о причинах происходящего. Что-то в жизни устроено не так, если труженики не могли прокормить семью, а городские лентяи купались в роскоши. Книга Каваками просто и доходчиво отвечала на мои вопросы и объясняла, что причина кроется в социальной системе, порождающей такие противоречия. Эта тонкая книжка, на первый взгляд казавшаяся полной абракадаброй, вдруг очень заинтересовала меня. Под ее влиянием уже к концу лета я стал убежденным коммунистом. Что-то подобное происходило не только со мной. Большинство ребят из моего класса тоже увлеклись коммунистическими идеями.

Меня мучил вопрос: если я и вправду коммунист, что я могу сделать полезного? Вскоре, по странному совпадению обстоятельств, старший брат моего одноклассника, подпольщик, обратился ко мне: «Выполните поручение, Хонда!»

Я с радостью согласился. Этот человек передал мне сверток и сказал: «Поехай в Отару и разбросай там эти листовки».

В порту Отару день и ночь кипела работа. Голые по пояс грузчики взваливали на спину огромные тюки и тащили их, балансируя на широкой доске, соединяющей судно и пристань. Грузчики организовали профсоюз и однажды устроили забастовку, требуя улучшения условий труда. Отару был перевалочной базой на Сахалин, и каждый день в порт одно за другим прибывали суда. Разгружать их стало некому, порт мгновенно переполнился грузами. Забастовка вызвала огромный резонанс, она осталась в истории рабочего движения Японии.

Именно туда, в Отару, мне и нужно было отправиться. Я должен был разбросать листовки в Тэмия—районе, где жили грузчики.

Школьнику на Хоккайдо полагался тогда форменный плащ. Под таким плащом я и спрятал листовки, а также запрещенные газеты—«Сэки» («Красное знамя») и «Сэнки» («Боевое знамя»), и отправился в Отару. Там я разбросал листовки в длинных, как угорь, бараках грузчиков. Тогда в городе на каждом углу стояли жандармы, повсюду сновали агенты политической тайной полиции, но никому и в голову не пришло заподозрить мальчишку.

Всю неделю я занимался распространением листовок, но на седьмой день меня арестовали. Меня посадили в камеру предварительного заключения, начались допросы:

— Кто тебя послал? Скажешь—тогда отпустим.

Но меня научили, как отвечать: «Какой-то незнакомец предложил мне: разбросай эти бумажки в Отару—получишь 50 сэн за раз. Мне были нужны деньги, вот я и согласился. Но я не знаю этого человека и что написано в листовках».

В то время даже у выпускников университета зарплата была не больше двенадцати-тринадцати иен в месяц, и 50 сэн в день были огромной суммой для школьника.

Получив такое объяснение, меня, разумеется, никуда не выпустили. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, будь я взрослым. Вот, например, через три года известный писатель Кобаяси Такидзи, автор «Краболова», погиб в тюрьме от пыток. Я же отдался всего несколькими пощечинами.

Через несколько дней полицейский отправился ко мне домой. Узнав об этом, я очень расстроился: «Отец у меня крепкий, но как огорчится бабушка...»

Полицейский сказал отцу: «Ваш сын связался с коммунистами, врагами государства, и был арестован в Отару. Вы должны поехать с нами и спросить у него, кто дал ему листовки». Но отец ответил на это так: «Наш самурайский род несколько столетий служил у князя Мацудайра в Этидзэн. Самурай становится взрослым после ритуала совершеннолетия Гэмпуку, когда ему исполняется пятнадцать лет. Я не могу вмешиваться в дела взрослого человека, даже если это мой сын. Если он хочет сидеть в тюрьме, пусть остается».

Услышав такой ответ, полицейский изумился.

Когда я узнал об этом, я разрыдался. Полицейские на свой лад истолковали мое поведение и принялись увершевать: «Смотри, и твой отец отказался от тебя. Перестань реветь, расскажи нам все, и мы отпустим тебя».

Школьник Рютаро (на фото справа)

Но я то плакал от радости. Я понял, что отец мне доверяет, и решил держаться до конца.

А через три дня меня освободили. На мой недоуменный вопрос полицейские загадочно ответили:

— Ты спрашиваешь, почему? Чудак-человек! Хоть отец предал тебя, зато дед спас!

Я был озадачен—ведь дедушка давно умер, и я переспросил: «Почему вы меня отпускаете?»

А дело было вот в чем. Мой дед вышел в отставку и стал адвокатом в Отару еще в те времена, когда в городе адвокатов почти не было. Он был одним из самых уважаемых людей в городе. И несколько влиятельных друзей деда оказали давление на главу полиции: «Не годится, чтобы внук судьи Хонда сидел в тюрьме». Вот так и получилось, что отец «отказался» от меня, а дед спас.

Меня, разумеется, исключили из школы. Прощай, университет. Тут было от чего расстроиться даже беспечному Рютаро. От нечего делать я до самозабвения увлекся недавно занесенным в Японию из Китая маджонгом, дни напролет проводил в игорном доме и, наконец, поступила туда на работу.

Для игры в маджонг нужны четыре человека. Когда четвертого не было на месте, я играл вместо него. Работа была достаточно трудной. Ведь нельзя ни выиграть, ни проиграть: надо сладить, чтобы приход был равен расходу, чтобы в любой момент отошедший игрок мог сменить тебя. Для этого требовалось большое мастерство и умение. Я и теперь чувствую себя в маджонге гораздо увереннее, чем когда приходится рассказывать о войне.

Однажды ко мне зашел мой бывший учитель по старояпонскому.

— Ну что, Хонда, каждый день в маджонг играешь?

— А что делать?..

— Есть что делать. В школу иди. Твое место в классе не занято. Разрешение от директора получено. Только не попадайся на глаза военруку.

Учитель сказал, что директор, учителя, одноклассники—все ждут меня. Я заплакал от счастья. Нужно было только прятаться от военрука. Занятия по военной подготовке были обязательными, значит, и аттестата я получить все равно не мог. Но я был очень рад, что могу учиться. Мои бывшие одноклассники и сейчас со смехом говорят:

— Чудной ты, Хонда. Когда был в школе—частенько прогуливал уроки, а после исключения не было случая, чтобы прогулял.

Я учился тогда очень усердно. Директора школы звали Ямада Котаро. Это был замечательный педагог, которому впоследствии поставили памятник в Саппоро. Я безгранично благодарен судьбе за то, что она подарила мне таких замечательных учителей.

Сибирь

В мае 1939 года, когда я работал в токийской газете «Асахи», меня призвали на военную службу. Мне было двадцать пять лет. Из-за близорукости и плоскостопия меня признали ограниченно годным, но меня давно

преследовало предчувствие, что вскоре и мне придет повестка. Ведь война с Китаем продолжалась уже восемь лет. Как и было принято в те дни, я говорил, что готов к призыву, но когда получил телеграмму «Пришла повестка. Немедленно возвращайся. Отец», то был просто потрясен, хотя и не подал вида.

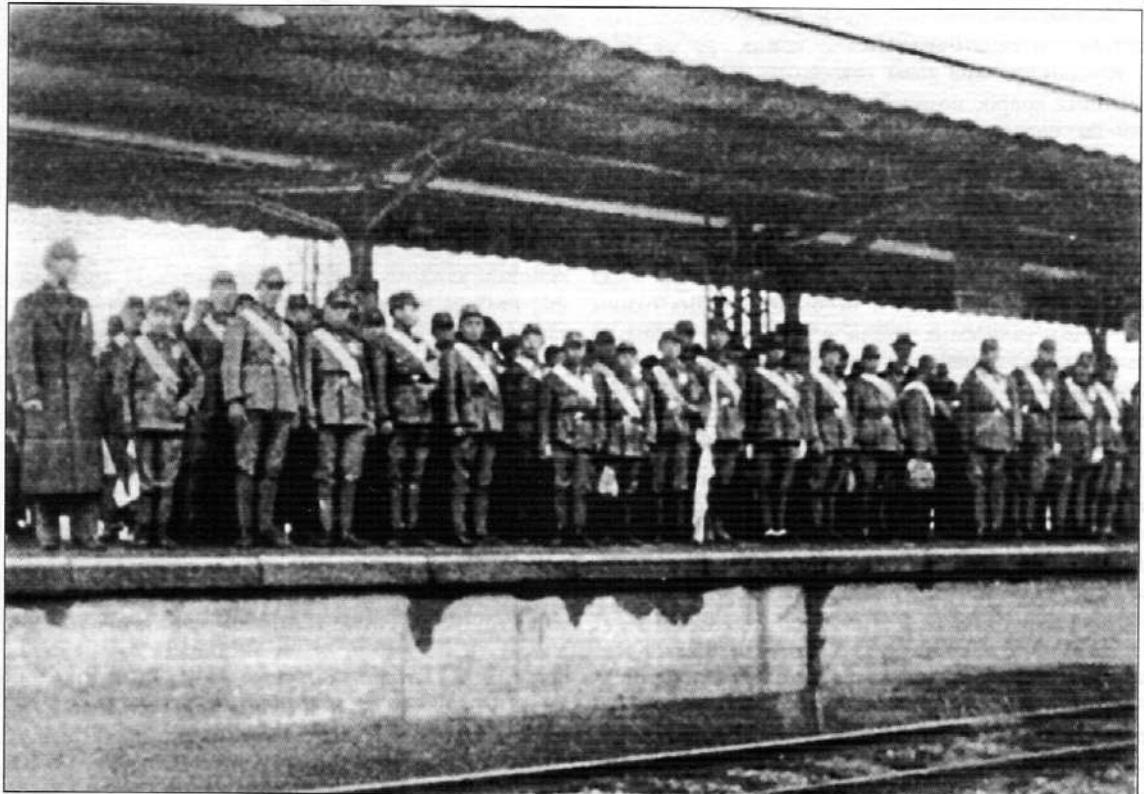
Я подумал тогда, что жизнь закончилась. Многие люди рассказывают, как они бодро и мужественно отправились на войну, но это только слова, на самом деле каждому хотелось разрыдаться. И когда сейчас, полвека спустя, у меня спрашивают, что же это такое—война, я отвечаю: война—это разлука и смерть, и ничего больше. Сначала расстаешься с дорогими тебе людьми: с родными, с любимыми, с теми, с кем столько всего пережито. Потом с родиной: с ее горами, морями, лесами, зверями и птицами. А в конце концов тебя ждет смерть. Ничего кроме смерти—это и есть сущность войны.

Прощание с любимой в Токио, с отцом и бабушкой на Хоккайдо, палуба судна, направляющегося в Китай через пролив Цугару и медленно удаляющийся родной берег—все эти картины ярко запечатились в душе. Я не уверен, думал ли я тогда о китайских юношах, на которых был наставлен мой штык, так же, как о себе самом. Я не спрашивал себя, была ли у каждого из них девушка, любили ли они свою родину, где они провели свое детство. Честно говоря, я не мог тогда думать ни о чем другом, кроме собственной жизни. Вероятно, и сейчас у солдат, отправляющихся на войну, точно такая же психология. В этом и заключается ужас войны.

Ведь враг, против которого сражалась на войне, на самом деле тебе не враг. Нет никакой причины для вражды. С кем же тогда нужно сражаться? С теми, кто посыпает людей на войну. Это государственные, национальные, религиозные организации и их руководители или стоящий за ними международный капитал, военно-промышленный комплекс. Понадобилось шестьдесят лет, чтобы мы получили возможность открыто говорить об этом. За эти годы мне многое пришлось пережить.

Два года я воевал в Китае, потом демобилизовался и вернулся на Хоккайдо, а в марте 1943 года меня снова призвали. В мае меня перевели на Курильские острова. Мы высадились на острове Шумшу, недалеко от Камчатки. Здесь 15 августа 1945 года мы и узнали о капитуляции.

Я вздохнул с облегчением. Я думал, что наконец-то смогу вернуться домой. Но три дня спустя после окончания войны мой взвод неожиданно получил приказ готовиться к бою и спуститься с гор. Солдаты закричали: «Черт возьми, война же закончилась!» Оказалось, что советские войска уничтожили батарею на мысе Кокутан. Началась паника. Целых три дня на острове шел настоящий бой, пока ставка не приказала прекратить сопротивление. Было много убитых. Согласно советским данным, это был единственный бой за все время Второй мировой войны, в котором потери Советской Армии превышали японские.

Железнодорожная станция. Март 1941 г. Фото предоставлено газетой «Асахи».

До конца года японских солдат заставляли работать на острове Шумшу, а потом, наконец, сообщили, что они могут вернуться домой. Все радостно погрузились на грузовой корабль. Судно было советское, но нам сказали, что оно направлялось в порт Отару. Мы загрузили корабль продовольствием, перетаскали сотни мешков риса. Нам казалось это естественным — время в Японии было голодное. Люди вообще склонны воспринимать все так, как им приятнее... Вот и мы не догадывались о том страшном, что ждало нас впереди.

Я дремал в трюме. Вдруг кто-то окликнул меня:

— Эй, Хонда, уже виден Хоккайдо!

— Неужели?

Я выбежал на палубу, посмотрел на холмы вдали, и подумал: наверное, судно идет вдоль берега Тэсио. Но тут я ахнула: если это Хоккайдо, остров должен быть виден слева. Но я вижу его справа!

Вскоре стало понятно, куда нас везут: сквозь туман виднелись рыболовецкие суда, и на палубах можно было различить моряков с голубыми глазами и рыжеватыми волосами. Все просто оцепенели: «Русские! Нас везут в Сибирь!»

Советские солдаты-охранники, до этого мирно сидевшие с нами, покуривая папиросы, затолкали всех в трюм штыками. Я и мои товарищи кусали локти, но было уже поздно. Как говорится, поезд ушел! Место назначения — Находка, а не Отару.

Когда позже, немного успокоившись, мы обсудили случившееся, то сошлись на том, что советские

солдаты не могли поступить иначе. Если нужно переправить десятки тысяч военнопленных с немногоХ численной охраной, можно ли сказать им, что их везут в Сибирь? Наверное, это был единственный способ перевезти японских пленных без проблем. Но все равно из-за этого обмана у моих товарищей на всю жизнь осталось недоверие к русским. И это тоже одна из бед, которые причиняет людям война.

8 декабря 1945 года ранним утром, еще в сумерках, нас высадили на пристань порта Находка. Пока нас пересаживали в товарные вагоны Сибирской железной дороги, мимо прошли еще несколько отрядов японских солдат. Я поразился тому, как много здесь было японцев.

Через пару дней наш курильский отряд довезли до шахты в Артеме, неподалеку от Хабаровска. Мы жили в лагерях для военнопленных, работали на шахте.

Этот городок находился на самом краю Сибири. Нам повезло: если бы мы оказались в тайге, нам бы уже не выжить. Говорят, что жизнь человека на 70% зависит от случайности, а на 30% — от него самого, но жизнью военнопленного случайность управляет на 99%. Просто чудо, что я вернулся домой целым и невредимым.

О тяжелой части военнопленных в Сибири написано бесчисленное множество воспоминаний. Немало испытаний выпало и на мою долю. Если бы я начал описывать все ужасы тех лет, то просто не смог бы остановиться. Так что расскажу лучше о том, что произошло, немного с другой точки зрения.

В день, когда нас, пятьсот японских военнопленных, привезли в 6-й лагерь городка Артема, начальник лагеря обратился к нам с речью. Начальнику, офицеру Советской Армии, на вид было лет пятьдесят. По-военному просто он сказал нам: «Вы являетесь военнопленными согласно законам военного времени. И мы будем обращаться с вами как с военнопленными, не лучше и не хуже. Успокойтесь, устраивайтесь и ждите возвращения домой—этот день наступит скоро».

Недоверие к русским у японских солдат сохранилось еще с того дня, когда нас обманули на корабле, поэтому мы отнеслись к словам начальника без доверия. Но все-таки в его речи звучало что-то искреннее и честное. Я кивнула с пониманием. Впоследствии я не изменила своего мнения о начальнике. Благодаря этому человеку пленные не подвергались страшным пыткам, которые были в других лагерях, и это тоже явилось счастливым исключением.

Однажды меня послали в колхоз сажать картошку. В группе было три человека. Первый вырывал лунки, второй, идущий вслед за ним, вынимал клубни из мешка, висящего на груди, и бросал их в ямки, третий ногами засыпал лунки землей. Поле было таким огромным, что, начав работать утром, мы закончили один ряд только к полудню. Мы страшно устали. «Когда картошка взойдет, нас здесь уже не будет. Все равно они ее сожрут. Давайте лучше сожрем ее сами». На счастье, командир находился далеко, к тому же нам разрешилось прямо на рабочем месте варить пищу в походном котелке. Вот мы и воспользовались этим: целый день варили картошку. Иногда командир подходил ко мне и предупреждающе поднимал палец: только один котелок, больше нельзя! Да, да, только один!

Так мы наелись, якобы не нарушая лагерных правил.

Но все получилось не так, как задумано. Картошка уже должна была взойти. По нашим предположениям, все пленные уже давно должны были вернуться на родину, но нас все еще держали в лагере.

И вот однажды командир подошел ко мне, указал на порученный нам участок и гневно закричал: «Хонда, смотри! Здесь ничего нет!»

Мы с товарищами переглядывались, делая вид, что нам непонятно, как это могло случиться. Вдруг командр захохотал во все горло и воскликнул:

—Ха-ха-ха! Скоро картошка прорастет в ваших животах!

С этими словами он ушел. Напряжение наконец-то спало, все успокоились. Впоследствии я думал: а что произошло бы, окажись на месте команда кто-нибудь из нас? Наверное, дело кончилось бы плохо. У меня и сейчас такое ощущение, что люди, родившиеся на материке и на острове, по-разному ведут себя в подобных ситуациях.

Единственные русские слова, которые я сейчас помню,—это «да» и «домой». А ведь в России я провел целых два года. Пленные с нетерпением ожидали

возвращения домой. Когда мы собирались вместе, разговор неизменно заходил о том, когда же мы вернемся на родину. Некоторые утверждали: мол, наш курильский отряд нанес большой урон советским войскам, вот почему нас здесь и держат. Другие не соглашались. Дело порой доходило до драк. Доверия к русским не было. В те две зимы на 35-ти градусном морозе отчаяние и надежда были рядом. И вот весной 1947 года пришел долгожданный день.

Нас посадили на поезд в Артеме, состав тронулся. Сначала настроение у солдат было невеселое: в вагоне темно, мы не знали, вправду ли поезд направляется на восток. Со дня поражения нас обманывали уже не раз.

И вдруг послышался едва различимый, но такой знакомый звук! Шум волн, омывающих берег. Это, должно быть, море, Японское море!

Все растерялись, услышав, как плещутся волны, те же самые волны, которые омывают берега родины. Кто-то зарыдал в голос. Родина, не забытая в морозные ночи, была уже совсем близко. Но судьба готовила нам новые испытания.

В день прибытия в Находку нас перевели в лагерь, расположенный недалеко от пристани.

В то время, по соглашению между японским и советским правительствами, судно для перевозки военнопленных отправлялось из порта Майдзуру в Находку каждые три дня. Вот почему в Находке собирали японских военнопленных из разных мест Советского Союза.

В лагере у нас стали допытываться о наших армейских профессиях. В японской армии осуществлялось обучение, и все, в зависимости от своих наклонностей, должны были приобрести профессиональные навыки—радиста, шифровальщика, плотника, сапожника и т.д. Но во время обучения в Китае я лежал в госпитале, и в результате у меня почти не осталось выбора—только сапожник и трубач. Легкие у меня были неважные, и я выбрал ремесло сапожника. Я не был слишком ловким, но сапожничать все-таки немного научился и теперь заявил об этом. Товарищи сказали мне: дурак, теперь тебя оставят здесь.

Ерунда! Этого не может быть!

А вот настоящие сапожники и портные промолчали...

—Чепуха!—я рассмеялся, но все же беспокойство стало одолевать меня. Я зашел в спальню к нашему японскому командиру и спросил, напирая на каждое слово:

—Думаешь, на этот раз нас не обманут?

—Не понимаю, о чем ты беспокоишься,—услышал я в ответ, но тревога не покидала меня.

Прежде чем попасть на корабль, пленные должны были пройти три распределителя, эти помещения находились у самой пристани. И вот пришел день, когда мы из первого распределителя перешли во второй. Они выкрикивали фамилию в порядке русского алфавита, и тот, кого называли, отвечив «Есть!», входил во второе помещение. Меня тоже вызвали,

Свидетель

я вздохнул с облегчением. Через два дня я перешел на третий пункт. Наступил, наконец, долгожданный день! Путь из ворот третьего помещения вел прямо на пристань, где ждало судно. Я готов был запрыгать от радости.

Японские солдаты, в том числе и я, построились на площади внутри лагеря и выслушали напутственную речь начальника, потом трижды прокричали: «Да здравствует СССР! Слава Сталину!» — и строем прошли вперед, к воротам. Началась перекличка. Тот, кого вызывали, бодро отвечал: «Есть!» — радуясь, что он произносит это слово в последний раз, и выбегал из ворот. Количество людей, стоявших за воротами, постепенно увеличивалось, и я заметил, что даже те, кто в списке значился позади меня, уже оказались за воротами. «Меня не вызвали...» — я беспомощно опустился на корточки. Еще двадцать или тридцать оставшихся вместе со мной солдат ничего не могли понять. Наконец перекличка закончилась, и те, кто оказался за воротами, пошли к пристани. Командир опустил глаза. Он повел нас обратно в лагерь — мимо возвращающихся на родину. Кто-то закричал в полном отчаяния. У меня потемнело в глазах.

К нам подошли три незнакомых японца вместе с несколькими русскими солдатами. Один из японцев сказал, как будто даже усмехаясь:

— Вас немного задержали здесь, в Находке. Вас просят помочь тем, кто будет прибывать сюда. Поторпите еще три месяца. А жить будете вон там.

Нас обманули еще один раз, внутри у нас буквально все разрывалось от гнева и отчаяния, но что мы могли поделать, когда в затылок нам смотрели винтовки?

Три месяца — срок, казалось бы, небольшой, но сердце сжало тоска. Все в один голос утверждали, что теперь им стало еще тяжелее, чем раньше, когда они еще не ждали скорого освобождения. Хуже всего было то, что перед глазами все время проходили возвращающиеся домой солдаты, а наша собственная участь оставалась туманной. Советское командование обещало отпустить нас через три месяца, но мы не слишком надеялись. Не было никаких гарантий, что нас опять не отправят в колхоз. Раз в три дня мы слышали: «Да здравствует СССР! Слава Сталину!» Эти крики казались адской пыткой.

Один из наших сошел с ума, не выдержав такого напряжения. Он полез на колючую проволоку, его застрелил охранник. А ведь до родины было уже рукой подать!

Но я знал, что должен выжить и вернуться домой. Никак нельзя было умереть здесь, на чужбине. Меня поддерживали только гнев и сила воли. Больше у меня ничего не было.

Оставленные пленные работали в разных частях лагеря. Кроме рядовых, был еще отряд командиров из числа японцев. Они занимались связью с советской стороной и раздавали наряды на работу. Их направляли сюда из лагеря для офицеров.

Ежедневно после завтрака рядовые строились и пели песню «Красное Знамя», а затем отправлялись на работу. Я узнал, что те японцы, которые сообщили нам о продлении срока пребывания в лагере, были журналистами из газеты «Ниппон симбунся». Я очень сердился на них.

В лагере мы сменили тех людей, которые вернулись домой. С улыбкой они говорили, что нам осталось пробыть здесь только три месяца. Но могли ли мы поверить в это? Ведь все решали советские власти. Помнил я и о том, как два года назад нежданно-негаданно впервые очутился в Находке.

До возвращения оставалась неделя. После работы мы вернулись в барак и обнаружили, что наши японские командиры испарились. Оказалось, что в сегодняшней партии отправлявшихся на родину оказались больные, которых пришлось госпитализировать. И тогда поступило указание вместо них отправить несколько человек из нашего числа. Но эти поддесцы, командиры, тут же внесли в список свои имена. И теперь они уже находятся во втором распределителе — со следующим кораблем они уплывают в Японию.

Все ужасно на них рассердились, но было уже поздно. Люди стали говорить о том, что на место уехавших командиров нужно попросить новых офицеров. Но я сказал: чтобы такого больше никогда не случилось, надо бригадиров избрать самим. Все меня поддержали. Тут появился корреспондент «Ниппон симбунся» и заявил, что нашего мнения никто учитывать не станет — начальник лагеря уже назначил бригадиров из числа офицеров.

— Тогда давайте поговорим с начальником лагеря.

Избрали несколько переговорщиков, я вошел в их число. Мы потребовали, чтобы журналист пошел с нами и переведил. Тот скривился, но отправился вместе с нами к начальнику лагеря.

За огромным столом сидел высокий румяный мужчина и сердито смотрел на нас. Журналист подошел к нему и начал что-то тихо и долго объяснять. Начальник вспыхнул и категорически отрезал:

— Нет!

Я разозлился.

— Ну и ну! Ты не слушаешь работяг и стоишь за лентяев. Тогда сними сейчас же со стены свой плакат «Страна Советов — мать трудового народа!» — выкрикнул я и потребовал от журналиста, чтобы он перевел слово в слово. Тот чуть не заплакал, голову в плечи вжал, но перевел. Тут начальник вдруг вскочил со стула, грудь ходуном от хохота заходила.

— А ты молодец! «Мать трудового народа! Да, это верно... Делай, как знаешь, сынок!

Журналист потом сказал: он никогда не видел, чтобы у начальника было такое довольное лицо.

Офицеров тут же прогнали, бригады выбрали себе командиров. От меня, безрукого, все равно никакого толку не было. Так получилось, что я стал отвечать за кадры, командиром стал Тамошний командир — это как дежурный в гостинице. Утром собираешь всех, спошь «Красное Знамя», на работу проводишь. Справля-

ешься о больных, добиваешься улучшения условий труда, переговоры с начальством ведешь. Тот журналист все время терся около меня, но я ему не доверял.

Я в душе считал себя социалистом, но в то же время у меня была инстинктивная ненависть ко всем, кто стоял у власти, независимо от того, правый он или левый. Ненавидел я и тех, кто присосался к груди «матери трудового народа». «Власть есть зло», — считал я тогда, когда мне было 19 лет. И сейчас так думаю.

И вот началась жизнь в Находке, эта немыслимая жизнь. Я был командиром и чувствовал себя ответственным за благополучное возвращение всех своих пятидесяти подопечных в Японию. Конечно, хотелось и самому поскорее оказаться дома, но теперь я не мог думать только о себе. Всех вернуть! Непременно.

С апреля по июнь 1947 года многочисленных японских военнопленных отправляли на родину. Иногда судно из Майдзуру не приходило вовремя, но из тайги прибывал поезд за поездом. Лагерь переполнялся, и порой не было даже места, чтобы всем лежать спать. Но и в таком случае никто не жаловался, все, покорно улыбаясь, ждали своей очереди. А я и те, кто вместе со мной уже давно ждал освобождения, стали злиться и завидовать уезжающим.

Была уже середина июня. Я спросил у начальника, не пора ли собрать людей, которым пришло время возвращаться на родину, — ведь три месяца уже прошли. Но начальник ответил, что надо еще подождать, потому что вновь прибывшие больны и не в состоянии работать. Делать было нечего, мы терпеливо ждали. Но вот, наконец, приехали здоровые, и начальник сказал: «Ну, собирай людей».

А дальше с вновь прибывшими поступили точно так, как обопились с нами тремя месяцами раньше.

Грешное дело, конечно, но у нас не было другого выхода, чтобы вернуться домой. Выяснили армейские профессии у прибывших, а их потом оставили в лагере. Постарались утешить, как могли. А когда я доложил начальнику, что подготовил нам смену, тот невесело ответил:

— Недавно решили вернуть на родину русских белоэмигрантов, живущих в Маньчжурии, — через Находку. Они будут ночевать здесь. Но дело в том, что русские выше японцев, — начальник пристально посмотрел на меня. Я равнодушно спросил:

— Ну и что?

— Надо переделать кровати по росту русских. Срочно. То есть мы должны оставить здесь плотников еще на месяц.

— Что-о? Как это? Ведь нам обещали, что через три месяца уедут все!

Начальник заговорщически улыбнулся:

— Хонда, ты сапожник. Тебя это не касается. Ты можешь спокойно уехать.

Я вспыхнул от гнева:

— Эй, ты плохо обо мне думаешь. Я — командир. Может ли командир один вернуться домой, оставив других здесь? Подумай, как бы ты поступил на моем месте!

Начальник обнял меня за плечи и воскликнул:

— Ты хороший командир! Но приказ есть приказ. Я вернулся в барак, сил уже не оставалось.

В ту ночь все, конечно, буйствовали: «С самого начала они не собирались возвращать нас домой. Если наша судьба решена, и мы должны умереть здесь, давайте поднимем бунт и умрем!»

Я подумал, что ситуация принимает опасный оборот. Но молчавший до сих пор бригадир плотников Онума сказал: «Если русские говорят, что нужен месяц, мы, японцы, сможем закончить работу за десять дней. К тому же ради нас и командир остается. Давайте покажем им, какой у японских плотников характер и как мы умеем работать!»

Я пожал ему руку.

Несколько дней спустя все наши товарищи, за исключением плотников, ушли в порт. Они вытирали слезы и махали нам на прощание. А для остальных началась напряженная работа, но она была закончена за неделю и выполнена безупречно. Мы подступили к начальнику:

— Разреши нам теперь вернуться на родину!

Начальник пожал руку Онума:

— Молодцы, вы настоящие мастера.

Потом он повернулся ко мне:

— Хорошо, возвращайтесь на родину, но...

— Что «но»?

— Хонда, ты хороший командир. Не можешь ли ты помочь мне до осени? Разве тебе не жаль тех людей, которые остаются здесь?

Эти слова донеслись до меня, будто откуда-то издалека. А внутренний голос уже шептал: «Это, должно быть, судьба, и никогда тебе не сесть на корабль».

Все отправились домой, в Японию, а я целый день пролежал на постели.

И тут меня вдруг вызвали в медпункт. Странно! Я был абсолютно здоров, хотя и сходил с ума от отчаяния. Я несколько раз приводил в медпункт пациентов и знал, что там работает женщина в офицерском звании. Только я сел на стул перед красивой блондинкой, как она спросила:

— Хонда, вас на родине ждут маленькие дети, да?

Я испугался. Что это значит? Ведь они уже не раз наводили справки, и лучше нас знают наши обстоятельства. Не то что детей, у меня даже жены еще нет! Наверное, и родители умерли, и ждать меня может только ворон в горах.

Я поднял глаза на врачиху и увидел, что она подмигивает мне. Я быстро ответил:

— Да, да, мои маленькие птенчики ждут меня.

Врачиха улыбнулась.

— Та-ак. И вы к тому же больны. Скоро прибудет судно для больных, и вы вернетесь на родину. А начальнику я сама доложу.

— Слушаюсь. Благодарю вас.

Какую радость испытал я тогда! Хотел броситься к этой женщине, расцеловать ее. Еле сдержался. Несколько дней я пребывал на небесах. Вот и мне пришла пора возвратиться — благодаря этой красивой

Свидетель

русской женщине. Но на этом мои трудности не закончились.

Накануне отъезда журналист из «Ниппон симбунся» скрыто обратился ко мне с просьбой об услуге. Я холодно отказался: мол, я не обязан исполнять твои просьбы. Но тот не унимался: сказал, что от этого зависит жизнь человека. Ничего не поделаешь, я стал выслушивать его. Журналист объяснил, что в группу, отправляющуюся завтра в Японию, включен его коллега. А я был назначен ответственным за эту группу, состоявшую из двадцати человек (я хотел отказаться, но меня попросила об этом врачиха).

— Ну, так в чем дело? — спросил я.

Будьте любезны, помогите этому человеку сойти на берег. Разные ходят слухи, и мы беспокоимся. Имя этого человека...

— Я не собираюсь слушать, — прервал я его. — Так будет лучше. Я назначен ответственным за группу, и обязан помочь всем без специальных просьб.

Корреспондент поблагодарил меня. Я все равно рассердился, но утешал себя тем, что это — самое последнее испытание.

Наконец, наступил этот долгожданный день. Погода стояла прекрасная. Я покончил со всеми формальностями и отправился на пристань. Врачиха провожала меня, она улыбалась.

— Спасибо! — закричал я, к глазам невольно подступали слезы, все вокруг меня было словно в тумане. К моему удивлению у трапа, ведущего на корабль, стоял начальник лагеря.

— Эй, Хонда, ты совсем не похож на больного. Такого сюда не возьмут. Может, останешься?

— Не-ет!

— Ну, ладно, передавай привет своим маленьким и их будущей матери!

Я пожал его руку. Ладонь была широкая и горячая.

— Спасибо, начальник, будь здоров! — Я взбежал по трапу и оглянулся. Линия холмов, ставшая такой знакомой за эти долгие месяцы, закачалась перед глазами.

Ночью несколько человек подошли к моей койке.

— Позволь задать тебе несколько вопросов. Среди тех, кто сел сегодня на пароход, должен быть служащий из «Ниппон симбунся». Скажи нам его имя.

— Я не знаю. У меня есть список фамилий, но нет сведений о каждом человеке из группы. Я не узнавал, да и незачем мне это знать.

— Не может быть! Ты хочешь спрятать его от нас?

— Что?! А ну, повтори! Зачем мне что-то скрывать? Если я сказал, что не знаю, значит, не знаю. Вот и все! — рассердился я. — Не знаю, зачем он вам. Но я, как ответственный за группу, не могу этого допустить. У каждого из нас есть семья, и каждого ждут с нетерпением. Подумайте об этом, — закричал я и отвернулся. — Всё! Я сплю!

Они еще немного постояли рядом, потом ушли.

И вот судно приблизилось к берегу настолько, что можно было разглядеть белый песок и зеленые сосны

в бухте Майдзуру. Мне казалось, что все, наконец, позади. Но успокаиваться было еще рано.

В то время как я жадно вглядывался в родной пейзаж, кто-то бесшумно подошел ко мне и прошептал: будь осторожнее, все, что происходит здесь, становится известно американцам. Я промолчал, сделав вид, что ничего не заметил, и подумал: «Хорошо, что я не знаю фамилии этого человека».

Как и следовало ожидать, меня повели на допрос. Допрос вел молодой американский унтер-офицер, который полагал, что, если я был командиром в Находке, то я, скорее всего, коммунист. Я честно объяснил ему, что согласился на эту должность только затем, чтобы помочь всем как можно скорее вернуться домой, и мои политические взгляды здесь совершенно ни при чем.

— Мы каждый день пели «Красное Знамя», это правда. Но лишь потому, что хотели быстрее вернуться домой. А если ты знаешь кого-нибудь, кого я завербовал в коммунисты, то приведи его сюда.

Допросы продолжались нескольких дней, а потом за мной вдруг прислали машину. Я подумал, что меня везут в лагерь на Окинаве. Что ты тут поделашь! Я решил подчиниться судьбе.

Джип внезапно совершил круговой поворот и остановился за лагерем. Там было совсем безлюдно.

— Я спрашиваю тебя снова. Если не ответишь честно, пеняй на себя, — начал офицер. — В ту группу из Находки, которую ты возглавлял, был включен служащий из газеты «Ниппон симбунся», да?

С этими словами он взвел курок.

Какое-то время я молчал, потом тихо ответил:

— Я не знаю. В мои обязанности не входило знать это. Но ты мне не веришь, а я никак не могу доказать, что говорю правду. Очень жаль, но мне больше нечего сказать. Так что делай, как хочешь. Скажу только одно. Я был унтер-офицером японской армии, и ты тоже унтер-офицер. Мы равны по чину. Меня призвали, и я много раз стоял на краю гибели, а теперь я наконец-то на родной земле. И тут со мной происходит такое! Да, Япония проиграла войну. Ты придираешься ко мне и считаешь, что я должен согласиться с твоими обвинениями лишь потому, что в этом состоит долг потерпевших поражение. Но только обращайся со своими обвинениями к императору. Не я, а император должен взять на себя ответственность. А теперь делай как знаешь!

Я поднял глаза к небу. Светило солнце, августовское небо было ярко-синим, белые облачка медленно плыли по нему. Стояла какая-то странная тишина.

Через несколько минут джип тронулся с места, подъехал к лагерю и остановился перед входом.

— Иди.

Я вышел, джип тут же исчез.

Наконец-то все закончилось.

С того августа 1947 года прошло пятьдесят шесть с половиной лет. Я постарел, но мне все вспоминаются — почему-то с нежностью

и теплотой — начальник лагеря, женщина-врач, плотник Онума, даже журналист из «Ниппон симбунся» и американский инженер-офицер. То ли время тому виной, то ли старость, но эти воспоминания греют мне душу.

Перед тем, как закончить свое повествование, скажу несколько слов о моей общественной деятельности.

Холодным вечером 11 февраля 1986 года в Киото, в почтовом отделении Хигасияма, я впервые рассказал о пережитом на войне служащим почты — их было человек пятьдесят.

Когда я вернулся на родину, у меня не было никакой профессии, и, чтобы содержать семью, я стал служащим в банке. Поэтому мне никогда не приходилось выступать публично, как, например, учителям, профессорам или политикам.

Получив приглашение выступить в первый раз, я подумал, что слушателей будет человек десять, не больше, мы с ними сядем в кружок и будем вести неторопливую беседу. Однако, приехав в назначенное место, я очень смущался: зал оказался большим, а рассказывать я должен был с трибуны. Я думал, меня пригласят разок-другой — и все на этом кончится. Но с тех пор прошло восемнадцать лет, я рассказывал историю своей жизни уже 930 раз. По моим подсчетам, количество моих слушателей составило примерно 110 тысяч человек. Меня это удивляет.

Я человек от природы нетерпеливый, обычно мне трудно долго заниматься одним и тем же делом. Мне это надоедает, я устаю. Так почему же я продолжаю выступать?

Во-первых, рассказать о том, что я видел, могу только я. Никто, кроме меня, не знает, что случилось со мной, и я не могу допустить, чтобы кто-то другой описывал то, что пережил я.

Во-вторых, я сообщаю только факты и никогда ни к чему не призываю. Ни к борьбе против войны

или ядерного оружия, ни к прославлению императора, ни к патриотизму. Я просто честно рассказываю о том, что видел, слышал, чувствовал шестьдесят лет назад. А слушатели пусть сами делают выводы. Мне кажется, что именно поэтому мне и удается так долго находить новых и новых слушателей.

А начал я это делать ради моего внука. Я не хотел, чтобы он вырос и взял в руки оружие — лишь потому, что не понимает сути войны. Ведь не только его поколение, но и поколение его родителей не знает, что такое война. Я стал рассказывать обо всем этом, чтобы не повторились наши горькие ошибки. Но постепенно эта деятельность стала смыслом моей жизни, и теперь мне кажется, что для меня самого она имеет гораздо большее значение, чем для других. Ведь я нашел столько молодых замечательных товарищей и помощников.

Произошло и другое радостное событие. Ко мне стали обращаться с просьбами возглавить различные общественные движения. Таким образом, когда мне было уже за семьдесят, моя жизнь вдруг резко изменилась! Я не ожидал ничего подобного, когда начинал свои выступления.

Хочу сказать и еще об одном. Тем, что сейчас я активно занимаюсь общественной деятельностью, я обязан отцу. Я видел только его спину, но был обязан понять его бессловесный урок. Я не ждал, пока мне положат в рот разжеванный кусок. Так я привык к самостоятельности.

Я привык полагаться только на себя и действовать, даже если не все получается; я привык всегда нести ответственность за свои поступки. Чем старше я становлюсь, тем больше ценю такой способ воспитания. Я и сейчас как будто слышу голос отца: «Постарайся!» Я и в самом деле сын своего отца.

Перевод Ольги Макаровой

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЯПОНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Пищевые и ресурсные основы формирования японской цивилизации

Ставшее общим местом утверждение о бедности Японского архипелага ресурсами верно только с существенными оговорками. Длительные периоды автаркического и полуавтаркического существования (сокращение связей с материком в IX–XII вв. и почти полная самоизоляция при сёгунате Токугава, 1603–1867) доказывают, что при сложившемся комплексе хозяйственной адаптации Япония не испытывала существенной потребности в новых территориях, а ее ресурсы были вполне достаточны для обеспечения замкнутого доиндустриального цикла жизнедеятельности. Сложившийся способ хозяйствования был способен не только удовлетворить первичные физиологические потребности человека, но и генерировать высокоразвитую культуру, которая невозможна без достаточного уровня прибавочного продукта. И в этом смысле Японию можно квалифицировать не как островное государство, а как маленький материк.

Знаменитый просветитель и мыслитель Фукудзава Юкити (1834–1901) отмечал: «Наша Япония представляет собой далекую островную страну, находящуюся к востоку от Азии. В прежние времена она не вступала в сношения с другими государствами. Она питалась и одевалась только тем, что порождала ее земля, и не чувствовала ни в чем недостатка. Но с прибытием в годы Кэй (1848–1854 г.–А.М.) американцев началась торговля с иностранными государствами, и дело дошло до того, что мы сейчас видим перед собой» (перевод Н.И. Конрада). Расшифруем: Фукудзава Юкити имел в виду то, что теперь современная ему Япония стала создавать тяжелую промышленность, для развития которой у нее действительно не было достаточных ресурсов. А поскольку не было и денег, то это и подтолкнуло Японию к внешней экспансии.

Японская цивилизация представляет собой уникальный случай в мировой истории, когда удалось достичь высокой степени развития культуры без обращения к скотоводству как к главному источнику животного белка. Заливное рисосеяние и рыболовство составили ту пищевую основу, на фундаменте которой и было возведено здание японской цивилизации. Такая модель складывается постепенно.

Начало морского промысла (добыча моллюсков,лов рыбы) отстоит от нас на 10 тысяч лет. В то время

морской промысел сочетался с охотой и собирательством. Формирование производящего типа хозяйствования и начало возделывания риса датируются приблизительно III в. до н.э. Стратегический отказ от животноводства относится к IX–X вв. н.э. Начиная с этого времени можно говорить о том, что пищевая основа японской цивилизации приобрела свой законченный вид. Она не претерпела кардинальных изменений вплоть до «Обновления Мэйдзи» (1867 г.).

Рисосеяние было принесено переселенцами с юга Корейского полуострова. Хотя население архипелага занималось возделыванием и других агрокультур (просо, гречиха, пшеница, бобовые, овощи), доля рисосеяния имеет тенденцию к увеличению, рис долгое время выступает в качестве всеобщего эквивалента и до сих пор играет роль одного из национальных символов (именно этим объясняется желание правительства сохранить рисосеяние в Японии, хотя в нынешних условиях экономически это совершенно невыгодно).

Для цивилизации и культуры Японии укоренение рисоводства имеет колossalное значение. Оно не только создало возможности для увеличения количества прибавочного продукта и устойчивого роста населения (рис является потенциально наиболее урожайной культурой среди всех зерновых, за исключением кукурузы), но и способствовало формированию «комплекса оседлости». Это связано с тем, что возделывание риса – достаточно трудоемко и требует строительства определенных ирригационных сооружений. Поэтому считалось, что покидать землю, в которую вложено столько труда, можно только в крайнем случае. Только в условиях жесткой установки на оседлость можно было, подобно видному идеологу Хирата Ацутанэ, утверждать, что иноземцы ищут возможности установить торговые отношения с японцами, поскольку живут в бедных странах, а японцам не следует куда-нибудь путешествовать и искать новых контактов, потому что они ни в чем не нуждаются.

Возможность «полноценного» пищевого существования без выращивания скота объясняется тем, что прибрежные воды архипелага чрезвычайно богаты пищевыми ресурсами. Ввиду того, что в непосредственной близости от архипелага встречаются теплые и холодные морские течения, это создает очень благоприятные условия для размножения планктона и воспроизведения рыбных запасов. В настоящее

время в прибрежных водах архипелага обитает 3492 вида рыб, моллюсков и морских животных (в Средиземном море—1322, у западного побережья Северной Америки—1744).

Морской промысел в прибрежной зоне был не просто дополнительным источником питания по отношению к продукции сельского хозяйства. Он являлся необходимым фактором его полнокровного развития. Морской промысел (включая добычу водорослей и моллюсков) был для японцев основным источником животного белка, микроэлементов, соли (залежи каменной соли на территории архипелага отсутствуют). Мелкая рыба и водоросли использовались также в качестве удобрений для суходольного земледелия. Это позволяет говорить о фактическом (и притом весьма значительном) увеличении территории, подверженной интенсивному хозяйственному освоению.

Животноводство в Японии показало свою малую пищевую эффективность в силу ограниченности равнинных участков суши. Что касается гор, то их крутизна и высокая степень вегетации (ввиду теплого и влажного климата) также препятствовали созданию пастбищ и развитию животноводства. Выращивание коров практически прекращается к X в. Коневодство получило определенное развитие в период междоусобных войн, но с установлением мира в период Токугава поголовье лошадей драматически сокращается (считается, что в начале этого периода одна единица скота приходилась на одно крестьянское хозяйство, а к его концу—на двадцать хозяйств).

Сочетание растениеводства (с упором на рисосеяние) и морского промысла сумело обеспечить постоянный рост населения, которое стало сокращаться только в последние годы в связи с факторами, которые не имеют отношения к пищевому обеспечению.

Динамика численности населения Японии

Недра Японии действительно бедны минеральными ресурсами. Это привело к тому, что уже на достаточно раннем этапе начали появляться ресурсосберегающие и, одновременно, зачастую трудозатратные технологии. Богарное рисосеяние было вытеснено заливным, которое требует намного больших трудозатрат. Уже в древности бронзовые буддийские статуи были в значительной степени вытеснены чрезвычайно трудозатратными лаковыми. Металлические бытовые предметы были большой редкостью (ножи зачастую изготавливались из дерева, лопаты делались из дерева с металлической окантовкой). На рынках столицы Нара (710–784) продавалась исписанная бумага, использовавшаяся покупателем на «оборотки». Одноразовые бамбуковые таблички, которые использовались в Китае для записей, японцы стали делать из более мягкого дерева, предусмотрев их повторное использование (запись соскабливалась и на ее месте писалась новая). Одежда, изготовленная из бумаги, не была редкостью. Предметный мир японцев был представлен по преимуществу изделиями, сырьем для

Периоды	Численность населения (в млн. чел.)
Начальный Дзёмон (15500–5000 гг. до н.э.)	0,02
Ранний Дзёмон (5000–3500 гг. до н.э.)	0,11
Средний Дзёмон (3500–2400 гг. до н.э.)	0,26
Поздний Дзёмон (2400–1000 гг. до н.э.)	0,16
Финальный Дзёмон (1000–300 гг. до н.э.)	0,08
Яёй (III в. до н.э.–III в. н.э.)	0,6
VI в.	5,4
VIII в.	6-6,5
X в.	7
XI в.	9
XII в.	10
Начало XVII в.	12
1650 г.	17,2
1710 г.	27,7
1756 г.	26,1
1792 г.	24,9
1804 г.	25,5
1846 г.	26,9
1872 г.	33,1
1920 г.	55,9
1940 г.	71,8
1960 г.	93,7
1980 г.	116,4
1992 г.	123,5

изготовления которых служило дерево, растительные волокна (возобновляемые ресурсы) и глина (ее запас можно принять за неисчерпаемый). Камень в строительстве употреблялся в ограниченной степени (ввиду угрозы землетрясений). В сфере бытовой культуры получают распространение компактные и складывающиеся предметы (ширма, изобретенный в Японии складной веер и т.п.).

Несмотря на огромную важность моря в деле обеспечения пищевыми ресурсами, японская государственная официальная культура уделяла морскому промыслу минимум своего внимания. Считая себя государством прежде всего земледельческим (ри-сопроизводящим), японское государство всегда сосредотачивало основное внимание на контроле над сельскохозяйственным населением. Оно постоянно занималось регулированием земельных отношений, предоставляя рыбакам достаточно большую свободу в их хозяйственной деятельности. Главные конфликты японской истории затрагивали, в основном, именно земледельческое население (ввиду естественной ограниченности земельных ресурсов), а море, пищевые ресурсы которого вплоть до Новейшего времени

можно принять за неисчерпаемые, не становилось источником конфликтных ситуаций.

Наряду с людьми, земля представляет собой основной ресурс традиционного общества. В VIII в. была принята система надельного землепользования, когда вся земля была объявлена государственной собственностью. Земля распределялась в зависимости от пола и возраста (для крестьян), в зависимости от ранга и должности—для чиновников. Однако весьма быстро эта система стала давать сбои, и земля стала переходить в частное владение. Ее собственником выступал, как правило, некоторый коллектив (семья, род, двор, синтоистское святилище, буддийский храм), что резко снижало возможности по ее отчуждению и перераспределению. В этих условиях основным источником перераспределения земли становилась военная сила. История кровавых междуусобиц XV—XVI вв. показывает, что за это время класс собственников земли сменился полностью. Для того, чтобы избежать этого в дальнейшем, достигший стабильности сёгунат Токугава принял для основной части военного дворянства систему «рисовых пайков». Не владея землей и не имея права на это, самураи получали постоянный доход в рисе (выплачивался сюзереном), которым они пользовались по своему разумению (потребляли, обменивали и продавали). Таким образом, создалась уникальная ситуация, когда основная часть привилегированного сословия была лишена доступа к средствам производства.

Ландшафтная специализация хозяйства и обменные процессы

На территории Японского архипелага не существуют точки, откуда расстояние до моря или океана превышало бы сто плюс несколько десятков километров. Рельеф является собой сочетание гор (около 75% суши) и равнин, разделенных горными отрогами. Причем на любом широтном срезе представлены как равнинные, так и горные участки.

Таким образом, каждый из регионов Японии, расположенных на одной широте, обеспечивает территориально близкое сосуществование трех зон, весьма отичных по своим природным условиям, на основе которых в самой непосредственной близости друг от друга в исторический период получили полноформатное развитие три хозяйствственно-культурных комплекса: морской (рыболовство, собирательство моллюсков и водорослей, выпаривание соли), равнинный (земледелие с упором на заливное рисоводство) и горный (охота, собирательство, богарное земледелие, лесоводство).

Как показывает история мирового хозяйствования, каждый из этих укладов может быть вполне самодостаточным. Но их физическая приближенность друг к другу в условиях Японии предопределила возможность и даже необходимость тесных контактов между их обитателями, что выражалось в достаточно ранней специализации типов хозяйствования,

а также в интенсивных обменных процессах (товарных и интеллектуальных).

Следует, однако, иметь в виду, что природные условия архипелага предопределили и значительную изолированность друг от друга отдельных регионов. Начиная, по крайней мере, с VII в. и вплоть до «Обновления Мэйдзи» (1867 г.) политico-административная карта Японии неизменно представляла собой структуру, образованную 60—70 провинциями. Подавляющее большинство из них располагало выходом к морю, а также имело в своем составе как равнинные, так и горные участки, что делало эти провинции в значительной степени самообеспечивающими образование. Такая самообеспеченность ресурсами явилась предпосылкой политического сепаратизма, который мы наблюдаем на протяжении достаточно продолжительного исторического периода (без всяких оговорок о «единой Японии» можно говорить лишь после «Обновления Мэйдзи»).

Кроме того, следует отметить большую протяженность Японского архипелага. Узкая гряда островов вытянута в направлении с северо-востока на юго-запад в пределах от 45 до 24 градусов северной широты, что обеспечивает сильно различающиеся между собой экологические условия обитания населения для разных регионов этой страны, чему способствует и обилие гор, служащих естественным консервантом локальных особенностей стиля жизни. Еще в прошлом веке обитатели севера и юга Японии испытывали значительные лингвистические затруднения при общении друг с другом (не изжиты они окончательно и в настоящее время).

Начиная с периода Яёй и вплоть до второй половины XIX в. из зоны «японской» культуры и истории в значительной степени выпадает Хоккайдо (прежде всего потому, что там было невозможно рисоводство, а японское государство было заинтересовано в первую очередь в освоении потенциально рисовыращивающих территорий). Архипелаг Рюкю в силу его удаленности от Кюсю и Хонсю также ведет вполне независимое культурно-хозяйственное и историческое существование, начиная с периода Яёй, и окончательно попадает в сферу влияния Японии только после присоединения к ней в 1879 г., когда была образована префектура Окинава.

Японские реки, берущие свое начало в горах, обладают короткой протяженностью, бурны, текут почти исключительно в широтном направлении. Вследствие этого их значение в качестве транспортных и информационных артерий было достаточно ограничено, и они не играли той глобальной объединяющей роли (хозяйственной и культурной), которая принадлежит великим рекам в других древних цивилизациях (Нил, Янцзы, Волга и т.д.). Алтернативу речному сообщению составляли прибрежные морские пути и, в особенности, сухопутные дороги. Их строительство активизируется в периоды сильной централизованной власти—периоды Нара, Токугава, после Мэйдзи.

Количество городов и их качественное состояние являются одной из важнейших характеристик интенсивности обменных процессов, на которые прямое воздействие оказывает плотность населения. Первые города появляются в стране в начале VIII в. В первую очередь это была столица Нара с населением около 100 тысяч человек. Другие города были значительно меньше, все они формировались как административные центры (например, управления провинций), где были сосредоточены чиновники и обслуживающая их потребности инфраструктура. В случае, если такой центр менял свое местоположение, город, как правило, приходил в упадок. Так случилось, например, с Нарой, когда императорский двор покинул город в 784 г. С этого времени самым крупным городом становится новая столица — Хэйан (Киото). В течение длительного времени формирование городов напрямую зависит от местоположения управляемых структур. Основным типом города был «призамковый город», выраставший вокруг княжеского замка. Поселения городского типа и сопутствующая им инфраструктура возникали также вокруг популярных святынищ и храмов, служивших местом паломничества. Иными словами, степень развития хозяйственной специализации (ремесленнической, сельскохозяйственной, региональной) и производительности труда были явно недостаточны для спонтанного роста городов.

Ситуация довольно резко меняется в период Токугава, когда наблюдается значительная концентрация населения в более чем 200 городах, в которых проживало около 15% населения. Основными городами в период Токугава были: крупнейший город мира Эдо (более 1 миллиона человек), Киото и Осака (около 500 тысяч).

Такой рост городов был связан с несколькими обстоятельствами: 1) после длительного периода междуусобных войн страна обрела мир и получила возможность сосредоточиться на экономической деятельности; 2) значительно повысилась производительность труда в сельском хозяйстве (урожайность возросла в 3 раза), что дало большие возможности для хозяйственного разделения труда и торговли; 3) военному сословию самураев, численность которого составляла около полутора миллионов человек (с женами и детьми), было запрещено заниматься любым производительным трудом, обрабатывать землю (свои доходы, как уже говорилось, самураи, как правило, получали в виде рисовых пайков, которые выплачивались им сюзереном); 4) для лучшего контроля над князьями сёгунатом была принята система заложничества, когда все князья-даймё вместе со своими многочисленными свитами, охраной и челядью были обязаны находиться в Эдо определенное время (обычно они попеременно жили у себя и в Эдо по одному году).

В связи с этим значительная часть населения стала концентрироваться в городах, что дало сильнейший импульс развитию сферы обслуживания (магазины,

гостиницы, харчевни, бани, публичные дома), зрелищной инфраструктуры (театры), книгопечатания. Существовали сотни издательств, тираж в 15 тысяч экземпляров не был редкостью, появилось множество профессиональных писателей.

Япония и внешний мир

Вся история Японии доказывает, что японцы не желали выходить за пределы архипелага и не прилагали существенных усилий для усовершенствования своих плавательных средств, ибо весь модус их адаптации к вмещающему ландшафту предполагал интенсивные способы ведения хозяйствования, в то время как, например, скотоводческий комплекс Англии (с которой — далеко не всегда корректно — принято сравнивать Японию) буквально «выталкивал» часть ее населения во внешний мир, провоцировал экспансионистские и «пионерские» устремления. Японцы же, постоянно расширяя посевы заливного риса, совершенствуя агротехнику и способы рыболовства, достаточно рано (приблизительно с середины VII в.) решительно вступили на интенсивный путь развития. Замкнутости geopolитического существования Японии не могла помешать даже исключительная бедность архипелага минеральными ресурсами (собственно говоря, кроме песка, глины, камня, дерева, воды и воздуха Япония не располагает сколько-нибудь значимыми природными непищевыми ресурсами).

Несмотря на бедность непищевыми ресурсами, вплоть до Новейшего времени японцы не предпринимали сверхусилий ни в активизации международной торговли, ни в приобретении этих ресурсов насильственным путем, предпочитая довольствоваться тем, чем они располагают: способы хозяйственной адаптации к природным условиям позволяли это. Данный этап самоизоляции был прерван лишь во второй половине XIX в. после насилистенного открытия страны, серьезного знакомства с Западом и начала промышленного развития по европейскому ресурсопотребляющему типу, что потребовало минеральных ресурсов в том количестве, которое территория Японии обеспечить уже не могла. Отсюда — империалистическая экспансия, начавшаяся после Мэйдзи и закончившаяся полным поражением во Второй мировой войне.

Чтобы получить представление о том, насколько пассивно относились традиционные японцы к внешнему миру, достаточно отметить, что первая попытка непосредственного проникновения на родину одной из основных религий Японии — буддизма — была предпринята лишь во второй половине IX в. (путешествие в Индию сына императора Хэйдзэй принца Такаока, которое завершилось его смертью в пути).

Япония на протяжении почти всего известного нам исторического периода осознавала себя как периферию цивилизованного мира и никогда, за исключением ранней стадии формирования государственности и последних полутора столетий, не претендовала на роль культурного, политического и военного центра. В древности Япония претендова-

Кафедра

ла на гегемонию на Корейском полуострове, но после того, как во второй половине VII в. при помощи танского Китая страна была объединена под эгидой Силла (посланный на Корейский полуостров японский экспедиционный корпус потерпел сокрушительное поражение), Япония не предпринимала больше сколько-то серьезных попыток повлиять на события на континенте вплоть до «обновления Мэйдзи» (единственное исключение—две крайне авантюрные военные экспедиции, предпринятые в конце XVI в. Тоётоми Хидэёси). Распространенные в Японии средневековые «карты мира» (они имели буддийское происхождение) неизменно помещали Японию не в центре мира, а на его периферии¹. Существовавший внутри общества потенциал воинственности и агрессивности был направлен внутрь страны, а не вовне, самурайская «армия» сёгунов Токугава фактически превратилась в разновидность полиции, что было возможно только в условиях длительного отсутствия внешней угрозы.

Если учесть, что основной внешний партнер Японии—Китай—напротив, обладал гиперкомплексом своей «срединности» (и сопутствующей ему незаинтересованностью в делах японских «варваров»), то станет понятно, почему потоки информации, направленные с континента в Японию и из Японии во внешний мир, до самого последнего времени не были сопоставимы по своей интенсивности. В процессах культурного обмена Япония всегда выступала как реципиент, а не как донор. Произошедшее в последнее время уравновешивание этих потоков является колоссальным достижением.

Общепризнанным является факт широкого заимствования японцами достижений континентальной цивилизации практически на всем протяжении истории этой страны. Трудно обнаружить в традиционной японской культуре и цивилизации хоть что-то, чего были лишены ее дальневосточные соседи (свои континентальные прототипы обнаруживают знаменитые «типично японские» сухие сады камней, чайная церемония, бонсай, икэбана, Даэн-буддизм, каратэ и т.д.). Даже «национальная религия»—синтоизм—является во многих сферах продуктом взаимодействия автохтонных верований с даосизмом и буддизмом. Тем не менее, японская культура всегда была именно японской. Мы хотим сказать, что своеобразие культуры проявляется не столько на уровне изолированно рассматриваемых «вещей» или «явлений», сколько в характере связей между ними, из которых и вырастают доминанты той или иной культуры.

Чрезвычайно важно, что заимствования осуществлялись Японией на большей протяженности ее истории совершенно добровольно, а значит, Япония имела возможность выбора—заимствовались и укоренились лишь те вещи, идеи и институты, которые не противоречили уже сложившимся местным устоям.

В этом смысле Япония может считаться идеальным «полигоном» для исследований межкультурных влияний, не отягощенных актами насилия или же откровенного давления извне.

Сказанное, разумеется, можно отнести к последней мэйдзийской (начиная с 1867 г.) Японии лишь с определенными оговорками. Ведь «открытие» страны, связанное с событиями «Обновления Мэйдзи», произошло под влиянием непосредственной военной опасности, грозившей со стороны Запада. Послевоенное же развитие в очень значительной степени определялось статусом страны, потерпевшей поражение во Второй мировой войне, и оккупационные власти имели возможность непосредственного контроля над государственной машиной Японии. До этих же пор Япония скорее ждала, что мир «откроет» ее, чем искала сама пути к сближению с ним. Страна, окруженная морями, не сумела создать быстроходных и надежных кораблей и не знала ничего такого, что можно было бы хотя бы отдаленно сопоставить с эпохой Великих географических открытий. Эта эпоха коснулась Японии лишь в том смысле, что она была открыта европейцами.

Подобная закрытость приводила к консервации особенностей местного менталитета и стиля жизни, вырабатывала стойкое убеждение в некоей «особости» Японии, ее культуры и исторического пути.

Такая самооценка, в плenу которой подсознательно находятся и очень многие западные исследователи (не говоря уже о массовом сознании), значительно препятствует адекватной интерпретации историко-культурного процесса в этой стране. В качестве дополнительной сложности следует привести также и ограниченность источниковедческой базы. Изоляция Японии привела к тому, что по большей части ее истории и культуры мы располагаем исключительно японскими источниками со всеми вытекающими отсюда ограничениями.

Японская цивилизация и письменная информация

Физическая изолированность Японии от материка отнюдь не означала, что японцы не знали о событиях в соседних странах (в первую очередь, это касается Китая и Кореи). Контакты осуществлялись постоянно, причем не столько на уровне товарообмена (который ограничивался по преимуществу товарами престижной экономики—предметами «роскоши»), сколько на уровне идей, know-how (технологического и управленческого плана), т.е. на уровне информационном. В связи с тем, что количество путешественников на материк никогда не было слишком большим, особенную значимость приобретали письменные каналы распространения информации. Управленческая элита, а затем и более широкие слои населения полагали, что главным средством получения важной информации является письменный текст.

¹ Подр. см.: Мещериков А. Н. Раннепронские карты как феномен культуры. — «Вестник восточного института», СПб., № 1 (13), т. 7, 2001, с. 61–78.

Образовательная инфраструктура, первоначально созданная государством в конце VII—VIII вв. (школы, готовившие чиновничий аппарат), приходит в упадок к X в. и претерпевает значительные изменения в своих формах (домашнее образование, школы при буддийских храмах, частные школы и т.д.). Однако неизменным оставалось одно—престиж письменного слова и повседневное функционирование его в качестве носителя информации, необходимой для обеспечения жизнедеятельности государства, общества и культуры. В обществе была сформирована установка не только на престижность учения, но и на его необходимость. Уже первые христианские миссионеры (в основном, это были иезуиты), побывавшие в Японии в XVI—XVII вв., отмечали необычайную тягу японцев к учению. Так, Алессандро Валиньяно писал в конце XVI в.: «Даже несмотря на то, что латынь столь непривычна для них... по своей натуре они настолько способны, искусны, обучаемы и прилежны, что это вызывает удивление, поскольку даже дети находятся в классе по три или четыре часа на своих местах не шелохнувшись, как если бы то были взрослые люди...»

Престиж письменного слова, в значительной степени эквивалентного культуре вообще, поддерживался тем, что сам император рассматривался в качестве «культурного героя». Тэнно получал домашнее образование, к престолонаследнику прикреплялся какой-нибудь признанный знаток китайской традиции. Среди императоров было немало стихотворцев (вслед за китайской историко-философской мыслью японская элита почитала стихи гармонизирующими общественным фактором), император Сага (809—823) получил признание как величайший каллиграф своего времени, Кадзан (984—986) славился как художник, летописи и поэтические антологии составлялись по императорскому указу, при дворе под патронажем императора проводились поэтические и музыкальные турниры, придворные соревновались в живописи, сочинении прозы, составлении ароматов и многом другом. Все это свидетельствует о том, что тэнно считался «культурным героем» (покровителем знания, наук, стихотворчества). К этой роли, оформленной в значительной степени с помощью китайских принципов управления, основания которых покоились на письменном слове, он был, возможно, предрасположен в силу кровного родства с покровительницей земледелия Аматэрасу.

В связи с этим и весь чиновничий аппарат был ориентирован, в частности, на практическое внедрение «передовых» методов агротехники и ремесла, т.е. знание активно использовалось в качестве одной из составляющих хозяйственного (экономического) процесса. Государство поощряло и наиболее успешных в хозяйственном отношении крестьян, то есть качественный и производительный физический труд считался занятием почетным. Тэнно брал на себя так-

же миссию по приобщению к «культурности» «варваров». При этом основным признаком культурности, в соответствии с китайскими представлениями, является овладение письменностью.

Высочайшая ценность учения осознавалась на всех уровнях. В своем политическом завещании Токугава Иэясу указывал: «Хоть наш Двор—это та земля, что славится от времен [первого императора] Дзимму, но в культуре и науках уступает иным краям. Устроив надлежащим образом школы, тем самым нужно и должно прославить расцвет страны и [правящего] дома»².

Такие установки привели к тому, что в первой половине XIX в. степень грамотности японцев практически не отличалась от передовых стран Европы и Америки того времени (40% среди мужчин и 15% среди женщин). И это при том, что обязательного образования еще не существовало. Таким образом, информационные процессы еще до прихода европейцев осуществлялись в Японии с большой степенью интенсивности. Высокий общественный статус знания, готовность к постоянному обучению явились едва ли не главными факторами чрезвычайно быстрого приобщения японцев к достижениям Запада и превращения «отсталой» страны в одну из ведущих стран мира.

Формирование японской нации

Формирование или, вернее, конструирование японской нации происходит только во второй половине XIX в. До этого времени, находясь в условиях международной самоизоляции, Япония как государственный организм не нуждалась в такой идеологической подпитке. Страна имела название («Нихон»—«Присолнечная страна»), принятое ею в самом начале VIII в., но вопрос об этнической принадлежности ее обитателей почти никогда не вставал. Слово «японец» (нихондзин) впервые фиксируется в XII в. (сборник новел «Удзи сюи моногатари»—«Рассказы из Удзи»), но в дальнейшем появляется в источниках весьма редко. Однако когда в середине XIX в. состоявшая из отдельных княжеств Япония столкнулась с натиском Америки и европейских держав, где национальные государства уже были сформированы, стало понятно, что противостоять им можно только с помощью конструирования более крупного и гомогенного образования—«японской нации». Для достижения этой цели были в первую очередь актуализированы древние geopolитические идеи, связанные с цивилизующей ролью монарха.

Эти идеи, сложившиеся под прямым влиянием китайской политической мысли, получили распространение в Японии еще в конце VII в. Именно тогда для обозначения верховного правителя стал использоваться астрологический даосский термин тэнъю-хуан (яп. тэнно). Он обозначал небесного императора или же Полярную звезду. Тэнно воспри-

² Цит. по: Филиппов А. В. «Стостатейные установления Токугава» 1616 г. и «Кодекс из ста статей» 1742 г. Право, общество и идеология Японии первой половины эпохи Эдо. Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998, с. 68, с. 29.

Кафедра

нимался верховным божеством даосского пантеона, который пребывает в небесном «фиолетовом дворце» (фиолетовый – цвет, маркирующий наибольшую сакральность), откуда он управляет даосскими мудрецами (чжэнъянь) – своими придворными.

Получается, что земной император уподобляется небесному, точно так же, как и его наиболее приближенные придворные – небожителям, образуя собой нечто вроде пантеона. Жители страны облагодетельствованы уже тем, что находятся в сфере действия сакрального и всеблагого энергетического поля императора, поля, которое из дикарей (варваров) превращает их в «настоящих» цивилизованных людей. Основным признаком культурности считалось владение письменным китайским языком (это было одной из главных причин, почему японцы всегда испытывали такой пистет перед письменным словом). Варварами же являются люди, находящиеся за пределами этого поля. В древности и Средневековье считалось, что это корейцы – на западе, племена на островах, прилегающих к Кюсю, – на юге. Поскольку к востоку от Архипелага простирается Тихий океан, то было решено, что роль восточных и северных варваров должны выполнять эмиси (или эдо, предки айнов). Несмотря на некоторые географические несоответствия, те племена, которые жили на северо-восточном побережье Хонсю, приписали к восточным, а обитателей северо-запада – к северным варварам. Сам же император постоянно пребывал в сакральном центре – дворце (сначала в Нара, потом – в Хэйане-Киото).

Хотя такая модель не является по сути этноцентрической, она, разумеется, могла быть с легкостью трансформирована в ксенофобскую. Непременным условием для проявления такой ксенофобии было наличие императора. Недаром в последние годы существования сёгуната в середине XIX в. получает распространение лозунг «сонно дзёй» («почитание императора и изгнание варваров»), то есть император и ксенофобия попадали в одно семиотическое поле. Безусловно, это еще не национализм, утверждающий, что японцы сами по себе – лучший народ на свете. Логическое построение, скорее, выглядело так: японский император, являющийся потомком Аматэрасу, – лучший на свете, а потому счастливы и хороши те люди, которые живут под его рукой. А не будь императора, они не были бы культурны.

Понятно, что в этом построении «народ» не выступает сам по себе как носитель каких-то особых ценностей; он является объектом культуроносной деятельности императора. Отсюда вытекает и необходимость сохранения и защиты императора его подданными. Уже на этой основе в конце XIX в. стали активно развиваться идеи об «особости» японцев. Основными направлениями такого развития были следующие: 1) Япония – земля особая, поскольку там находится император (политический компонент); 2) Япония – земля особая, поскольку там пребывают синтоистские божества (религиозно-мифологический компонент); 3) Япония – это земля особая, посколь-

ку там прекрасный климат и очень красивая природа, созданная синтоистскими божествами и воспетая в поэзии (природно-поэтический компонент); 4) японцы – люди особые (со своеобразными обычаями, привычками, языком, литературой, живописью, чувством прекрасного), поскольку они живут на такой особенной земле (этнографическо-эстетический компонент).

Своебразие японского пути модернизации заключается, в частности, в том, что она была достигнута не в результате раз渲а и упразднения монархии (как это происходило в Европе), а в результате формального восстановления прерогатив монарха, которых он был лишен при сёгунатах.

Особый интерес представляет собой, возможно, эстетическая составляющая национальной самоидентификации. Японская политическая элита того времени осознала, что именно эстетизм может послужить одним из объединяющих начал нации и, одновременно, – «визитной карточкой» Японии на Западе. Разрыв с буддизмом (предпринят государством в связи с его иноземным происхождением и принципиально наднациональной природой) лишил возможностей для проявления «национальной гордости» в области мыслительных построений; конфуцианские сочинения японских авторов также не отвечали критерию об «исключительности». Научно-техническая мысль Японии, естественно, уступала Западу. Что касается эстетизма, то следует признать действительно выдающимися достижения японских литераторов (поэтов и прозаиков) и художников. Пропаганда художественного наследия (как внутри страны, так и за рубежом) с помощью организованных правительством музеев и выставок породила настоящий японский художественный бум на Западе, убеждая и японцев в своих несомненных эстетических талантах. При этом под воздействием оценок на Западе внутри страны также произошла существенная переоценка своего художественного наследия. Так, значительно выше стали котироваться произведения художников «укиё» и прозаические художественные сочинения хэйанского времени. И укиё, и хэйанская проза не входили в официальный эстетический идеал периода Токугава, подвергались гонениям и запретам за их «аморальность» и «распущенность».

Период Мэйдзи сопровождался активным социальным мифотворчеством. Японцам стали приписывать качества, которые были якобы свойственны им всегда. Главным из таких мифов был миф о культурной и этнической однородности.

Властные отношения

Для организации системы власти в Японии характерно постоянное наличие двух центров власти. Один из них можно определить как ритуально-духовный, другой – как распорядительно-исполнительный.

Под ритуальным центром мы понимаем «императора» (тэнно) и его двор. Династия тэнно не знает перерыва, по крайней мере, с V в. В роли второго, исполнительного, центра могут выступать различные

институты. В древности и раннем Средневековье это были наиболее мощные роды (Сога, Фудзива-ра), главы которых наследственно занимали высшие должности в государственном аппарате и находились с правящим родом в брачных отношениях. Выдавая замуж свою дочь за императора, глава рода получал контроль за детьми, которые воспитывались в его доме. Весьма часто один из сыновей становился императором, контроль над которым осуществлял дядя или дед по материнской линии (так называемый авункулат). С конца XII в. и до 1867 г. роль распорядительного центра стали исполнять сёгунаты (Минамото, Асикага и Токугава). Начиная с периода Мэйдзи—правительства и парламент. Соотношение полномочий между двумя центрами было различным в различные эпохи, но общая закономерность была одной и той же: император играл ритуальную роль, глава второго института—более практическую.

При императорском дворе возможности социальной мобильности были сведены к минимуму, вплоть до «Обновления Мэйдзи» основные должности при дворе занимали потомки аристократов всего пяти родов («госэккэ»—Коноз, Кудзё, Ницэ, Итидэ, Такацукаса), известных еще с периода Хэйан-Камакура (они образовались в результате распада северной ветви Фудзивара на самостоятельные линии). Но даже и после этого, когда состав правящей элиты претерпел в период правления Мэйдзи значительные изменения, многие аристократы продолжали оказывать серьезное влияние на политический процесс. Многие из них вошли в состав верхней палаты парламента, а Коноэ Фумимаро (1891—1945), род которого восходил в конечном итоге к северной ветви Фудзивара, доминировавшей на политической арене в IX—XII вв., уже в XX в. возглавлял верхнюю палату парламента (1933—1937), дважды занимал должность премьер-министра (1937—1939, 1940—1941).

Состав исполнительного центра также тяготел к наследственности, но, тем не менее, был все-таки более текучим и подверженным периодической смене. При этом авторитет сакрального центра—императора—был настолько велик, что даже Иэясу, основатель могущественного сёгуната Токугава, счел за благо подделать свою родословную, посчитав своим предком императора Сэйва (858—876).

С самого начала император являлся верховным жрецом синто. Он никогда не выступал в качестве истолкователя догматики, его роль заключалась в соблюдении различных табуаций и участии в религиозных церемониях, в некоторых из которых он выступал в качестве главного действующего лица. Эти церемонии могут быть подразделены по своему происхождению на синтоистские, буддийские и конфуцианские, но в реальности все они имели явную тенденцию к слиянию в единый государственно-идеологический комплекс.

Основной формой участия тэнно в ритуалах является отправка посыльных в государственные святыни для совершения приношений, молитв и для «до-

клада» божествам о тех или иных событиях. То есть тэнно делегирует этим посланцам часть своих жреческих полномочий и харизмы. В принципе такой способ поведения ничем не отличается от «обычной» модели государственного управления, когда между тэнно и непосредственным исполнителем его приказа находится соответствующая бюрократическая инстанция. Однако в данном случае тэнно выступает в качестве главного коммуникатора (жреца) между небесным и земным мирами, а не между составными частями подведомственных ему социума и территории. Главным ритуалом, в котором тэнно является основным действующим лицом, является праздник урожая (и его разновидности—церемонии интронизации дайдзёсай).

Участие тэнно в буддийских ритуалах можно определить как пассивное, поскольку он выступает фактически как обычный верующий—молится и выслушивает проповеди, является объектом воздействия ритуала (например, в случаях его болезни заклинания и молитвы обычно возглашают буддийские монахи), т.е. в рамках буддийского ритуала его харизма как бы аннигилируется. Поскольку тэнно не является «хозяином» буддийских ритуалов, буддизм, несмотря на его колossalное культурное влияние, был отвергнут в качестве основной модели для построения государственной идеологии, буддийские церемонии не были включены в список общегосударственных праздников. После обычного для императоров отречения от престола они, как правило, принимали постриг. После этого многочисленные табуации и запреты, накладываемые на поведение императора, ослабевали, и он приобретал временами несколько большие распорядительные полномочия.

Кроме синтоистских и буддийских ритуалов, тэнно принимает участие и в некоторых ритуалах, имевших китайское происхождение. Главным из них является календарная обрядность, связанная с проведением нового года по лунному календарю. В этой обрядности тэнно выступает уже как объект поклонения, поскольку главным компонентом новогодних церемоний является принесение поздравлений (поклонение) тэнно со стороны ближайшего придворного окружения (показательно, что поклонения другим лицам во время проведения нового года были запрещены, т.е. единственным «хозяином» в праздновании нового года был сам тэнно).

Помимо личного участия в ритуале, тэнно наделен полномочиями по регулированию определенных сторон ритуального поведения; он также может отдавать распоряжения о проведении внеочередных ритуальных мероприятий. В соответствии с буддийскими запретами на убийство живого именно тэнно периодически вводит запреты на соколиную охоту, рыбную ловлю с помощью бакланов, запрещает употребление в пищу мяса и рыбы, для исправления нежелательной ситуации государственной значимости (болезнь члена правящего дома, эпидемии, стихийные бедствия, голод, политические неурядицы) повелевает

осуществить моления в храмах и святилищах, провести массовые пострижения в монахи, объявляет амнистии (амнистия, в соответствии с конфуцианскими убеждениями, считалась делом, угодным Небу). Все это в совокупности говорит о том, что тэнно (с некоторыми оговорками в отношении буддизма) можно рассматривать как первохрека государственно-ного синкретического религиозного комплекса. Его право и обязанность—«держать связь» с божествами синто и конфуцианским Небом, т.е. посредничать между разными мирами—миром богов и миром людей. В этом смысле он принадлежит к обоим этим мирам сразу. Поэтому на него распространяются некоторые поведенческие модели, характерные для божеств (в первую очередь, синтоистских—запрет на изображение и лицезрение, передвижение в паланкине—модели синтоистского святилища, и др.).

В отличие от Европы, церковь в Японии никогда не играла самостоятельной роли в управлении государством, клирики не маркировались как самостоятельная социальная группа. Власть в лице императора или же сёгуна имела практически полный контроль над синтоистскими и буддийскими институтами, которые считались частью государственных структур. Предполагалось, что они не имеют (не должны иметь) собственных специальных интересов. Даже разрешение на пострижение в буддийские монахи выдавалось соответствующими чиновниками. Высшие духовные лица назначались указом императора, они имели ранги. При этом они не входили в состав высших сановников. Власти не слишком заботили догматические споры между представителями различных школ, но от них строго требовалось, чтобы они были лояльны по отношению к режиму и обеспечивали с помощью магических способов (молитв, приношений и ритуалов) благополучие политической элиты и всего государства. Созданная церковью храмово-приходская инфраструктура (это касается как буддизма, так и синто) активно эксплуатировалась государством в своих целях (финансовых и идеологических).

Обеспечение богатого урожая и, значит, благосостояния «народа» (подданных) является одной из основных функций (обязанностей) тэнно. Это выражается в том, что тэнно считал себя ответственным за нормализацию годового природного цикла, проводил сезонные моления, ставившие своей конечной целью получение богатого урожая, повелевал провести моления в случае засухи или же проливных дождей. Подобный менталитет свойственен многим древним обществам и, вполне вероятно, имеет в Японии местное происхождение, но конкретное формулирование обязанностей (ответственности) правителя по обеспечению плодородия, минимизации последствий стихийных бедствий, наносящих ущерб урожаю, сформировалось под прямым китайским влиянием.

В китайской политической доктрине предельно ясно выражена идея социальной ориентированнос-

ти управления. Она имеет свои первичные основания в том, что, наряду с природой и природными божествами, «народ»—это один из элементов мироздания, содержание которого в гармоничном (упорядоченном) состоянии является первейшим долгом правителя. Поэтому хорошо только тот правитель, при котором «народ» благоденствует. Такой подход оказал серьезное влияние на управление тэнно своих ритуальных и практических функций.

Природные аномалии зачастую объяснялись недостатком запаса энергетики-добродетельности (яп. току, кит. дэ) у тэнно. В указах тэнно, посвященных различным бедствиям, он обычно принимает на себя ответственность за расстройство баланса природных сил.

Способы гармонизации и обуздания природной стихии, а также способы преодоления последствий природных бедствий имели в Японии как практический, так и ритуальный характер. Основные ритуальные меры включают в себя моления (обычно божествам синто, реже—буддам), жертвоприношения в синтоистских святилищах белых и гнедых коней, амнистии. К практическим мероприятиям, способствующим повышению благосостояния и плодородия, следует отнести следующие: материальная помощь многодетным, старикам и сиротам, награждение (повышение в ранге) владельцев «образцовых» хозяйств, освобождение (частичное и полное) от налогов по случаю стихийных бедствий и сопутствующего им неурожая, предоставление ссуд рисом (для пропитания и в качестве посевного материала), направление из центра лекарей и лекарств в районы эпидемий, руководство в деле совершенствования агротехники, поощрение строительства ирригационных систем. На случай неурожая в провинциях и уездах в древности были учреждены склады с зерном, усовершенствованию работы которых придавалось очень большое внимание.

Тэнно считался инстанцией, ответственной за контроль над временем. Эта функция правителя тесно связана с функцией по обеспечению урожая. Вслед за китайским «сыном Неба» тэнно считался ответственным за обеспечение «правильного» хода времени (чертежования сезонов, дождей и вёдра, холода и тепла и т.д.), что считалось одним из главных условий процветания государства.

По китайскому же образцу в начале VIII в. в Японии была введена система девизов правлений, и начало правления каждого нового тэнно непременно сопровождалось введением нового девиза, который представляет собой род заклинательного благопожелания, фиксирует благоприятное знамение (Небо даст знать о несравненных достоинствах правителя) или выдвигает некую «программу» правления, сформулированную в терминах морали или историософии. Одному правлению не обязательно соответствовал один девиз—в силу различных обстоятельств (как благоприятных, так и неблагоприятных) девиз правления мог меняться во время нахождения тэнно на троне.

При этом, в отличие от Китая, названия японских девизов правления делают акцент не на неких грандиозных космическо-государственных обновлениях или изменениях (вроде перехода «мандата Неба» к новой династии), но уделяют намного больше внимания идею преемственности по отношению к прошлым правлениям (например, путем сохранения одного из иероглифов прошлого девиза) и сохранению существующего положения вещей³, что осмысливается как абсолютное благо.

Еще одной областью, в которой четко выявляется функция тэнно как «хозяина» времени, является составление летописей — все они составляются специально образованной комиссией из высших придворных чиновников по высочайшему указу.

Несмотря на то, что в Средневековые распорядительные полномочия тэнно имеют стойкую тенденцию к сокращению, обладавшие огромной властью сёгуны не сумели лишить тэнно его ритуальных полномочий. Моления о благополучии страны, о богатом урожае, об избавлении от природных бедствий по-прежнему возносились от имени императора. Переименование эр правления также входило в его компетенцию.

С «Обновлением Мэйдзи» решительного расширения распорядительных полномочий тэнно тоже не произошло, хотя правящая элита пытала представить его как абсолютного монарха. Вместе с тем, ритуально-церемониальные функции императора были теперь открыты для широкого обозрения (раньше ритуальная деятельность тэнно была абсолютно скрыта от глаз «народа»). При этом в значительной степени они приняли другие формы. Император не только отправлял «тайные» ритуалы — теперь он участвовал в парадах, появлялся в местах массового скопления зрителей (театр, цирк, ипподром), став для своих подданных, по примеру европейских монархов, объектом для визуализации. За счет этих церемоний осуществлялось его главное предназначение — быть символом страны и нации, объединяющим началом. Зафиксированное в нынешней конституции определение императора как символа японского народа призвано служить тем же самим целям.

Вряд ли нужно еще раз повторять, что верховный правитель — фигура по определению сакральная. Японская традиция не является в этом смысле исключением (если таковые вообще возможны). Однако формы и методы сакрализации в разных культурах весьма отличаются друг от друга, что обусловлено реальным соотношением политических сил, которые используют в своих целях имеющиеся в культуре дефиниции (культурную «предрасположенность» к тем или иным дефинициям).

Самое непосредственное влияние на процесс сакрализации монарха оказывают господствующие в данной культуре представления о божестве (божествах) и божественном, поскольку в любой культуре сакрализация правителя идет в значительной степени по

пути уподобления его божеству («тленный бог», «живой бог», «явленный бог», «земной бог»).

В процессе сакрализации монарха японская культура практически отвергает буддийские представления о всемогущих (или, по крайней мере, очень много могущих) буддах и бодхисаттвах. Достижение «божественного» статуса японского правителя было обеспечено в большей степени с помощью даосско-конфуцианского и синтоистского инструментария. При этом первоначальная легитимность обосновывается с помощью мифа синто, а технология поддержания легитимности обеспечивается прежде всего даосско-конфуцианским и синтоистским комплексами (при этом следует помнить, что в силу ориентации синто на кровно-родственные связи его потенции по управлению территориальными единицами являются ограниченными).

Уместно заметить, что божество (ками) синто — это существо, которое по своим сверхъестественным потенциям отнюдь не равняется всемогущему богу монотеистического (христианского) типа. Это божество является локальным (т.е. его власть распространяется на строго ограниченную территорию); его почитают только члены кровнородственной (или псевдородственной) общины, которая имеет потенциальную возможность расширяться только до размеров населения страны (в связи с этим в деятельности тэнно ослаблен такой присущий всем мировым религиям мотив, как императивное приобщение «неверных» к «истинной» религии). Кроме того, божество-ками не является вселагим.

Сакрализация тэнно происходила в значительной степени за счет минимизации его публичных и физиологических функций (соответствовало китайской концепции недеяния — увий), что выводило его за пределы «зрения» подданных, за пределы шкалы этических оценок. Это была своего рода неподсудность, но она достигалась не столько за счет того, что никакое действие тэнно не подлежит суду, а за счет того, что он (в пределе) не производил никаких произвольных действий, которые могли бы быть оценены. Одной из основных характеристик тэнно было пребывание в сакральном центре (столице, дворце), т.е. его пространственный статус оставался неизменным. В этом центре он осуществлял по преимуществу речевую функцию. Тэнно участвовал в ритуалах, в некоторых из них он был основным исполнителем, но число соучастников ритуала в лучшем случае ограничивалось высшим чиновничеством.

Процесс выведения тэнно за пределы возможной критики хорошо виден на примере такой важнейшей категории, как «добродетельность» (яп. току, кит. дэ). Если в указах VIII в. (особенно первой его половины) сетования на недостаток добродетельности являются общим местом (т.е. сам тэнно ставит себя в поле возможных критических оценок), то с течением времени количество сообщений, в которых обсуждается току правителя, сокращается. Это связано с тем, что

³ Токоро Исао. Нэнго-но рэкиси. Токио, 1992, с. 11.

тэнно стал выводиться из того этического поля, где была возможна его критика, поскольку стало ясно, что вся китайская политическо-историософская система «мандата Неба», основным содержанием которой является объяснение причин смены неправедной (утерявшей току) династии, в корне противоречит местной установке на преемственность, провоцирует социальное напряжение.

Усекновение публичных функций тэнно было настолько радикальным, что мы не имеем практически никаких данных для реконструкции народных представлений о тэнно (в суждениях узкого слоя аристократов такие возможности, хотя и весьма ограниченные, обнаруживаются). «Нежелание» и невозможность культуры обсуждать личности тэнно и давать им оценки чувствуется и в настоящее время. «Дзинбущу сосё» («Собрание рассказов о выдающихся людях») – аналог отечественной серии «Жизнь замечательных людей» – насчитывает в настоящее время более двухсот томов. И только два из них посвящены тэнно. Причем оба они повествуют о правителях глубокой древности – Дзито (690–697) и Камму (781–806). В таком подходе, безусловно, сказывается и минимизация функций тэнно, делающего их принципиально малоподходящим объектом для жизнеописаний.

«Действенные», обладающие огромными распорядительными полномочиями режимы сёгунатов (Минamoto, Асикага, Токугава) рушились, а «бездейственная» императорская династия, несмотря на кардинальные изменения, произошедшие в политическом устройстве Японии после «Обновления Мэйдзи» и после со-крупшительного поражения во Второй мировой войне, не прервалась, институт упразднен не был (можно сказать, что такая возможность и не обсуждалась сколько-то широко), а само положение тэнно фактически не претерпело принципиальных изменений по сравнению с древностью и Средневековьем – он по-прежнему остается фигурой глубоко семиотически значимой, и нынешняя конституция страны определяет его в качестве символа страны и народа, сохраняя и реализуя «склеивающие» социальные потенции тэнно.

Главные тексты японской цивилизации

Важнейшие для японской цивилизации тексты являются продуктом трех традиций: синто, буддизма и конфуцианства. В реальности эти традиции сосуществовали по преимуществу в виде единого комплекса, мало расчлененного на составные части. Дело в том, что эти учения обслуживали разные сферы жизни государства, общества и индивида. И хотя временами представители этих трех учений вступали в полемику, ее острота далеко уступает аналогичным дискуссиям в Китае или же Европе, и ни одно из указанных учений не достигло в Японии окончательного превосходства и самодостаточности: попадая в различные ситуации, «средний» японец попадал в семиотическое поле разных учений и вытекающих из них ритуалов и практик.

В Японии фактически отсутствовало понятие о религиозной ортодоксии, ни за одним из религиозных учений не было закреплено статуса «единственно верного». Та или иная школа могла пользоваться большей популярностью при дворе императора или сёгуна, но другие школы запрещению или же преследованию, как правило, не подлежали. Ситуация меняется только в период Мэйдзи, когда в связи формированием официальной националистической идеологии на основе синто было предпринято «отделение синто от буддизма», сопровождавшееся разрушением буддийских храмов и статуй.

Государственный синтоистский миф, зафиксированный в «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.), вел рассказ о начале мира, о становлении государства и о происхождении правящей династии. Возводя происхождение правящего рода к богине солнца Аматэрасу, он был основным средством легитимизации императорской власти. Аристократические роды также считали себя потомками синтоистских божеств. На основе мифов составлялись генеalogические списки, задачей которых было обоснование жившейся социальной структуры. Таким образом, синтоистские тексты предоставляли культуре язык описания для далекого и сверхдалекого прошлого времени, акцентировали идею преемственности.

Концепция синто о неразрывной связи времен явилась одной из важнейших для японской цивилизации. Главной единицей времени в ней является «поколение» (сначала божеств, а потом и императоров). При этом поколение осмысливается не как разделяющая, а как соединяющая единица. Императорам принято присваивать порядковый номер, который вводит каждого из них в недискретную последовательность. Примат аристократизма, наследственности любых занятий вообще сделался отличительной особенностью японской культуры и стиля исторического существования этноса. Средневековые мыслители (например, Китабатакэ Тикафуса) выделяли Японию из других стран именно по признаку непрерывности ее государственного времени, утверждая, что, в отличие от Китая, Кореи и Индии, только в Японии правящая династия не знала перерыва. В связи с этим история Японии представляет собой пример эволюционного, а не революционного типа развития. Изменения там имеют шанс на успех только тогда, когда они «маскируются» под традицию. Так, собственно говоря, и произошло во время «Реставрации (Обновления) Мэйдзи», когда революционные по своей сути преобразования проходили под лозунгом восстановления власти императора.

Несмотря на то, что синто (по сравнению с буддизмом и конфуцианством) является продуктом «незрелых» общественных и мыслительных отношений, он не был поглощен ни идейно, ни организационно. Более того: после «Обновления Мэйдзи» правящие круги страны сумели использовать синто в качестве основы официальной идеологии, превратив его в государственную религию, главным жрецом кото-

рой оставался император. Именно синто, его мифы и ритуалы, в центре которых стоял император, сыграли в это время роль основного инструмента по конструированию японской нации.

В то же самое время следует иметь в виду, что установки синто на преемственность подкреплялись китайскими по своему происхождению концептами, связанными с важностью исторического precedента. Так, в частности, идея летописания и ее текстовое оформление происходили под прямым материальным влиянием. Китайский исторический и квазисторический материал служил для японских мыслителей неисчерпаемым резервуаром, из которого они черпали примеры для подтверждения своих построений и обоснования тех или иных поступков.

Что касается собственно настоящего времени, то здесь доминировал язык описания, выработанный конфуцианством (мы употребляем термин «конфуцианство» не столько для обозначения учения самого Конфуция, сколько для весьма синкретичной идеологической и этической системы, которая сложилась при значительном участии даосизма и других философских учений китайского происхождения). Особенно активно понятийный аппарат конфуцианства стал использоваться государством начиная с VIII в., когда были созданы государственные школы чиновников в столице и в провинциях, где основу обучения составляли классические произведения конфуцианского канона. Конфуцианство моделировало государство и общество по принципу семейных отношений, придавало им жесткую иерархичность, актуализировало проблему долга, с помощью ритуалов и церемоний вырабатывало нормативное поведение (в особенности это касается чиновничества). Китайский литературный язык, осмыслившийся как носитель конфуцианских ценностей, на многие века сделался «государственным языком» — в том смысле, что почти вся официальная документация велась именно на китайском. Влияние конфуцианства на устройство государственной жизни в разные периоды бывало разным, но не подлежит сомнению, что законодательство, чиновничий аппарат, этические отношения в Японии испытывали его постоянное влияние. Особенно значительное распространение этические нормы конфуцианства (неоконфуцианства) получили при сёгунате Токугава.

В то же самое время необходимо отметить, что усвоение конфуцианства было выборочным. Так, главная идея китайской историософии — «манад Неба», в соответствии с которой правящая династия с неизбежностью растрачивает имевшийся у нее вначале запас добродетельности-дэ (яп. току) и подлежит смене, после некоторого периода колебаний была

в Японии отвергнута. То есть конфуцианству все-таки не удалось преодолеть абсолютную установку синто на преемственность.

Будущее время осмыслилось прежде всего с помощью буддийского понятийного аппарата. Ни синто, ни конфуцианство не делают специального акцента на эсхатологии и будущем времени. Буддизм, который получает распространение в Японии с середины VI в., понапачалу широко привлекался для строительства государственной идеологии в качестве объединяющего начала, противопоставляемого до определенной степени локальным культурам синто. Пик «государственного буддизма» приходится на середину VIII в. Однако уже с конца VIII в. его роль в этом отношении ослабевает, поскольку аристократия после попытки государственного переворота, предпринятого в 60-х годах этого века монахом Докё, стала видеть в буддизме угрозу своему наследственному положению.

С основанием сёгуната Камакура (Минamoto) в конце XII в. роль буддизма в государственной идеологии снова возрастает, и Дзэн-буддизм вплоть до основания сёгуната Токугава становится религией военного сословия самураев (буси).

Несмотря на различную роль буддизма в разные периоды японской истории, его влияние на определение посмертной судьбы отдельного человека ощущалось постоянно. Концепции рая и ада, посмертного воздаяния разрабатывались в Японии почти исключительно буддийским духовенством (особенно велика была в этом отношении роль школ амидаизма). Недаром буддийский погребальный ритуал (кремация) вытеснил синтоистский (погребение в земле) практически полностью.

Важнейшую роль в японской культуре играли поэтические тексты, которые обладали чрезвычайно высоким статусом. Считалось, что первое стихотворение в форме танка было сочинено богом Сусаноо еще в мифические времена. В Средневековые поэтические антологии (всего их насчитывается 21) составлялись по императорскому указу⁴, при государственном дворе проводились поэтические турниры⁵. Умение сочинять стихи было непременным условием воспитания аристократов. Многие императоры прославились как поэты. Считается, что император Мэйдзи за свою жизнь сочинил более 100 тысяч (!) танка⁶. Хотя это утверждение можно считать за некоторое преувеличение, весьма показательно, что оно касается именно поэзии — превращенной формой речи богов.

В Средневековые широчайшее распространение получил также жанр хайку, который считался более «простонародным» и демократическим.

⁴ На русский язык переведены две из них: «Кокинвакасю» («Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии», перев. А.А. Долина. СПб., «Гиперион», 2001) и «Синкокинсю» («Синкокинсю. Японская поэтическая антология в двух томах», перев. И.А. Борониной. М., «Coral Club International», 2000).

⁵ Утаавасэ. Поэтические турниры в средневековой Японии. Перев. И.А. Борониной. СПб., «Гиперион», 1998. Диалоги японских поэтов о временах тода и любви. Поэтический турнир, проведенный в годы Кампэ (889–898) во дворце императрицы. Перевод А.Н. Мещерякова. М., «Наталис», 2002.

⁶ Keene Donald. Emperor of Japan. Meiji and His World, 1852–1912. Columbia University Press, New York, 2002, p. XII.

Японская поэзия посвящена двум главным темам: любви (танка) и природе (танка и хайку). Любовная тематика восходит в конечном итоге к культу плодородия, моделирует креативные потенции синтоистских божеств⁷. Природный цикл берет свое начало в сельскохозяйственной обрядности и культе плодородия. Вместе с тем мы имеем дело уже с превращенными, эстетизированными формами, где доминирует эстетика печали и расставания, совершенно не свойственная для народных культов.

Как в любовном, так и в природном суперциклах особый акцент делается на идее изменчивости и преходящести. Главным способом показа явления было рассмотрение его изменений во времени. Идеальным объектом для такого рода эстетики является растительный мир (фиксированное место в пространстве и циклический процесс расцвета и увядания растения). При этом основное внимание уделяется увяданию. Сочинитель же в идеале должен быть неподвижен (в особенности это справедливо для сочинителя танка), он—наблюдатель, внимательно следящий за тем, как «истирается о время» и изменяется окружающий его природный мир.

Поэтика расставания и увядания до сих пор является ведущей даже в произведениях массовой японской культуры (эстрада, кино, литература и пр.). Она явлена, в частности, в том «повышенном» внимании, которое уделяют ее творцы темам несчастной любви, болезням своих героев, которые столь часто изображаются на больничной койке на пороге смерти. Задача писателя—«изолировать» героя (поместить его в больницу, ящик, камеру, пещеру, яму, скрыть лицо маской), поставить его в ситуацию, когда он находится наедине с самим собой и способен без всяких помех предаться размышлению и воспоминаниям. Малая пространственная активность персонажей японской прозы приводит к тому, что она лишена (на европейский вкус) фигуры полноценного «героя», основным параметром которого является двигательная активность.

Японская поэзия характеризуется также своеобразным методом порождения. Оно должно быть спонтанным, обычно—устным, часто—коллективным (обмен стихами между влюблеными, поэтические турниры, стихотворная переписка, сессии сочинителей хайку), что накладывает отпечаток и на прозу, характеризующуюся, в частности, ослабленным сюжетом. Кисть японских прозаиков очень часто «бежала» впереди «продуманной» мысли (см., в частности, эссеистический жанр дзуйхицу—«вслед за кистью»). То есть к традиционной прозе также в полной мере применима характеристика «бесчерновиковости».

Практика и эстетика малого

Ограниченностъ мира, в котором реально обитали все японцы и каждый из них в отдельности, привела к тому, что их достижения, признанные

всем миром, связаны прежде всего с малыми формами (включая и продукты современного научно-технического прогресса), требующими точного глязомера, умения оперировать в малом пространстве, приводить его в высокоупорядоченное состояние. Легкость, с которой японцы овладели цивилизационными достижениями Запада, обусловлена, среди прочего, и тем, что процедура тотального измерения (с которой, начиная с Нового времени, Запад связал свое экономическое и бытовое благополучие) была освоена японцами очень давно иочно, что, в частности, находит свое выражение в крайне разработанной шкале измерений с удивительно малой для «донаучного общества» ценой деления. Известный всему миру перфекционизм японцев рождает, в частности, давнее и воплощенное в каждойдневной деятельности стремление к точности измерения.

Высокая плотность населения, теснота проживания способствуют формированию специфического взгляда на мир, весьма отичного от того, которым обладают «равнинные» этносы, которым природные условия позволяют расселяться более вольготно. Общая тенденция к миниатюризации (которая прослеживается во всех областях жизнедеятельности, начиная от поэтических форм и кончая искусством выращивания карликовых растений—«бонсай») отмечается многими исследователями японской культуры. Современные технические и дизайнерские решения вряд ли нуждаются в дополнительном комментировании. Увлечение масштабным было свойственно японцам лишь на ранней стадии становления государственности (гигантские погребальные курганы, буддийский храм Тодайдзи в Нара—крупнейшее в мире деревянное сооружение с самой большой в мире бронзовой статуей, и т.д.), после чего все более заметной становится тенденция к миниатюризации. И даже японский эпос, стадиально склонный, как известно нам из других традиций, к гипертрофированному изображению событий, не демонстрирует в Японии особой страсти к сильным преувеличениям.

Если характеризовать японскую культуру через зрительный код, то ее можно назвать «близорукой» (в отличие от «дальнозоркости» равнинных народов, в частности, русских): она лучше видит, а человек, ей принадлежащий, лучше осваивает ближнее, околоселесное пространство. Одежда, дом, сад—вот что обустраивали японцы. Что же касается освоения пространства дальнего, то здесь эти культуры меняются местами. Японская культура как бы всегда смотрит «под ноги», и стратегическое мышление, мышление абстрактное, философское, взгляд на мир «сверху», освоение дальних пространств и просторов (как практическими, так и символическими методами) никогда не были сильными сторонами японцев. Японское культурное пространство—это скорее пространство «свертывающееся», нежели имеющее тен-

⁷ Подр. см.: Мещеряков А.Н. Любовный код раннеяпонской культуры. // Невербальное поле культуры. Тело, вещь, ритуал. М., РИТУ, 1996, с. 5–9.

денцию к расширению. Поэтика первопроходцев, пионеров была, в общем и целом, японской культуре чужда.

Свое законченное и даже «экстремистское» выражение минималистские подходы находят в «эстетике невидимого», согласно которой основные смыслы заключены не в явленном, а в скрытом. Это касается и поэзии, где слова—лишь намек на общую картину, и прозы (крайний пример—глава «Сокрытие в облаках» в «Повести о Гэндзи», где полностью отсутствует текст, который должен описывать смерть главного героя). Подобные построения, где «интервал» или же «белос пятно» является необходимым условием построения произведения, характерны для японской музыки («пауза важнее самого звука») и живописи (признаком «правильного» изображения объекта считается его частичная репрезентация). Такие произведения превращают зрителя в со-творца.

Может показаться, что такая «пустотность» или же «разреженность» текста является следствием буддийской концепции пустоты (шуньята), в которой по определению уже содержится все богатство феноменального мира. Но это не совсем так, хотя здесь в результате не обошлось без привлечения буддийского понятийного аппарата. Истоки такого подхода, видимо, имеет смысл искать в «иконографии» синто—там наиболее важные для поклонения объекты должны быть скрыты от взоров и глаза. Именно так поступали древние японцы (протояпонцы) в период Яёй с бронзовыми культовыми колоколами-дотаку (они постоянно находились в земле) и с хранящимися в святилищах символами божества («синтай»—«тело божества»)—будучи положены в специальный ящилик, они находятся за дверцами алтаря и могут никогда не предъявляться верующим (записаны случаи, когда сами жрецы не знают, какой святыне они поклоняются). В случае ритуальной необходимости синтай (точно так же, как и «живого бога»—императора) помещали в закрытый паланкин и переносили на нужное место. Поражающая всех иностранцев разработанность японской «оберточной культуры» (тщательнейшее скрытие подарка под многослойными покровами из бумаги и материи) произрастает из того же корня.

Далеко не случайно поэтому, что спорадические попытки японцев к пространственной экспансии всегда заканчивались неудачами. Крупнейший стратегический провал ждал Японию и при вступлении ее во Вторую мировую войну, когда было принято фатальное решение о нападении на Пёрл-Харбор. И это в то время, когда японская армия прочно увязла в необъятном Китае. И дело здесь не в природной «глупости» руководства страны, а в его буквальном смысле этого слова «недальновидности», то есть культурно обусловленной неспособности оперировать невиданными до сих пор геополитическими масштабами.

Личность

В японской культуре отсутствует тенденция, которая столь ярко проявлена в европейской культуре—тенденция к самообожествлению человека. Человек не считается ни венцом творения, ни мерой всех вещей. Подавляющее большинство школ японского буддизма разделяют убеждение, что природа Будды наличествует в каждом человеке, животном и даже растении. Только при таком подходе могли появиться предания о деревьях, которые достигли состояния Будды. Таким образом, граница между миром людей и остальным миром, между природным и человеческим, между одушевленным и неодушевленным не является столь непроницаемой, как на Западе. Здесь видно влияние не только буддизма, но и синто с его политеизмом. Камо Мабути, ведущий идеолог синто, писал в 1765 г.: «Другая дурная привычка китайцев заключается в том, что они отделяют человека от животных, превознося человека и презирая остальное... Разве не все существа, обитающие между Небом и Землею, ничтожны? Почему только человек должен считаться сокровищем? Что в человеке особенного?»

Для японского типа личности характерна очень высокая степень рефлексии. Однако самоанализ направлен не столько на осуществление собственных желаний, сколько на то, чтобы подавить их и более адекватно вписаться в социальную структуру, занять свое функциональное место в групповой иерархии. Человек оценивается прежде всего не по успеху, а по тому, как он исполняет свою социальную роль (в семье, общине, профессиональной группе, государстве)—норма, закрепленная и терминологически оформленная под влиянием конфуцианства. То есть человек в значительной степени оценивается не с точки зрения результата, а с точки зрения степени вовлеченности в процесс.

Однако не раз подмеченная исследователями склонность к групповому поведению отнюдь не означает нивелирования личности и ее «примитивизации», о чем свидетельствует, в частности, весь корпус японской литературы. Скрupулезная разработка тончайших душевных движений видна по крайней мере с периода Хэйан. Европа этого времени не знает адекватных аналогов произведениям Мурасаки Сикибу («Повесть о Гэндзи», «Дневник»), Сэй-сёнагон («Записки у изголовья»), Кэнко-хоси («Записки от скучки») или безымянного автора «Путаницы» («Торикаэбая моногатари»). Одним из ярчайших проявлений тенденции к объективированию внутреннего мира является существенный литературный пласт поджанра «я-повествования» (ватауси сёсэцу), который в повествовании от первого лица во главу угла ставит исследование внутреннего мира автора (поздним аналогом этого типа литературы на Западе становится литература «потока сознания»). Современная массовая литература тоже в целом подтверждает склонность героя не к действиям, а к самоанализу.

Сиба Дзэнко (текст)
Китао Масанобу (иллюстрации)

Вкус подливы к блюдам домашнего приготовления Нарезанная редька, или Тысяча рук Канон

Японское литературоведение часто обозначает многие произведения периода Эдо как «несерьезные, развлекательные» (гэсаку). И это не лишено оснований: для авторов, писавших на потребу горожан, и вправду «не было ничего святого»—они высмеивали и богов и героев. Они шутили по-всякому—невинно, тонко, грубо, скабрезно, переворачивая с ног на голову знаменитые литературные произведения, старые легенды, высмеивали всех и вся. Писателям помогали в этом художники. В результате получалось нечто, походящее на русский лубок или международный комикс.

Предлагаемый читателям рассказ с витиеватым названием «Вкус подливы к блюдам домашнего приготовления. Нарезанная редька, или Тысяча рук Каннон» был издан в 1785 году. Автор текста—Сиба Дзэнко (Ямamoto Тодзюро, 1750–1793), художник—Китао Масанобу (1761–1816), известный также как писатель Санто Кёдэн.

Каннон (китайская Гуан-инь, бодхисаттва Авалокитешвара) почитается в Японии как женское божество, она всемилосердна и приходит на помощь всем страждущим. Чтобы успеть выполнить любую просьбу, у Каннона имеется целая тысяча рук. Это ее качество и использует засин рассказа: попав в затруднительное материальное положение, Каннон решает за небольшие деньги сдавать напрокат свои многочисленные руки. Страждущим—помощь, а ей—доход.

Все герои рассказа хотят взять напрокат руки Тысячерукой Каннон. Для того, чтобы читателю был понятен ход повествования, расскажем, кто есть кто.

Один из самых известных храмов, где почитают тысячерукую Каннон,—храм Киёмидзу-дэра в Киото. По преданию, его построил Саканоуэ-но Тамурарамо в 798 году.

Саканоуэ-но Тамурарамо (или Тамура Мару, 758–811)—воин, известный в истории своими походами на эдо (предков айнов), и герой многочисленных легенд. Одним из подвигов Саканоуэ-но Тамурарамо считается его победа над чертями (они) в горах Судзука провинции Исэ. Согласно легенде, Каннон помогала герою, что называется, изо всех сил, то есть всеми своими тысячью руками. Он выпускал из лука одну стрелу, а во врагов летела тысяча, каждый его удар множился в тысячу раз.

Чертей в японские средневековье «водилось» немало. Кроме Саканоуэ-но Тамурарамо, с ними бились и другие воины. Так, в нашей легенде фигурирует черт Ибараки, которому воин Цуна отсек руку. Они повстречались в Киото. Ибараки мгновенно превратился в женщину, но не смог обмануть этим опытного воина. Цуна схватил черта за узел на макушке и отсек ему руку. Отсутствие руки тяготит черта, и он старается во что бы то ни стало вернуть себе ее.

Перед смертью потерял руку и Тайра-но Таданори (1144–1184), знаменитый воин, бывшийся за свой клан в войне против рода Минамото. Таданори погиб в решающей битве войны Гэмпэй (войны Минамото и Тайра). «Повесть о доме Тайра» («Хэйкэ моногатари», XIII в.) рассказывает о смерти воина в поединке с Окабэ Тададзуми (Рокуята). Удача была на стороне Таданори, и он готов был уже отрубить голову Рокуята, но на помощь Рокуята подоспел его слуга и отсек Таданори правую руку. Перед смертью Таданори молился. Он был известным поэтом, сочинявшим японские стихотворения вака, его стихотворения имеются в антологиях, известен и его личный сборник. Считается, что стихотворение, помещенное в антологии «Сэндзай вакасю» («Собрание японских стихотворений за тысячу лет», 1187 или 1188) под номером 66 с пометкой «автор неизвестен», на самом деле принадлежит Тайра-но Таданори, оно начинается традиционной для вака пятисложной строкой «сасаномия»—«подернутый рябью».

Рядом с историческими и легендарными героями в рассказе встречаются и простые горожане. Кто откажется от лишних рук в хозяйстве? Конечно, никто. Руки нужны всем: и красильщику, и повару, и уличному торговцу, и куртизанке.

Вот такой компот. Или (по словам автора рассказа)—вот такая подлива к блюдам домашнего приготовления.

Перевод выполнен по изданиям:

Кибёси нидзюго сю. Токио, «Кобунся», 1926, с.139–150.

Кибёсисю, сярэбонсю. Токио, «Иванами сётэн», 1958, с. 107–114. // Нихон котэн бунгаку тайкэй, 59.

Хоть это и бодхисаттва, что зовется Тысячерукой Каннон, да только и у нее случились неприятности. Попав в затруднительное положение, она соблаговолила задешево одолжить свою тысячу рук. Ростовщик по имени Цура-но Кавая Сэмбэ произвел подсчет: каждая милосердная рука пойдет за один рё. Раздобыв сумму в тысячу рё, он тут же заплатил за все руки сразу, сказав Каннон:

— Со всем нашим уважением. Вот деньги за одолженные вами руки.

Каннон:

— Только бы три первых прижигания выдержать! Дальше уже не так больно будет. Но если даже какие-то руки вам не понравятся — договор остается в силе!

Помощник Сэмбэ:

— Вот здесь — очень трудно резать.

Руки падают одна за другой: шлеп, шлеп, шлеп...

Каннон:

— Ну, вот и все.

А вот и ящичек с деньгами за руки — тысяча рё.

Услышав, что тысяча рук дается напрокат, первым пришел правитель Сацумы — Таданори, за ним черт Ибараки Додзи, кукловоды из театра марионеток, «безрукие» женщины, не умеющие угодить клиенту, калека Масамунэ¹, неграмотные, обучающиеся игре на сямисэне, и прочие, кому без рук никак невозможно. Желая взять руки напрокат, люди высоких рангов и простолюдины валили толпой.

Помощник ростовщика по имени Тэрэмэнтэйбэ всех записывал в тетрадь.

Сэмбэ:

— За руки со счастливыми линиями на ладонях будем брать в десять раз дороже!

¹ Окадзаки Горо Масамунэ — знаменитый мастер по изготовлению мечей конца периода Камакура (XIII–XIV вв.), согласно преданию, его сын был калекой.

Слово

ИНСТРУКЦИЯ

Расценки

- На час—32 медяка
- На сутки—3 серебряных монетки
- На месяц—2 золотых
- На год—10 золотых

Правила пользования

- Не разрешается применять находящиеся в вашем пользовании руки Тысячерукой Каннон для того, чтобы давить вшей.
- Категорически запрещается использовать для рукобудия.

Руки не будут приниматься назад, в том случае, если пальцы на них будут отрублены в качестве доказательства любовной верности².

Использовать только в соответствии с вышеприведенными правилами.

Дата

Печать

Прокатная компания «Ваши чистые руки»

Несчастные руки стали похожи на маринованные редьки.

Калека:

— Я вас попрошу, если у вас появятся ноги...

Таданори:

— Я хотел бы остаться неизвестным.

Рука высокла и упала. Кому? Хоть и жалко ее, все равно отдам.

Почти что детская считалка получилась: то, что высохло и упало — кому? Ему? Пусть и жалкое — кому?

Черт Ибараки хоть и обзавелся рукой, да только без волос, и она ему не годилась. Вот он и попросил Ёкити из района Канда, чтобы тот ему руку шерстью покрыл.

Ёкити:

— Кабанья щетина уже вся разошлась, так что рука у тебя будет с оленьей опушкой. Когда изогнется, знай — кабаны водятся на горе Атаго, а за оленем отправляйся на гору Касуга.

Жена Ёкити:

— Господину Ибараки это совсем не интересно, совсем не интересно.

Ибараки:

— А у вас самой такая шерсть, будто на вас только что вулкан Асама извергся³.

Ёкити:

— Нет, у моей женушки волосы моими стараниями выросли⁴.

² Обычай отрубать мизинец и отдавать возлюбленному в знак любви существовал в «веселых» кварталах.

³ Гора Асама (центральный Хонсю, преф. Нагано) — действующий вулкан, сильное его извержение произошло в 1783 году.

⁴ Согласно преданию, жена Ёкити страдала облысением.

У Таданори не было правой руки. В лавке ростовщика он так волновался, так радовался! И только вернувшись к себе, он сообразил, что взял себе левую руку. Конечно, написать стихотворение «Подернутый рябью...» можно и левой... Рассердившись на самого себя, он отправился к ростовщику за правой рукой, но правых уже не осталось. «Все пропало!» — подумал Таданори. Попробовал он писать левой рукой — какая-то мазня получилась. Ему бы, как то положено, к зпаду повернуться, да только он прямо здесь молиться Будде стал: «Наму Амида бущу... Наму Амида бущу...»

Таданори:

— Позор мне! Вот теперь и напишут: автор неизвестен... Да и кто знает, должно быть, моя рука, отсеченная Рокуята, уже совсем засохла...

5.

«Безруким» куртизанкам руки пригодятся, чтобы околдовать гостя. Однако когда эти взятые напрочат руки идут в ход, время от времени приходится трудновато.

Куртизанка:

— Детка, будь внимательней к гостю, поворачивайся поскорее. Быстренько руки тащи! Эта служанка рукастая, да и в жизни понимает, как перворазрядная куртизанка, а когда безрукие, так и гостю таких жаль.

Служанка:

— Вот, принесла.

Клиент:

— Ой, какие страшные руки! А она сама на какого-то осьмикраяка похожа!

Слово

6.

Одолживший руку неграмотный парень чванится: теперь он может написать письмо или расписку. Но поскольку это рука бодхисаттвы, то и пишет она исключительно санскритские буквы, а какой от них толк? Но у скупердя голова по-своему варит, вот парень и смекнул: если вернуть ростовщику руку сейчас—себе в убыток будет. Вот он и поджег ногти на руке—рука у него свечой стала. Он тем и прославился, что первый придумал такую «руковую» свечу.

Чтобы в предложении попадались санскритские знаки, так, конечно, и теперь бывает, но можно ли написать целую бумагу на санскрите? Что за нелепость! Что за нелепость! Что за нелепость!

Рука:

—Мне горячо! Горячо!

Парень:

—Надоела!

7.

Тем временем черти, жившие в горах Судзука в провинции Исэ, изводили местных жителей. Государь повелел Тамура Мару усмирить их. Однако без тысячи рук Каннон никак не сделаешь, чтобы выпустить одну стрелу, а получилась бы тысяча. Вот Тамура Мару и пришел попросить себе рук.

Тамура Мару:

—Не одолжите ли рук по большой серебряной монете за штуку?

Каннон:

—Я все руки уже раздала, ни одной не осталось. Пожалуй, лучше заберу их обратно, тогда и возьмешь попользоваться.

8.

Каннон посоветовалась с Сэмбэ, и они решили забрать все руки обратно, а потом отдать их Тамура и подзаработать еще.

Сэмбэ проверяет руки. У руки, отданной женщине, не хватает мизинца; та, что вернули со скатым кулаком, вся в ранах от драки; ту, что отдали в соляную лавку — просолилась; одолженная красильщику — стала синей; взятая служанкой — пропиталась рассолом. У уличного торговца сладостями рука стала липкая; у повара — вся в ожогах; а одолженная тому, кто толчет рис, — в водярях.

Сэмбэ:

—У этой руки указательный и средний пальцы пахнут как-то странно. Видно, парень не совсем понял Инструкцию.

9.

Каннон:

—Ну, так что, господин Тамура, все вышло хорошо, и вы победили чертей, так что я жду возвращения взятых вами напрокат тысячи рук к тому времени, когда колокол пробьет полночь.

Тамура:

—Не извольте беспокоиться! Я завершил великое дело и возвращаю все тысячу рук и всю сумму.

Каннон:

—Кто бы мог подумать, господин Тамура!

Каннон и Тамура:

—Займемся подсчетами.

Одна, две, три, четыре, пять...

Каннон:

—А испорченные руки отправим теперь на починку будде Якуси⁵.

Перевод Марии Торопыгиной

⁵ Будда Якуси почитается в Японии прежде всего как врачеватель различных недугов.

Десять вопросов о России, которые не требуют ответа

Что уж там говорить—за исключением нескольких отдельных чудаков-русофилов, непонятно почему са-моотверженно и трогательно влюбленных в Россию, японцы не особенно нас жалуют. Тут и влияние хо-лодной войны оказывается, и всякие исторические передряги. В принципе, им есть за что нас не любить—одни сибирские военнопленные чего стоят... Опять же—проблема «северных территорий». Сло-жившийся у японцев образ России можно предельно емко описать четырьмя словами: «тоой—самуй—ку-рай—абунай» (далекая, холодная, темная, опасная).

«Они не любят Россию, просто потому что ничего не знают о ней!»—с жаром утверждают японские ру-софилы. Так ли это? Давайте попробуем отыскать истину. Для этого я составила список из наиболее часто задаваемых японцами вопросов о России, обобщив свой личный опыт жизни в Японии. Вот 10 основных вопросов, которые россиянин чаще всего услышит при встрече с японцем.

1. В России очень холодно, не так ли?

«Росия ва самуй дэс-нэээ?!»—это то, что в ста случаях из ста вы прежде всего услышите из уст японца при первом же упоминании о России. Вопрос-заклинание. То, с чего неизбежно начинается (и на чем порой сра-зу же и заканчивается) любой разговор японца с рус-ским. Своего рода пароль. «Я из России».—«В России очень холодно, не так ли?» Дальше разговор можно уже не продолжать, но о том, что в России очень холодно, упомянуть следует обязательно. Это правило без исключений.

2. Не правда ли, Россия находится очень далеко отсюда?

Если продолжение разговора все же состоится, то данный вопрос неизбежно станет вторым. Так же, как и на первый, вашим ответом тут должно стать мно-гозначительное: «Да, конечно—вы правы, это действи-тельно так».

3. В России есть смена времен года?

Невероятно, но факт: этот вопрос я слышала в Японии столь часто, что каждый раз это наводило меня на глубокие раздумья о качестве преподавания географии в японских школах (впрочем, то, что мои сомнения не лишены оснований, еще будет подтверж-дено ниже). Услышав этот вопрос впервые, я с удив-

лением поинтересовалась: «А почему, собственно, вы думаете, что у нас их нет?!» На что мне было сказано: «Ну, по телевизору всегда показывают, что у вас там зима, снег, мрачно—такой вот образ. А что, лето у вас тоже бывает?» Потом я перестала удивляться...

4. Вы, русские, любите выпить?

Милая непосредственность, с которой обычно зада-ется этот вопрос, ставит в тупик! Вне зависимости от ответа (моим в таких случаях всегда было уклончивое: «Ну, это кто как...»), далее неизбежно следует:

5. А водку как—каждый день пьете?

Еще более тупиковая ситуация! Вот это уже просто пат, удар ниже пояса... Ну, что тут ответишь? Почти как знаменитый вопрос Карлсона домомучительнице: «Ты уже бросила пить коньяк по утрам—отвечай, да или нет!» Лично меня данный вопрос приводил в та-кое замешательство, что я терялась окончательно. «Да нет, в общем... Не каждый... Ну, то есть... не совсем каждый...»,—смузенно лепетала я, не пьющая ничего крепче вина, что, видимо, втайне лишь укрепляло их подозрения. «Стесняется девка—каждый день, поди, закладывает»,—наверное, думали они про себя (то есть про меня)...

6. А все русские такие крупные и высокие (как ты)?

«В России я считаюсь маленькой! И на физкультуре всегда предпоследней стояла!»—чуть ли не плакала я поначалу от обиды, будучи сраженной откровенной нетактичностью. Потом, правда, я все же убедила себя в том, что быть большой вовсе не обидно—все отно-сительно. Но с каким же облегчением, вернувшись в Россию, я надела свои любимые туфли на каблуках, с удовлетворением отметив, что даже при этом все вокруг остаются выше меня ростом!

7. Вы ведь дома обувь не снимаете, конечно?

Почему-то все японцы убеждены, что в мире только им присущ обычай снимать обувь при входе в дом. Поэтому то, что я тоже разувалась, заходя в помеще-ние, японцы приписывали исключительно благотвор-ному влиянию японской культуры. «Но в России-то, конечно, вы прямо в сапогах по дому ходите—а вот у нас культура. Японцы любят чистоту!»—с заметной гордостью и удовлетворением добавляли они при этом.

8. Вы едите мороженое зимой, потому что вам жарко?

«Нет, потому что вкусно!»—отвечала я. Откуда такой вопрос? Потом, правда, сообразила, что тут, очевидно, оказывается влияние антисоветской пропаганды времен холодной войны, когда у них по телевизору показывали сюжеты о русских, стоящих зимой в очереди у киоска с мороженым.

9. Как часто вы ездите путешествовать по БАМу?

Наша Байкало-Амурская магистраль (вы еще помните о ее существовании?) для каждого японца имеет выраженный романтический оттенок: они думают, что путешествия по ней—это одно из самых любимых и увлекательных развлечений для каждого русского. «Это же так здорово—ехать на поезде через бескрайние просторы, когда за окном сменяются пейзажи, народы...» Утопия по-японски.

10. А у вас все умеют плясать «казачка»?

Не сразу поняв, что под этим имеется в виду, я сначала даже и не знала, что ответить. Потом выяснилось, что под этим подразумевается пляска «в присядку»—наверное, сказалось влияние гастролей наших танцевальных ансамблей в Японии. Почему-то мне никто не верил, когда я говорила, что сама я так не умею и что у нас дома и на дискотеках никто так не пляшет.

Подытоживая вышеизложенное, вырисовывается следующий образ русского в глазах японца: где-то в далекой, холодной стране, где круглый год зима,

кто-то здоровенный днями напролет пьет водку, закусывая мороженым, и плачет в присядку, не снимая валенок, а когда становится грустно, то покупает билет и едет кататься по БАМу.

Все это—базовый набор стереотипов, на котором, к сожалению, в большинстве своем и исчерпывается знание японцев о нашей стране. Однако, помимо упомянутых выше десяти основных вопросов, иногда можно услышать и более экзотические, типа:

—Где в Сибири Лебединое озеро?

—Как обстоят дела на русско-бразильской границе?

—В Москве много гор? Что, неужели совсем ни одной горы??!!..

—Что еще написал Толстой, кроме «Фауста»?

—Какой город является столицей России?

Не хочу возводить напраслину на нашего многоуважаемого соседа, утверждая, что последние несколько вопросов относятся к числу «наиболее часто задаваемых»—это не так. Тем не менее, то, что эти вопросы действительно были заданы,—реальный факт, так же, как фактом является и то, что некоторые из них мне доводилось слышать из уст студентов университетов и людей с высшим образованием.

М-да... Что тут скажешь? Итог весьма неутешителен. Действительно, они нас не знают. Обычно, когда получше узнают, то их отношение к русским часто меняется в лучшую сторону. Когда я уезжала из Японии, то одними из самых приятных слов, услышанных мной на прощание, были: «Благодаря знакомству с тобой, у меня изменился образ России». Так может, просто надо дать им возможность узнать о России побольше? Вопрос риторический...

Окончание со стр. 41

Вместе с тем необходимо отметить, что в японской литературе конфликт между интересами личности и группы занимает одно из центральных мест. При этом нормативным выходом из этой ситуации является сознательный, отрефлексированный выбор в пользу группы, символическим заменителем которой часто служит ее лидер (глава семьи, соседского или профессионального объединения, государства).

Согласно синто, каждый человек (при условии наличия у него детей) получает со своей смертью статус «предка» и становится объектом поклонения. Решительный акцент, поставленный японским буддизмом на возможности достичь просветления «в этом теле», в значительной степени объясняется именно этой установкой синто.

В связи с этим следует заметить, что влияние синто на все области духовной жизни остается, на наш взгляд, недооцененным. Это объясняется тем, что текстовая деятельность протекала в Японии преимущественно в терминологических и орга-

низационных рамках буддизма и конфуцианства. Тем не менее, основные установки синто, даже и не облеченные в письменную форму (синто не является религией с упором на письменные тексты, а традиция в значительной степени передается устно), сыграли чрезвычайно существенную роль в деле формирования и развития японской культуры. Следует особо выделить ритуальный комплекс синто, передаваемый во времени и пространстве либо без посредничества письменного текста, либо с его минимальным участием. В своем «телесном» измерении ритуал представляет собой строго фиксированную последовательность действий, жестов, поз и дискурса. Озабоченность верной передачей ритуала сказалась на повседневном поведении японцев, для которого свойствена высокая степень церемониальности, формализованности и упорядоченности. При попадании в ситуацию, в которой поведение, то есть строгая последовательность действий, не было определено (известно) заранее, такой тип личности оказывается зачастую беспомощным.

Алексей Горбылев

ИВА НА ВЕТРУ: традиция дзюдзюцу Ёсин-рю

В середине XVII столетия в портовом городе Нагасаки жил-был врач, специалист в лечении детских болезней, по имени Акияма Сиробэй. Желая углубить свои познания в китайской медицине, он отправился в Срединное царство, где провел несколько лет, перенимая опыт у местных знатоков.

В Китае Акияма довелось изучать не только медицину, но и боевые приемы. По одним сведениям, он изучал «безоружные удары» (кит. *байдо*; яп. *хакуда*) у мастера по имени Бо Чжуань, по другим—учился болевым приемам и методам реанимации у некоего У Гуана. Надо сказать, в источниках, воспроизведящих легенду о мастере Акияма, в этом отношении нет единства. Так, в одних текстах «У Гуань» трактуется как имя человека, а в других—как название места, где учился Акияма (возможно, имеется в виду крупный китайский город Ухань), а вообще это слово записано иероглифами, означающими буквально «весенний чиновник». Наконец, согласно «Записям о великой сущности дзюдзюцу школы Тэндзин синъё-рю» (XIX в.), основатель Акияма учился в Китае не боевому искусству под названием «хакуда», а у некоего мастера по имени «Хаку Да».

Как бы то ни было, вернувшись на родину, врач основал частную школу боевого искусства и начал преподавать изученные в Китае приемы. Видимо, они существенно отличались от японских (возможно, в китайской технике преобладали удары, тогда как в японском рукопашном бое того времени доминировали борцовские приемы), и школа врача привлекла к себе внимание. Но уже вскоре начался отток учеников. Дело в том, что арсенал новоиспеченного «мастера» был чрезвычайно скучным—он якобы узнал в Поднебесной только 3 боевых приема да 28 методов реанимации и лечения травм. Вскоре почти все ученики отвернулись от Акияма, и школу пришлось закрыть.

Раздосадованный мастер удалился в знаменитый синтоистский храм Дадзайбу Тэмман-гу в провинции Тикудзэн (ныне префектура Фукуока), чтобы пораздумать о будущем и хорошенько помолиться в течение ста дней.

Как-то зимним днем Акияма вышел в храмовый сад. Накануне выпал обильный снег, и многие деревья лишились веток, поломавшихся под тяжестью навалившегося на них снега. И только ивы стояли как ни в чем не бывало—тяжелые комья снега просто соскальзывали с их упругих ветвей. Наблюдая за тем, как они гнутся под белыми грудами, сбрасывают их с себя и вновь выпрямляются, мастер пережил озарение и открыл основополагающий принцип своей системы: противостоять силе силой бесполезно и губительно, нужно уклоняться от атаки, перенаправлять силу противника и использовать ее себе на пользу.

На основе этого принципа, давшего название новой школе—«Ёсин-рю», или «Школа ивового сознания», Акияма разработал целых 300 новых приемов борьбы, и теперь у него не было отбоя от учеников, жаждавших познать все 303 приема мастера. Из их числа вышли многочисленные мастера борьбы. Они разнесли учение об «ивовом сознании», сделав традицию Ёсин-рю магистральным направлением дзюдзюцу, с образом которого в массовом сознании стало ассоциироваться все это искусство...

Детективная история XVII века

С тех пор как в конце еще прошлого века основатель дзюдо Кано Дзигоро поведал легенду о докторе Акияма, ее пересказывали на самых разных языках мира бесконечное количество раз. Трудно найти такую публикацию об истории дзюдзюцу, где она не была бы воспроизведена с теми или иными подробностями. Так легенда о ветке ивы, сбрасывающей с себя комья снега, приобрела в западной литературе столь большое значение, что Акияма Сиробэй стали приписывать уже не только основание школы Ёсин-рю, но и всего дзюдзюцу...

И удивительная вещь: старательно пересказав историю мытарств и поисков мастера борьбы из Нагасаки, авторы пересказов, как один, на том и заканчивают, даже не пытаясь проанализировать легенду на предмет ее историчности и правдоподобности, воспринимая ее то ли как достоверный исторический факт, то ли как сказку—метафору... По крайней мере, мне встретилась только одна работа, в которой автор отважился на это предприятие—книга Фудзивара Рёдзо «Какутоги-но рэкиси» («История рукопашного боя». Токио, 1990).

Уже первые строки его анализа предания об Акияма делают понятным, почему авторы публикаций об истории дзюдзюцу избегают разговора на эту тему: даты жизни мастера неизвестны, происхождение неясно, разные источники совершенно по-разному излагают его «творческую» биографию и дают разные варианты его личного имени: Ёсино, Ёсимаса, Норисигэ, Ёситоки (обычно ука-

зывают именно это имя). Впору усомниться, а был ли вообще этот «Акияма Сиробэй Ёситоки»? Или все это всего лишь выдумка?

Нет! Акияма Сиробэй – реальный исторический персонаж. Об этом несомненно свидетельствуют подписанные им собственноручно мастерские сертификаты-инкадзё. Они же говорят и о другом: по всей вероятности, Акияма не был единственным создателем Ёсин-рю. Дело в том, что все инкадзё с его подписью имеют и второй автограф – наставника Оэ Сэмбэя. Этот Сэмбэй в Ёсин-рю почитается как второй патриарх, но на деле, похоже, его было бы правильнее считать соавтором врата из Нагасаки. Во всяком случае, мастерских сертификатов, подписанных одним Акияма, до настоящего дня не обнаружено.

Самый ранний сертификат датирован 1671 г. Это позволяет предполагать, что Акияма Сиробэй и Оэ Сэмбэй жили в период правления Иэцуна, четвертого сёгуна династии Токугава (1651–1680). А значит, и рождение Ёсин-рю логично датировать серединой или третьей четвертью XVII в.

Это предположение подтверждают «Генеалогические схемы наставников» княжества Хосокава, занимавшего часть провинции Хиго, и «История будо провинции Хиго» (XIX в.).

В «Схемах» сообщается, что Сиробэй был «вассалом Мацудайра Аки-но ками». Такое имя-титул в период с 1627 по 1673 г. носил Асано Дзисю Мицуакира (1617–1693), сын Асано Тадзимано ками Нагаакира (1586–1693), хозяина замка Хиросима в провинции Аки, и Фури-химэ, третьей дочери Токугава Иэясу, основателя сёгуната Токугава.

«История» же называет Оэ Сэмбэй «вассалом Доки Иё-но ками» – Доки Ёрисигэ (1641–1722), получившего титул «Иё-но ками» («Губернатор провинции Иё») в 1667 г. При этом самый ранний из имеющихся сертификат Ёсин-рю, подписанный одним Оэ Сэмбэй, датирован 1683 г.

Исходя из этих данных, можно предположить, что Акияма Сиробэй умер около 1680 г. Если он прожил лет семьдесят, что было вполне реально для того мирного времени, тем более для мастера борьбы и врача в одном лице, то появиться на свет основатель Ёсин-рю должен был около 1610 г. А Оэ Сэмбэй был, видимо, лет на двадцать моложе.

Знакомясь с такими историческими выкладками, не перестаешь удивляться тому, сколь плохо документирована жизнь основателя крупнейшей школы боевого искусства. Историки вынуждены проделывать прямо-таки головоломные вычисления, чтобы получить хотя бы приблизительные даты его жизни. И это при том, что речь идет о далеко не последнем человеке своего времени, оставил яркий след в весьма почтенной истории боевых искусств и жившем в мирное время расцвета сёгуната Токугава! Не повинен ли сам Акияма в этой фактологической скучности? Не запутывал ли он нарочно свои следы?

Подтверждение этой догадке мы находим в «Иллюстрированном учебнике по школам Ёсин-рю и Ямато-рю». «Учебник» сообщает, что Акияма Сиробэй бежал от преследований сёгуната Токугава и в 1632 г. укрылся в княжестве Омуре в провинции Хидзэн (ныне г. Омуре в префектуре Нагасаки).

Если сопоставить все факты, то ранний период биографии Сиробэй можно реконструировать так: около 1610 г. он поступил

на службу к Мацудайра Аки-но ками, потом попал в опалу, бежал в провинцию Хидзэн в княжество Омуре, став ронином, и поселился в Нагасаки, где начал работать врачом-педиатром – специалистом по традиционной китайской медицине.

Чтобы докопаться до правды, Фудзива Рёдзо тщательно изучил историю семьи Акияма из провинции Аки и нашел-таки зацепку, которая, возможно, позволяет раскрыть загадку происхождения основателя Ёсин-рю дзюдзюцу.

Родоначальником фамилии Акияма считается Таро Мицутомо. Первоначально эта семья жила в сёёне Акияма в уезде Кома провинции Кай и служила знаменитому самурайскому дому Такэда. Во времена Смуты годов Сёку (1221 г.) глава одной из ветвей дома Гэндзи из провинции Кай по имени Такэда Горо Нобумицу своими успешными действиями против сторонников императорского двора заслужил благосклонность сиккэна Ходзё Ёситоки и был назначен военным губернатором провинции Аки. Вместе с ним в Аки отправились и братья Акияма.

Акияма Хоки-но ками Нобутомо, прославленный военачальник на службе Такэда Сингэн, был потомком основателя рода Акияма Таро Мицутомо в 19-м колене. Защищая границу владений дома Такэда, он на протяжении длительного времени оказывал сопротивление отрядам Ода Нобунага, но в конце концов был схвачен врагами и в 20-й день 11-й луны 1575 г. обезглавлен на берегу реки Нагара.

Фрагмент из макимоно Ёсин-рю

Младший брат Нобутомо, Акияма Синто (ум. в 1585 г.), после гибели дома Такэда, стал вассалом Токугава Иэясу, который завладел его родной провинцией Кай. Видимо, он опасался мести и заблаговременно, вскоре после поражения Такэда, услая свое семейство — сына Тораясу (ум. в 1602 г.), внука Масахида (ум. в 1623 г.) и внучку Отому (ум. в 1591 г.) — к дальним родственникам в захолустную деревню Акияма в уезде Кацуиска провинции Симоса, где они тайно поселились в тростниковой хижине. Однако Иэясу вполне в духе тогдашних обычаях потребовал от Синто прислать внуков в Эдо в качестве заложников. Делать нечего — Синто немедля послал в Акияма гонца и отправил Масахида и Отому в замок своего нового господина. Там их судьба сложилась отнюдь не худшим образом — юноша и девушка произвели такое благоприятное впечатление, что Иэясу назначил Масахида своим личным слугой с жалованием в целых 1000 коку риса (1 коку — около 150 кг), а Отому взяла в наложницы — говорят, она была необычайная красавица.

Отому родила Иэясу его третью дочь Фури-химэ и его пятого сына Нобуси. Фури-химэ, когда выросла, была отдана замуж за хозяина замка Хиросима, Асано Тадзимано-ками Нагаакира, и родила ему сына — уже знакомого нам Мацувара Аки-но-ками Мицуакира.

Старший брат Отому, Масахида, безупречно служил двум первым сёгунам династии Токугава — Иэясу и Хидэтада. Это был талантливый человек, который смог подняться до поста высокорангового полицейского чиновника мэцукэ. У него было четверо сыновей. Старший, Масасигэ (1585-1640), талантами превосходил родителя и в 12-м месяце 1632 г. был назначен на тогда только учрежденную должность главного полицейского надзирателя омэнцука. Кроме того, он был пожалован пятым придворным рангом младшей ступени и титулом «Сиориносукэ», имел жалование в 4000 коку. О втором и третьем сыновьях

Масахида — Ядзэмон и Масасигэ (Сандзэмон) — почти ничего не известно. Но нас интересует, в первую очередь, четвертый — Ёсимаса (Таробэй).

Акияма Ёсимаса был личным слугой «старшего советника из Суруга» — сына второго сёгуна Токугава Таданага (1601-1632) — и вместе с ним жил в замке Сумпу. Казалось, карьера Ёсимаса обеспечена. Но все переменилось, когда в 24-й день 1-й луны 1632 г. умер Токугава Хидэтада, отец Таданага. Сторонники его преемника Иэмицу — старшего брата Таданага — были убеждены, что «старший советник из Суруга» готовит заговор, и сделали все возможное, чтобы принудить его в 6-й день 12-й луны совершить самоубийство. Над Акияма Ёсимаса нависла беда, но, похоже, он был готов к такому повороту событий: когда в замок Сумпу прибыл гонец с приказом о лишении Таданага его звания, Ёсимаса там уже не было... Он растаял, словно дым, не оставив ни малейшего следа... Наверняка кто-то заранее предупредил его о грядущих опасных переменах.

Кто предупредил Ёсимаса? Куда он скрылся? Какова была его дальнейшая судьба? Источники не дают ответа на эти вопросы. Но чтобы построить гипотезу, данных предостаточно.

Таинственным информатором, предупредившим Ёсимаса об опасности, вполне мог быть его старший брат Масасигэ, который пользовался большим влиянием в сёгунском аппарате и менее чем через год после гибели Таданага, как мы уже знаем, занял важный пост омэнцука.

Куда бежал Ёсимаса? Скорее всего, подальше от Эдо и карающего меча сёгуната. Уж не на самый ли запад Хонсю, в Хиросиму, к двоюродной сестре Фури-химэ?

И вот еще интересный факт. Источники именуют Ёсимаса «Таробэй», но это, скорее всего, ошибка. Ведь «Таробэй» — имя старшего сына, а Ёсимаса был четвертым, и ему, по обычаю, пришло бы именоваться «Сиоребэй».

Показательно, что старшие братья Ёсимаса — второй и третий сыновья Масахида — носили вполне обычные имена — Дзиродзэмон и Сандзэмон (Сабуродзэмон).

А сколько лет было этому Ёсимаса? Дата его рождения неизвестна, но его старший брат Масасигэ родился в 1585 г. С учетом этого, наверное, можно предположить, что Ёсимаса появился на свет около 1600 г., и во время отставки Таданага ему было около 32 лет.

В результате этих логических построений, мы получаем Акияма Сиоребэй Ёсимаса, высокопоставленного вассала Токугава Таданага, вынужденного совершившего самоубийство, приблизительно 1600 г. рождения, бежавшего в провинцию Аки под крыло к двоюродной сестре, принужденного скрываться от сёгунских властей. И между прочим, именно под таким полным именем — «Акияма Сиоребэй Ёсимаса» — и фигурирует основатель Ёсин-рю дзюдзюцу в «Свитке дистанции покоя школы Ёсин-рю», датированном 8-м месяцем 3-го года Тэнва (1683). Не одно ли это и то же лицо? Вполне возможно.

Если эта догадка верна, то события, скорее всего, разворачивались следующим образом. Когда Акияма Ёсимаса добрался до призамкового города Хиросима, местный правитель — супруг двоюродной сестры беглеца — назначил ему номинальное жалование как своему вассалу, но тут же — от греха подальше — велел покинуть город. В результате Ёсимаса вскоре оказался в княжестве Омурा в провинции Хидзэн, возможно, имея с собой рекомендательное письмо и некоторую сумму денег. Там он поселился в портовом городе Нагасаки, где зарабатывал на жизнь врачеванием детей и откуда, по преданию, отправился в Китай совершенствоватьсь в медицине. Правда, расчет этой поездки есть все основания сомневаться.

Чисто технически поездка в Поднебесную была вполне возможна — в то время в Нагасаки из Китая каждый год прибывало до 80 торговых кораблей. Другое дело — получить на путе-

шествие разрешение. Вот с этим были большие проблемы. Нагасаки-бугё—губернатор города—давал разрешения на выезд за границу в крайне редких, оговоренных инструкциями случаях—обычно, по делам государевой надобности, и «дело» беглого самурая в эту категорию явно не попадало. Известно, например, что в 1630 г. богатый фуцзянский купец Чэн Чжилу, в прошлом пират, а в то время—«главнокомандующий» и генерал-губернатор Фуцзяни, пожелал вывезти в Китай своего сына Дзириодзэмон, которого в бытность его в японском порту Хирадо родила ему дочь самурая Танака, но не смог это сделать, получив твердый отказ Нагасаки-бугё.

Да и зачем было Акияма ехать в Китай? В самом Нагасаки было полным-полно китайцев, через этот порт в Страну восходящего солнца въезжало подавляющее большинство иммигрантов из Поднебесной. Неслучайно как раз в 1630-е гг. в Нагасаки одновременно жили и проповедовали сразу три знаменитых чаньских монаха: Чжэньюнь, Цзяохай и Чаожань, которые основали в городе Три китайских монастыря—Кофукудзи, Фукусайдзи, Суфуку-дзи.

Среди нагасакских китайцев были и классные врачи. Среди них выделяют Ма Жуньюй, Дули Синь и Чэн Миндэ. Последний по месту своего жительства в районе Сакая держал частную медицинскую школу. Он был человеком весьма состоятельным и пользовался огромным уважением у китайской диаспоры. Неслучайно именно в его доме по приезде в Японию останавливались и Чжу Шуньшуй, который позднее стал наставником князя Токугава Мицукуни в конфуцианстве и заложил основу историографической и идеологической школы Мито, и знаменитый в истории японских боевых искусств Чэн Юаньбин (1587–1671), передавший кулачное искусство монастыря Шаолинь монахам и прихожанам храма Кокусёдзи в Эдо. При этом Чэн Миндэ имел вполне хорошие отношения с местными японцами

и после падения династии Мин (1644) даже принял японское имя Эгава Нютоку.

Таким образом, если педиатр Акияма Сиробэй желал усовершенствовать свои знания в китайской медицине, то он вполне мог сделать это прямо в Нагасаки, а не в далекой Поднебесной империи. И как тут не вспомнить сообщение «Секретного зерцала школы Ёсин-рю» о том, что Сиробэй основал свою школу дзюдзюцу, научившись кулачному бою от китайца Чэн Юаньбина (1587–1671)? Правда, согласно этому источнику, учился он якобы не в Нагасаки, а в монастыре Кокусёдзи в Эдо, где позднее жил Чэн.

А коли так, то становится непонятным, зачем этому человеку в возрасте за сорок потребовалось отправляться в полное опасностей плавание за море? В Срединное царство, которое как раз в то время трещало по всем швам? Более неудачного момента для академических штудий в Китае трудно было сыскать. В Японии было прекрасно известно о том, что в Поднебесной бушевала крестьянская война, с севера подступали маньчжуры, что в 1644 г. последний император минской династии покончил с собой. Трудно поверить, что Сиробэй в такой ситуации мог решиться нелегально покинуть родину, чтобы учиться медицине.

Сколько времени Акияма провел в Нагасаки, неизвестно, но через какое-то время он, видимо, переехал на новое место—в столицу княжества Курода Дадзайфу, ведь согласно преданию он затворился для молений не в самом почитаемом святилище Нагасаки Сува-дзиндзи, а в храме Тэммангу в городке Дадзайфу, который находится в другом уезде—Цукуса. Да и большинство учеников мастера происходили из близких к Дадзайфу княжеств Курода (префектура Фукуока) и Хосокава (Кумамото).

О дальнейшей судьбе сэнсэя Акияма можно сказать только, что он на протяжении ряда лет преподавал искусство рукопашнойхватки, более нам не известно ничего.

Оэ Сэмбэй: ученик или соавтор?

Большую, а возможно, даже главную роль в становлении Ёсин-рю сыграл второй патриарх школы Оэ Сэмбэй, с именем которого, как полагают, связана разработка техники поражения уязвимых точек.

Во «Введении» к наставлению «Способы убийства и реанимации школы Ёсин-рю» говорится: «Что касается происхождения способов убийства и реанимации, то говорят, что эти тончайшие знания были получены в эпоху Чжоу одним лишь Пянь Цяо, поэтому-то и точны эти методы лишь в традиции Пянь Цяо. Позднее, в эпоху Троцарствия, эту традицию получил некий вассал и военный чиновник правителя Вэй по имени Цао Цао и благодаря этому обрел великую славу, его традиция и была передана во всей полноте нашей стране. В то время в краю Хинодзэн (провинция Хидзэн) в mestечке Исаха жил человек по имени Ёсин Сэмбэй Ёситоки. Он любил кэмпо и искусство бросков и достиг чистейшего утонченной искусности... Получив свиток «Объяснение строения тела» (кит. «Дунши», яп. «Досяку»), переданный вэйским военным чиновником, некогда жившим в Нагасаки, он постиг его тончайшее содержание, назвал его «Свитком восьми добродетелей» и основал школу, которую назвал «Ёсин-рю».

В «Объяснении строения тела» были запечатлены уязвимые точки человеческого тела. Сэмбэй и его ученики провели глубокие исследования в этой области и значительно продвинулись вперед по сравнению со своими бывшими учителями. Они тщательно изучили и описали локализацию уязвимых точек, классифицировали их, присвоили японские названия и описали эффект воздействия. Все эти сведения были обобщены и зафиксированы в «Наставлении относительно “Объяснения строения тела”», которое стало главным секретом Ёсин-рю. Некоторые исследователи полагают, что теория «Наставления»—вершина японского искусства поражения уязвимых точек саппо.

Страница из копии «Наставления относительно «Объяснения строения тела» школы Кюсин ити-рю эпохи Мэйдзи

Обладать знаниями в этой специфической области боевого искусства мечтали многие бойцы. Дошедшие до наших дней наставления различных школ дзюдзюцу сохранили следы их экспериментов и изысканий. Неудивительно, что многие хотели проникнуть в сокровенные секреты Ёсин-рю и вступали в нее, но мастера свято хранили свои тайны. В одном из текстов родственной Ёсин-рю школы Хаяси-рю сообщается, что ни один из целой тысячи ее учеников не был удостоен посвящения в секреты «истинной традиции убийства и оживления». В результате применения такого экстремального режима секретности позднейшие наставления по дзюдзюцу, созданные в мирное время,

когда возможностей опробовать практически опасные приемы было немного, пестрят многочисленными ошибками. Предполагают даже, что некоторые наставники специально обманывали своих недостойных учеников, подсовывая им липовые сведения.

И все же лучшие из лучших удосконаливались благосклонности учителей, и секретное учение Ёсин-рю продолжало жить. Сначала оно было перенято мастерами дочерней школы Син-но синто-рю, от них попало в руки Исо Матаэмон, основателя школы Тэндин синъё-рю, а из Тэндин синъё-рю пришло в дзюдо Кодокан, но обо всем этом дальше.

Технический арсенал Ёсин-рю

Что же представляла собой школа Ёсин-рю, сотворенная усилиями Акияма Сиробэй и Оэ Сэмбэй? Наряду с приемами безоружного боя, в ее программу входили элементы фехтования палкой, коротким мечом, алебардой-нагината, связывания (ходзэдзюцу), метания лезвий, умерщвлания и реанимации воздействием на жизненно важные центры. Иными словами, школа Ёсин-рю представляла собой комплексное боевое искусство, что было характерно для школ будзюцу XVII в., основатели которых еще помнили о необходимости достаточно универсальной подготовки воина к участию в сражениях.

Согласно мокуроку—«каталогу знаний школы»—от 1683 г., обучение в Ёсин-рю разделялось на 9 ступеней (такая ступенчатая структура вполне традиционна для японских школ воинских искусств), проходя которые ученик должен

был изучить в общей сложности 91 прием (куда девались остальные из 303 якобы разработанных Акияма, неясно).

На первых трех ступенях изучались по 7 приемов, предназначенных для применения в стандартных ситуациях в положении сидя («Свиток приемов, применяемых сидя»—«Идори-но маки»), при движении навстречу противнику («Свиток приемов, применяемых при движении навстречу противнику»—«Юкиай-но маки») и в положении стоя («Свиток приемов, применяемых в положении стоя»—«Татиай-но маки»). Четвертая ступень именовалась «Свиток приемов, применяемых будучи прижатым к стене» («Кабэсоэ-но маки»), на ней изучалось также 7 приемов. На пятой ступени—«Свиток дистанции покоя» («Сэйкан-но маки», 7 «приемов»—беру здесь это слово в кавычки, потому что японцы считали не только собственно технические действия, направленные на поражение противника, а вообще единицы передаваемого знания)—начиналось обучение основам самозащиты при нападении с холодным оружием, давались базовые знания по постановке взгляда.

По всей видимости, первые пять ступеней образовывали базовый уровень подготовки, потому что на следующих ступенях преподавались уже секретные приемы и способы подготовки бойца. На шестой ступени—«Свиток осознания» («Какуго-но маки»)—преподавались приемы боя с палкой, в том числе со скрытым внутри клинком, основные способы использования взгляда, основы тактики—всего 18 «приемов».

Приемы Ёсин-рю

Удушающий прием Содз-гурума

Седьмая ступень называлась «Свиток скрытого и проявленного» («Гэммэй-но маки»). Дошедшего до нее ученика посвящали в 20 «приемов» иайдзюцу—внезапного выхватывания и применения для защиты и нападения меча, метания лезвий, некоторым секретным приемам боя без оружия, «полицейским» приемам удержания преступника вдвое.

Название восьмой ступени весьма символично—«Свиток о том, что выше облаков» («Ундзё-но маки»). На ней ученику передавали сведения о технике поражения 7 секретных жизненно важных точек и системе энергетических каналов, коллатералей и центров.

Завершала курс ступень «Свиток некоторого осознания» («Кокоромоти какуго-но маки») из 19 «приемов». На ней преподавались более совершенные и эффективные варианты ряда технических приемов, которые уже изучались на шестой ступени, и наиболее секретные элементы знания школы, связанные, в частности, с психотехникой.

Арсенал приемов рукопашного боя Ёсин-рю был богат: броски, болевые приемы, удары и тычки в уязвимые точки. «Фирменным блюдом» школы были изощренные, разработанные в мельчайших деталях удушающие приемы, в основном, с использованием одеяния противника. В них самым эффективным образом используются

особенности традиционного японского костюма. Часть удушающих приемов Ёсин-рю практически без изменений вошла в арсенал современного дзюдо.

Развитие Ёсин-рю и школа Син-но синто-рю

Школа Ёсин-рю пользовалась очень большой популярностью, и постепенно от нее стали отпочковываться дочерние школы: Исэй дзитоку тэнсин-рю, Симмё саккацу-рю, Курама ёсин-рю, Синто ёсин-рю, Сайхо-ин Бун-рю и другие, большинство из которых пустили корни на Кюсю.

Из школ, вышедших из Ёсин-рю, наиболее известна Син-но синто-рю—«Школа истинного божественного пути», основанная в XVIII в. Ямamoto Тамидаэмон Хидэхая, который служил «стражником» (досин) в замке Осака. Достигнув высокого уровня в овладении «Школой ивового сознания», Ямamoto постепенно начал модернизировать технику и разрабатывать собственную систему.

В «Свитке высшей ступени» Ямamoto Тамидаэмон писал: «Если кто-то прибегает к насилию, тот, против кого он выступает, отвечает ему тем же. Какая же в этом польза? На воинском пути, в воинском искусстве боец постоянно изменяется, в зависимости от действий противника. Наблюдая за тем, как колышутся на ветру ветви ивы, я обрел состояние гармонии (ва) и добродетели (току) и великой просветленности (дайго) и потому назвал свою школу «Син-но синто-рю»—«Школа истинного божественного пути». Гармония—сад добродетели, боевое искусство—бог-защитник доброде-

Болевой прием Удэ-сики из арсенала Син-но синто-рю в варианте Тэндзин синъё-рю

тели, в боевом искусстве заключена чудесность (мё), а посему последующие поколения должны почитать его и хранить втайне».

Мастер разделил свою школу на 3 уровня: сёдан—«начальная ступень», тюдан—«средняя ступень»—и дэдан—«высшая ступень», а общее число «приемов» сократил до 68. Показательно изменение арсенала оружия: на смену алебарде и короткому мечу Ёсин-рю пришли боевая цепь фундо-кусари и кистень титирики—по предназначению полицейское, а не военное оружие.

Лучшим из учеников наставника Ямamoto был Хомма Дзёemon Масато, который отправился в Эдо и прославил Син-но синто-рю на востоке страны, где он приобрел

Болевой прием Хидари муна-дори из арсенала Син-но синто-рю в варианте Тэндзин синъё-рю

множество учеников, самым знаменитым из которых стал Исо Матаэммон Масатари, основатель Тэндзин синъё-рю, которую можно считать вершиной в развитии традиции «Школы ивового сознания».

Исо Матаэммон – основатель Тэндзин синъё-рю

Исо Матаэммон Масатари (боевой псевдоним «Рюкансай»—«Мудрец с Ивой заставы») родился в мелкоточке Мацуздака в провинции Исэ (ныне префектура Миэ) в семье низкорангового самурая Окаяма, вассала князя Кисю. В детстве и юности он звался Окаяма Хатиродзи Масатари, а свое более известное имя «Исо Матаэммон Масатари» получил уже в зрелом возрасте.

Масатари с детства увлекся воинскими искусствами и в возрасте всего лишь 15 лет отправился в Эдо, чтобы найти себе достойного учителя. Там он поступил в ученики к Хитоцуянаги Орибе Ёсимити, «старейшине» княжества Хитоцуянаги, который славился как непревзойденный мастер Ёсин-рю дзюдзюцу. Под присмотром Хитоцуянаги Масатари прозанимался шесть или семь лет вплоть до смерти наставника.

После этого печального события, увлеченный дзюдзюцу молодой человек, который считал себя все еще недостаточно умелым, стал учеником знакомого нам мастера Син-но синто-рю Хомма Дзёэмон Масато. Прозанимавшись у него еще шесть лет, Масатари постиг все секреты Син-но синто-рю и получил соответствующий сертификат.

После этого, чтобы усовершенствовать свое мастерство, он отправился в «воинское странствие» (муся сюгё), во время которого участвовал в нескольких состязаниях с другими мастерами дзюдзюцу и, как утверждает предание школы, не потерпел ни одного поражения.

В период муся сюгё Масатари два или три года прожил в мелкоточке Кусацу в провинции Оми (ныне префектура Сига), где преподавал дзюдзюцу. В это время

с ним произошел знаменитый случай, когда, вступившись за одного знакомого, ему на пару с одним единственным учеником Нисимура Токиносукэ пришлось схватиться с целой бандой разбойников, которая насчитывала якобы более сотни бойцов. В битве Масатари уложил голыми руками около сорока человек, причем достиг в схватке озарения, и ему открылась эффективность в бою с многочисленными противниками атэми—ударов в уязвимые точки человеческого тела, что и позволило ему выжить. С тех пор атэми стали «визитной карточкой» школы Тэндзин синъё-рю.

С этого времени Масатари посвятил себя исследованию техники ударов различными частями тела и поражения кюсё—уязвимых точек. Потребовалось несколько лет, чтобы достичь в этом серьезных результатов. Накопленные знания нашли применение во многих приемах новой системы дзюдзюцу, наряду с различными вариантами болевых и удушающих приемов и бросков.

В период исканий Масатари затворился для молений и раздумий в храме Китано Тэммангу в Киото. Там он, как утверждает предание школы, как и его выдающиеся предшественники Акияма Сиробэй и Ямamoto Хидэхая, пережил озарение, наблюдая за ветвями ивы, колышущимися на ветру. Так святилище Китано Тэммангу стало местом рождения новой школы дзюдзюцу, получившей официальное название «Ёсин-рю Син-но синто-рю горю Тэндзин синъё-рю»—«Истинная ивовая школа, полученная от Небесного божества, соединившая школы Ёсин-рю и Син-но синто-рю».

Слово «тэндзин» в названии «Тэндзин синъё-рю» буквально означает «небесное божество». Оно указывает, с одной стороны, на мистический опыт просветления Масатари, а с другой на то, что знание боевого искусства было даровано ему богом Тэндзин (обожествленный поэт и ученик Сугавара-но Митидзанэ, 845–903 гг.), которому молился мастер.

Вторая часть названия—«синъё»—составлена из иероглифов, входящих в названия тех двух школ дзюдзюцу, которые послужили основой для Тэндзин синъё-рю: иероглиф «син»—«истинный»—пришел из Син-но синто-рю, а «ива» (каваянаги)—«ива»—из Ёсин-рю.

Вернувшись в Эдо, Масатари открыл в районе Канда О-тама-га икэ додзё, где стал обучать всех желающих. Оно разместилось через дорогу от знаменитого фехтовального зала «Гэмбукан», где преподавал знаменитый мастер меча Тиба Сюсаку, основатель Хокусин Итто-рю. Исо и Тиба на протяжении многих лет поддерживали самые теплые дружеские отношения и даже обменивались опытом и приемами. Так, основатель Тэндзин синъё-рю научил фехтовальщика подсечке, которую Сюсаку и его ученики ловко использовали против своих противников в ситуациях цубадзэрий, когда фехтовальщики, скрестив мечи у самых гард, сходились в клинче в ближнем бою. Со своей стороны создатель Хокусин Итто-рю поделился с другом некоторыми тонкостями фехтовального искусства, которые были учтены в тех приемах, в которых представитель дзюдзюцу противостоял оппоненту, вооруженному длинным или коротким мечом.

Зал Исо пользовался огромной популярностью, и, согласно записям школы, обучение в нем при жизни основателя прошли более 5 тысяч человек. По всей видимости, Тэндзин синъё-рю по числу последователей была абсолютным лидером среди всех школ дзюдзюцу конца эпохи Токугава.

В период своих странствий Масатари носил имя «Курияма Матаэммон». Но в 1828 г. его усыновил низкоранговый самурай на службе сёгуна Исо Монкити. Войдя в семью Исо и став ее главой в 1842 г., основатель Тэндзин синъё-рю приобрел свое самое известное имя Исо Матаэммон Рюкансай Минамото-но Масатари.

Умер он в 15-й день 7-й луны 1863 г. от болезни и был похоронен в монастыре Рёгэн-дзи в токийском районе Асакуса.

Структура и особенности Тэндзин синъё-рю

Стандартная программа Тэндзин синъё-рю насчитывает 124 технических приема. В основном это приемы безоружного боя с отдельными элементами фехтования длинным (одати) и коротким (ко-дати) мечами и полицейской дубинкой дзиттэ. Некоторые авторитеты в истории будо утверждают, что Тэндзин синъё-рю включала в себя также искусство фехтования (кэндзицу) и технику связывания (ходзёдзицу), однако следы этих разделов нигде не обнаруживаются. Таким образом, в целом эту школу можно охарактеризовать как систему самозащиты без оружия, что было весьма характерно для конца эпохи Токугава, когда масштабные военные действия были редки, и боевые искусства, предназначавшиеся ранее для подготовки воинов к сражениям, постепенно трансформировались в системы самозащиты, когда в будзюцу на-метилась узкая специализация.

124 приема Тэндзин синъё-рю оформлены в виде стандартных парных комбинаций—ката. Таким образом, в этой школе, как и в других старинных школах будзюцу, главным методом тренировки является тренировка в ката (ката гэйко). Внешне ката гэйко выглядит как многократное повторение приемов нападения и защиты, однако система ката основательно продумана и структурирована в соответствии со специфической, присущей данной школе теорией совершенствования мастерства. Ее цель—помочь ученику понять важнейшие принципы (риай) рукопашной схватки и приобрести необходимые двигательные навыки.

В Тэндзин синъё-рю все ката начинаются с характерных выкриков торими (ученика, выполняющего прием) и укэми (ученика, против которого прием применяется). Используется мощный, пронзительный вопль, который производится с динамичным сдавливанием воздуха в животе. Выкрик имеет два назначения: во-первых, торими сигнализирует о том, что готов к началу выполнения ката, а укэми сооб-

щает, что готов начать выполнение атаки; во-вторых, крик позволяет ученику «наполниться ки» (ки-о митасу), то есть подготовиться физиологически и психологически к предстоящей «схватке».

Одним из главных девизов Тэндзин синъё-рю является «си-ки-рёку гоину фудзи-но мё»—«чудесность единства-нераздельности воли-си, жизненной энергии-ки и физической силы-рёку». Эта школа дзюдзюцу делает акцент на правильном использовании жизненной энергии, которая называется ки. Большое внимание уделяется концентрации ки в нижней части живота—сайка тандэн—в начале исполнения ката. Для этого в базовой позиции ученик, стоя на полусогнутых ногах, держит руки перед низом живота одна близ другой так, что пальцы смотрят друг на друга. Считается, что это способствует концентрации ки в сайка тандэн.

Последователь школы должен научиться читать намерения противника и определять его цель путем наблюдения за его действиями. Он не должен приближаться к противнику или атаковать его, не имея ясной цели, не должен применять приемы механически, исходя из того, что они автоматически будут эффективны. Тщательное наблюдение и самое пристальное внимание ко всем деталям являются важнейшими качествами тренировки воина.

Торими может работать и «от обороны», но чаще сам атакует укэми, действуя в соответствии с принципом «кобо итти»—«атака и защита едины». При этом, согласно доктрине школы, торими не является агрессором и не инициирует конфликт, потому что действует без всякой агрессивности, лишь откликаясь на враждебное намерение противника.

Почти все приемы включают элементы атэми, хотя для постороннего наблюдателя они могут быть и незаметны. Кроме того, во многих приемах используются нажимы на чувствительные точки противника для причинения ему боли или получения преимущества при подготовке следующей атаки.

Ката Тэндзин синъё-рю составляют 9 разделов. Эти разделы распределяются по 4 этапам обучения. По их прохождении наставник вручает ученику соответствующие сертификаты, по которым и называются этапы обучения. Для этого ученик должен тренироваться в течение установленного периода и достичь соответствующего уровня мастерства во владении техникой изучаемых разделов.

Помимо 9 стандартных разделов, лучшие из лучших, претендующие на звание наставника, имеют возможность изучить еще 3, которые не считаются частями стандартной программы: Гокудэн—«Пять устных наставлений», Рандори-хо—«Приемы для вольной схватки»— и Каппо—«Техника реанимации» пострадавшего, находящегося в состоянии ложной смерти. Распределение разделов по этапам обучения с указанием количества изучаемых приемов отражено в Таблице 1.

«Сёдэн мэндзё»—«Диплом о получении начальной передачи»

На этапе «Сёдэн мэндзё» ученики должны освоить 3 первых раздела программы школы: «Тэходоки», «Сёдан идори» и «Сёдан татиай».

«Тэходоки», или «Начала»,—это основа основ Тэндзин синъё-рю, базовая техника, на которой строятся все остальные приемы школы. Всего их 12, 7 приемов позаимствованы из Син-но синто-рю, а 5 разработаны основателем школы Исо Матаэмон.

В «Тэходоки» заключены все основные технические элементы и показаны принципы, которые реализуются во всех других ката школы. В сущности, все приемы более высоких разделов представляют собой вариации 12 базовых, предназначенные для применения в разных условиях и из разных позиций. «Начала» выступают средством базовой тренировки и одновременно являются тем источником, к которому ученик должен постоянно возвращаться в процессе своего совершенствования.

Когда «Начала» освоены, ученик приступает к изучению 10 ката

Сила

Таблица 1

Этап обучения	Раздел программы	Количество приемов
Сёдан мэндэй—«Диплом о получении начальной передачи»	Тэходоки—«Начала» (базовые, элементарные технические действия)	12 приемов
	Сёдан идори—«Приемы начальной ступени в положении сидя»	10 приемов
	Сёдан татиай—«Приемы начальной ступени в положении стоя»	10 приемов
Тюдэн мэндэй—«Диплом о получении средней передачи»	Тюдан идори—«Приемы средней ступени в положении сидя»	14 приемов
	Тюдан татиай—«Приемы средней ступени в положении стоя»	14 приемов
Мокуроку—«Каталог»	Нагэсүтэ—«Отбрасывания»	20 приемов
Мэнкэй—«Сертификат»	Снай ура—«Контрприемы для состязательной схватки»	24 приема
	Гокуи дзёдан татиай—«Приемы высшей ступени наивысшего содержания в положении стоя»	10 приемов
	Гокуи дзёдан идори—«Приемы высшей ступени наивысшего содержания в положении сидя»	10 приемов
Мэнкэй кайдэн—«Сертификат о полной передаче школы»	Гокудэн—«пять устных наставлений»	
	Рандори-хо—«приемы для вольной схватки»	
	Каппо—«техника реанимации»	

раздела «Сёдан идори» («Приемы начальной ступени в положении сидя») и 10 ката «Сёдан татиай» («Приемы начальной ступени в положении стоя»). Они включают ряд приемов защиты, освобождений от захватов и бросков, применяемых в ситуациях, когда противник нападает захватом, ударом руки или ноги или броском. Все приемы этих разделов взяты из арсеналов Ёсин-рю и Син-но синто-рю.

Ката уровня сёдан выглядят и выполняются несколько ритуализированно, это еще не реальные боевые приемы, а подводящие к ним упражнения. Их предназначение—привить надлежащую культуру движения, заложить фундамент правильной техники,

на котором будут воздвигнуты приемы более высокого уровня, научить ученика правильному использованию усилия (оно должно быть достаточным, но не чрезмерным), поставить дыхание.

Для освоения 32 приемов «Тэходоки», «Сёдан идори» и «Сёдан татиай» требуется около двух лет регулярных занятий. Тот, кто успешно проходит этот курс, удостаивается первого сертификата Тэндин синъё-рю—«Сёдан мэндэй», или «Диплом о получении начальной передачи», который представляет собой киригами мэндэй—сложенный вдвое лист (а не свиток) японской бумаги с перечислением изученных технических действий. Обладатель «Сёдан мэндэй» получает право продолжить обучение на следующем этапе.

«Тюдэн мэндэй—«Диплом о получении средней передачи»

«Средняя передача» включает 2 раздела: «Тюдан идори» («Приемы средней ступени в положении сидя») и «Тюдан татиай» («Приемы средней ступени в положении стоя»), каждый из которых насчитывает по 14 приемов, пришедших в арсенал Тэндин синъё-рю из Син-но синто-рю.

Прием Удэ-тарами из раздела «Нагэсүтэ»

На этом этапе изучаются уже более прикладные и реалистичные приемы, но акцент при обучении делается все-таки на выработку культуры движения и совершенствование технического мастерства.

Когда ученик овладевает на высоком уровне техникой «Тюдан идори» и «Тюдан татиай», на что обычно требуется пять-шесть лет регулярных тренировок, наставник вручает ему «Тюдэн мэндэй—«Диплом о получении средней передачи», также имеющий форму киригами мэндэй.

«Мокуроку—«Каталог»

На третьем этапе ученик изучает только один раздел техники — «Нагэсүтэ». Это название происходит от глагола «нагэсүтэрү»—«отбрасывать (от себя)», «выбрасывать». «Нагэсүтэ» включает 20 приемов, разработанных лично Исо Матаэмон Масатари.

Эта серия характеризуется высокой прикладностью. Приемы очень реалистичны и эффективны. Они рассчитаны на применение в бою с несколькими противниками.

Овладение разделом «Нагэсүтэ» знаменует прохождение фундаментального курса обучения, рассчитанного приблизительно на десять лет упорных тренировок, и открывает дорогу к изучению самой высококлассной мастерской

техники. Об этом свидетельствует тот факт, что по прохождении раздела «Нагэсүтэ» ученику вручают первый сертификат в форме макимоно—традиционного свитка. Он называется «Мокуроку», то есть «Каталог», содержащий перечень изученных учеником технических приемов, генеалогию школы, в которую вписано его имя. Свиток обязательно датируется и скрепляется печатью наставника.

«Мэнкё»—«Сертификат»

Венчает стандартную программу обучения этап «Мэнкё». На нем изучаются 3 раздела: «Сиай ура» из 24 приемов, «Гоку дзёдан татиай» («Приемы высшей ступени наивысшего содержания в положении стоя») из 10 приемов и «Гоку дзёдан идори» («Приемы высшей ступени наивысшего содержания в положении сидя») из 10 приемов. Приемы этапа «Мэнкё» частично почерпнуты из арсеналов Ёсин-рю и Син-но синто-рю, а частично разработаны Исо Масатари.

Технику раздела «Сиай ура» охарактеризовать довольно сложно. «Сиай» означает «состязание», «матч». Соответственно, приемы этого раздела предназначены не только для тренировки (и тем более не для применения в спортивном поединке), но и для использования в реальном бою. «Ура» буквально означает «обратный», «противоположный» или «внутренний». Соответственно, «Сиай ура» составляют по преимуществу казси-вадза—контрприемы, предназначенные для срыва приемов, проводимых противником, или для контратаки. Однако некоторые из них представляют собой упреждающие действия типа сэн-но сэн («упреждающая инициатива»), которые применяются в том случае, если бойцу удастся «прочитать» намерения противника и провести контрприем в момент начала его движения или даже еще до того, как прием оппонента начнет материализоваться. Такой подход очень характерен для классических японских будзюцу, потому что именно такая подготовка обеспечивает высшую эффективность в реальном бою.

Бросок рётэ-дори из раздела «Нагэсүтэ»

На этапе «Мэнкё», в отличие от предыдущих, сначала изучаются приемы в стойке (раздел татиай, 10 приемов), а уже потом в положении сидя (идори, 10 приемов). Практически все приемы этих разделов относятся к типу сэн-но сэн, требуют от ученика тончайшего умения распознавать намерения, время и характер атаки противника и владения изощренными методами прорыва обороны врага.

Когда ученик освоит технику этого этапа в достаточной степени, наставник вручит ему сертификат «Мэнкё» в виде свитка. Считается, что обладатель «Мэнкё» является вполне компетентным специалистом по школе. В настоящее время для достижения такого уровня требуется около пятнадцати лет регулярных занятий при условии, что ученик имеет возможность заниматься непосредственно у сихана—мастера-наставника.

«Мэнкё кайдэн»—«Сертификат о полной передаче школы»

Самые старшие ученики, претендующие на право преподавать школу, изучают в дополнение «технику реанимации» каппо, «приемы для вольной схватки» рандори-хо и получают «пять устных наставлений» гокудэн, которые составляют содержание высшего этапа обучения Тэндзин синъё-рю «Мэнкё кайдэн»—«Сертификат о полной передаче учения» школы.

Раздел «Рандори-хо» включает многие приемы, предназначенные для применения в вольных состязательных схватках, имеющие аналоги в дзюдо: подсечку в колено, бросок через плечо захватом одной руки, бросок через бедро, отхват, подхват под две ноги и др. Содержание этого раздела убедительно свидетельствует, что уже к середине XIX столетия в дзюдзюцу утвердились спортивные соревнования по правилам, запрещавшим применение травматичных и опасных приемов—ударов в уязвимые точки, болевых на пальцы и т. д.

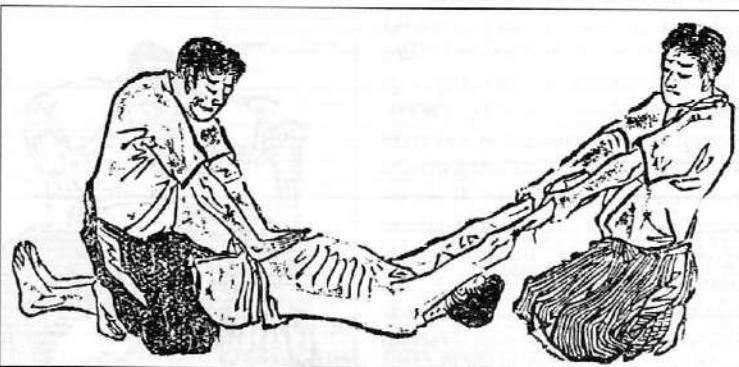
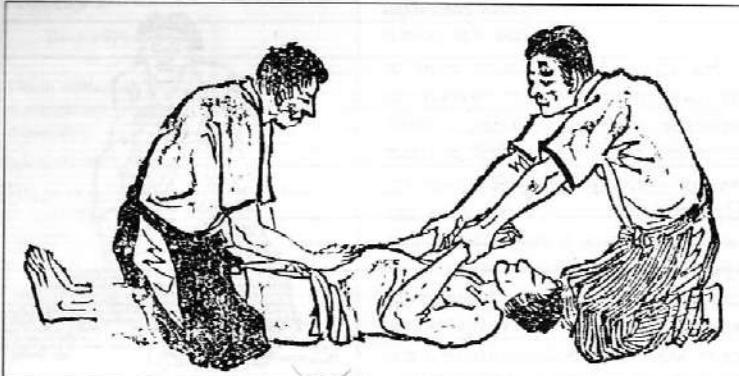
Техника реанимации-каппо включает такие разделы, как са-

Прием Намивакэ из раздела «Гоку дзёдан татиай»

сои каппо—«проводящая [запуск дыхания] реанимация», эри каппо—«воротниковая реанимация», применяемая к потерявшему сознание от удушения, ини каппо—«мошоночная реанимация», применяемая к человеку, получившему удар в пах; со каппо—«общая реанимация» и др. Дополнительно изучаются также способы применения лекарственных трав для лечения последствий ударов и других травмирующих воздействий (якухо).

«Устные наставления» представляют собой формулировки основных, наиболее общих принципов Тэндзин синъё-рю. Они послужили основой для Ицуцу-но ката («Ката пяти форм») Кодокан дзюдо—комплекса, составленного из пяти безымянных действий, которые для непосвященного выглядят как чистая абстракция, но, по мнению мастеров дзюдо, олицетворяют теоретический фунда-

Техника канпо

мент бросковой техники Кодокана и воплощают суть подхода Тэндзин синъё-рю к рукопашнойхватке без оружия.

Овладевший перечисленными разделами удостаивается высшего в Тэндзин синъё-рю «Сертификата о полной передаче учения» «Мэнкэ кайдэн». Он представляет собой свиток, содержащий изложение важнейших положений доктрины школы, перечень всех изученных элементов знания, генеалогию, датированный и снабженный подписью и печатью выдавшего сертификат наставника.

Описанная выше система обучения, включающая 124 ката и ряд дополнительных разделов, характеризуется не только ступенчатостью, но и специфической цикличностью. Так, после освоения «Начала» ученик переходит к изучению базового технического арсенала школы. Первым он осваивает ката раздела «Сёдан идори», которое называется «Син-но курай»—«Истинная позиция», а последним—десятое ката раздела «Гоку дзёдан идори» «Дзансин мэцукуэ»—«Фиксация взгляда в состоянии «остаточного

сознания». Сравнив эти два ката, мы увидим, что при всех их внешних различиях (Син-но курай выполняется без оружия, а в Дзансин мэцукуэ применяется длинный меч, в Дзансин мэцукуэ есть удар ногой, а в Син-но курай—нет) ключевое действие в них одно и то же, и построены оба ката на одном и том же принципе. Иными словами, система ката Тэндзин синъё-рю выстроена таким образом, что ученик, начав обучение с ката Син-но курай, последовательно проходит различные приемы нападения и защиты и в итоге приходит к аналогу того же Син-но курай, представляющему его более эффективную модификацию. Таким образом, смена ката в системе Тэндзин синъё-рю подчинена идее вечного возврата к началу и осуществляется циклически. Ката образуют круг, у которого нет начала и, соответственно, конца. По сути дела, на разных этапах обучения прорабатываются разные варианты одних и тех же приемов.

Эта система соотнесена с «принципом цикличности существования великого космоса». В частности,

в «Записях великого смысла дзюдоцу» (XIX в.) в ответ на вопрос: «В чем смыса системы преподавания, начинающейся с «партии» (тэавасэ) Син-но курай?»—наставник отвечает: «Смыса этой системы обучения таков: когда мы высаживаем семя, оно превращается в корень, от которого отделяются ветви и листья, но в конце концов все возвращается к истоку—к семени. И должно знать, что это касается не только партии Син-но курай, но и всего множества вещей. Это партия Великого начала и Великого конца».

Оценивая структуру Тэндзин синъё-рю, необходимо сказать, что ее основателю Исо Матаэмон удалось подняться выше уровня обычной компиляции и создать высоко рациональную единую систему технических приемов и методов их изучения, опирающуюся на мощный теоретический и технический фундамент, которая без преувеличения может считаться квинтэссенцией японского искусства дзюдоцу эпохи Токугава.

Наследники Тэндзин синъё-рю

Из всех многочисленных учеников Исо Матаэмона лучшими были его сын Матаитиро Масамицу, Нохара Рюносукэ, Исо Масатомо и Фукуда Хатиносукэ. Последние двое стали учителями основателя Кодокан дзюдо Кано Дзигоро.

Премьером основателя на посту сокэ—главы школы—стал его второй сын Матаитиро Масамицу, третьим патриархом—приемный сын Матаитиро Исо Матаэмон Масатомо, учитель таких видных мастеров дзюдоцу, как Итикава Дайкити, Курносу Кэйтаро и Иноуэ Кэйтаро, четвертым—Исо Масанобу, пятым—Исо Масаюки.

Исо Матаэмон Масаюки, пятый сокэ Тэндзин синъё-рю, умер в конце периода Мэйдзи (1867—1912), не оставив наследников, и семья Исо пресеклась. Однако, к счастью для школы, ряд ее представителей получили к тому времени от предыдущих сокэ и других учителей сертификаты мэнкэ кайдэн. Это позволило сохраниться до сего дня непрерывной линии квалифи-

Удушающие приемы школы Тэндзин синъё-рю

цированных учителей, имеющих право выдавать сертификаты от своего имени.

В настоящее время в Тэндзин синъё-рю, как и в ряде других классических школ, легитимные линии передачи учения представляют сиханкэ—мастера-наставники—или рюха дайхё—представители школы.

Тэндзин синъё-рю передается по нескольким линиям. Кубота Тосихиро, ученик Сакамото Фусатаро (Тэндзин синъё-рю дзюдоцу и Кодокан дзюдо) получил мэнкё кайдэн в 1973 г. В июне 1978 г. с целью сохранения линии Сакамото Тэндзин синъё-рю он основал общество «Тэнтьёкай», в рамках которого параллельно изучаются дзюдо и дзюдзюцу. Сэнсэй Кубота является активным членом совета директоров Общества поощрения старинных японских будо и Ассоциации старинных японских будо. В последние годы он преподает методы реанимации квалифицированным инструкторам дзюдо

на специальных семинарах. Эти семинары были организованы благодаря настойчивым уговорам Кодокана и Всеяпонской федерации дзюдо, хотя поначалу Кубота-сихан отказывался проводить их, поскольку техника каппо передается только самим старшим ученикам Тэндзин синъё-рю. Дать согласие Кубота побудило понимание острой необходимости в квалифицированных судьях и инструкторах, способных привести в чувства борца, потерявшего сознание на соревновании или тренировке.

Тобари Кадзу на протяжении ряда лет до своей смерти возглавляла другую линию Тэндзин синъё-рю и одну из линий Син-но синто-рю, которые ей передал ее муж, Тобари Такисабуро. Такисабуро учился у Исо Мататиро, второго сына четвертого сокэ, Исо Матаэмона Масанобу, и у Иноуэ Кэйтаро. Кадзу держала небольшое додзё в Осаке, ее учениками в большинстве были дзюдоисты довольно высокого клас-

са. В последние годы, однако, они не проявляют заметной активности, и сейчас неясно, сохранилась ли эта линия Тэндзин синъё-рю.

Третья линия восходит к Миямото Хандзо, ученику Иноуэ Кэйтаро и Тодзава Токусабуро—одного из учителей великого Уэсиба Морихэй, создателя айкидо. Миямото, живший в первой половине XX века, был не только наставником дзюдзюцу, но и известным дзюдоистом. Самым лучшим из его учеников был Аимия Кадзусабуро, который тренировал нескольких учеников до тех пор, пока около четверти века назад его не разбил паралич. Из всех его последователей в настоящее время дзюдзюцу преподает только Сибата Коити, который живет в префектуре Сайтама. Он, похоже, не проявляет большого интереса к обучению и в настоящее время тренирует только членов собственной семьи.

* * *

История традиции «Школы ивового сознания», вершиной развития которой можно считать школу Тэндзин синъё-рю, является хорошей иллюстрацией эволюции боевых искусств в эпоху Токугава. С удалением от времени войн менялся набор технических приемов, они модифицировались, совершенствовались и приближались к нуждам времени. Но традиция «ивового просветления», которое достигали самые яркие представители этого магистрального направления дзюдзюцу, оставалась неизменной.

Евгения Сахарова

При свете светлячков и снега Японская библиотека

Россия и Япония: диалог культур и народов. Материалы международного симпозиума (Москва, 10–11 сентября 2003 года). М., «Наталис», 2004.

Сборник материалов международной конференции, проходившей в Москве в сентябре 2003 г., включает исследования о России и Японии в самых разных областях знания—истории, культуры, лингвистики, экономики, психологии. Хронологические рамки максимально широки—с древности и до современности. В силу такой тематической и времененной широты охвата немногим будет интересно пропустить сборник от корки до корки. По этой же причине всякий интересующийся взаимодействием русской и японской культур непременно найдет для себя много полезной и интересной информации. Чтобы не быть голословной, расскажу о магистральных направлениях сборника.

Чрезвычайно интересными получились сравнительные исследования. Они представлены статьями А. Н. Мещерякова (о легитимности власти в древней Японии и России), Е. К. Симоновой-Гудзенко (о географических представлениях в раннесредневековой Японии и России), В. Сидоровой (о построении мысленного образа у русских и японцев), Н. А. Коноваловой (об архитектурных решениях России и Японии на всемирных выставках), С. В. Чугрова (о поисках национальной самоидентичности).

Целый ряд статей посвящен изучению представлений наших стран друг о друге в разные промежутки времени. Это статьи Иида Тайдзо (об образе России в Японии периода Мэйдзи), В. М. Аллатова («Образ Японии в России (1850–1917 гг.)», Фудзимото Вакио (о роли личного опыта в представлениях японцев о России и Японии; в частности, автор анализирует представления военнопленных японцев об СССР).

Целым рядом статей представлена литературоведческая тематика. Две статьи посвящены проблеме литературного перевода: работа Като Юри о проблеме перевода «Капитанской дочки» А. С. Пушкина и Сагаэ Мицунори—о бальмонтовских переводах

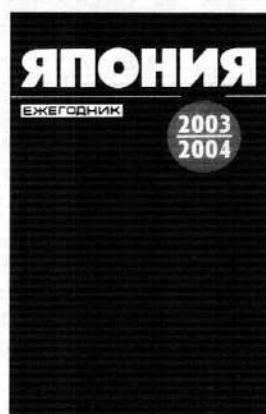
японской поэзии. Статья Е. М. Дьяконовой посвящена японизму в русской культуре Серебряного века, А. А. Долина—русской теме в японской поэзии в начале XX в., Л. М. Ермаковой—ранней японской лирике, статья М. В. Торопыгиной—«маленьким» и «большим» (в буквальном смысле, т. е. имеется в виду рост) героям японской средневековой литературы.

В отдельные блоки можно выделить также статьи по лингвистике, педагогике, исследования Окинавы.

Среди авторов сборника—российские и японские специалисты. Всего в сборник вошло 39 статей.

Тираж книги мизерный—200 экземпляров. Ни в каких книжных магазинах ее не найти. Специально для читателей нашего журнала сообщаю, что приобрести сборник по сходной цене пока еще можно в «Ассоциации японоведов России» (Москва, ул. Рождественка, д. 12, 2-й этаж, 241 комната, понедельник, среда, пятница, с 12.00 до 16.00, т. 928-97-80).

Япония. Ежегодник. 2003–2004. Москва, «Макспресс», 2004.

Очередной выпуск Ежегодника (издается с 1994 года) включает статьи по политике, экономике, истории и культуре Японии. По традиции, установившейся благодаря финансовой поддержке Японского фонда, Ежегодник распространяется совершенно бесплатно—достаточно обратиться в отдел Японии в Институте Востоковедения РАН (Рождественка, 12).

Перечислю кратко основные темы, затронутые в нынешнем выпуске.

Статьи политического блока затрагивают проблемы партийной системы в современной Японии (Сенаторов А. И., Цветов И. А.), реформирования в области государственной службы (Ильин А. В.), особенностей принятия решений на уровне центрального аппарата исполнительной власти (Анисимцев Н. В.), последних тенденций в развитии национального самосознания японцев (Стапран Н. В.).

В сбалансированном разделе по экономике помещены статьи, исследующие, соответственно, кри-

зисные явления в современной промышленности (Лебедева И.П.) и проблемы аграрного сектора (Маркарьян С.Б.).

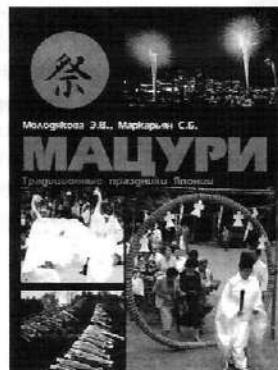
Среди статей культурного блока наибольшее внимание уделено театру — ему посвящены три статьи. Н.Г. Анарина рассказывает о японском левом театре 20—30-х гг. ХХ в., Е.Б. Морозова расшифровывает ритуальный и космогонический смысл пространственного устройства сцены в театре Но, И.А. Опарина в популярной и занимательной форме реконструирует спектакль кукольного театра Бунраку начала XVIII в. К этому же блоку примыкают статьи Э.В. Молодяковой о понятии «мацури», В.А. Федяниной — об эволюции культа Сугавара-но Митидзанэ (845—903), А.Б. Карелова и С.В. Чугров в совместной статье предлагают новый взгляд на процесс формирования внешнеполитического сознания и самоидентификации в Японии в эпоху модернизации.

В разделе «Страницы истории» читатель найдет статью о контактах между Россией и Японией на самом высшем уровне — между представителями династии Романовых и японским двором (П.Э. Подалко), а также почти детективные изыскания о посещении Японии великими русскими музыкантами и их родственниками (Саблина Э.Б.). Е.Л. Катасонова рассказывает о дипломатической подоплеке проблемы депатриации японских военнопленных сразу после заключения Сан-Францисского мирного договора (1952), а К.Г. Виноградов о том, как осуществлялось управление на северной окраине Японии — Хоккайдо — в 1914—1945 гг. В.Э. Молодяков исследует аналитико-политические комментарии крупного японского дипломата и политика Сиратоси Тосио (1887—1949), сделанные в 30—40-х гг. ХХ в.

Ну, а на закуску — интервью с крупнейшим японским бизнесменом Цуцуми Сэйдзи, на досуге занимающимся литературной деятельностью (литературный псевдоним Цудзии Такаси). Брат интервью уже известный нашим читателям журналист А. Куланов.

Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004.

Это вторая книга, написанная в соавторстве Э.В. Молодяковой и С.Б. Маркарьяном. Как и первая¹, она посвящена традиционным японским праздникам. Естественно, книги во многом перекликаются. Но за прошедшие десять с лишним лет авторами сделано много новых наработок.

¹ Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии. М., «Наука», 1990.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. В ней популярно рассказывается о важнейших японских праздниках. Авторы стремятся совместить взгляд любопытствующего чужеземного наблюдателя и исследователя. Отсюда подробные красочные и эмоциональные описания праздников — их хода, важнейших атрибутов, а также деталей, подчас различных и удивительных лишь для представителей иной культуры. В то же время авторы рассказывают об исторических корнях, символической и ритуальной подоплеке того или иного праздника. Для иллюстрации своих мыслей авторы часто прибегают к цитированию классической японской литературы.

Книга снабжена цветными иллюстрациями, вызывающими естественное желание очутиться на празднике хотя бы в роли изумленного и мало что понимающего чужеземца.

Кикути Кан. Дама с жемчугом. М., «Серебряные нити», 2004.

За последние два года это уже второе переиздание наиболее известного произведения Кикути Кан. В 2003 г. тот же самый перевод был опубликован издательством «Северо-Запад-пресс» в «Золотой серии японской литературы» в томе «Японский психологический роман». Правда, под немного другим заголовком — «Портрет дамы с жемчугами».

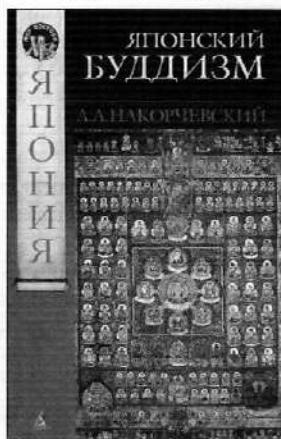
Жемчужина

Кикути Кан (настоящее имя Кикути Хироси; 1889—1948) был известнейшим писателем своего времени. Он писал рассказы, пьесы, повести, сценарии. Дружил с такими писателями, как Акутагава Рюносuke (1892—1927) и Кумэ Масао (1891—1952). Помимо писательской деятельности, он добился успеха и как издатель, и как предприниматель, основав влиятельнейший литературный журнал «Бунгэй синдзю». Но, пожалуй, сегодня Кикути Кан более всего известен как инициатор учреждения литературной премии имени Акутагавы Рюносuke, и поныне остающейся одной из самых престижных.

«Дама с жемчугами» была опубликована в 1920 г. в газетах «Токио нитинити симбун» и «Осака майнити симбун» и сразу же снискала автору славу. Произведение изначально задумывалось как современный популярный роман, рассчитанный на массового читателя. Так что не стоит ожидать от него слишком много. Читать его надо с учетом этого обстоятельства и со складкой на особенности того времени.

Фонарь

Накорчевский А.А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему Средневековью: магия и эзотерика). Серия «Азбука-классика». СПб., «Петербургское востоковедение», 2004.

Это популярное изложение истории буддизма в древней и раннесредневековой Японии. Повествование то и дело перемежается столь же популярным изложением основных постулатов буддийского учения.

К сожалению, автору не всегда удается соединять научность и популярность (задача, безусловно, не из простых), тяга к жанру бестселлера подчас перевешивает. Вольно или невольно подчиняясь законам этого жанра—угодить, изумить яркостью и доступностью образов,—автор лихо сравнивает средневекового хрониста с газетчиком (с. 99), а буддийского монаха Докё (?—772)—с Распутиным (с. 185). И дело тут даже не в нескорректиности уподоблений, а в том, что они—лишь яркий фантази-затягивалка, своего рода рекламный трюк, ничего не дающий для уяснения истинного положения вещей.

Нечем иным, как порабощением автора—известного исследователя, автора уже второй монографии²—законами создания массовой литературы, не объяснить появления целого ряда неточностей в его книге.

Например, А.А. Накорчевский пишет о повторном восхождении на престол государыни Кокэн (749–758) под именем Сётоку (764–770) как о деле небывалом (с. 197), тогда как подобное случалось и раньше³.

В некоторых случаях автор весьма вольно переводит источники. Например, в авторских переводах хроники VIII в. «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии») фигурируют такие единицы измерения, как литры, метры, сантиметры и гектары (с. 145, 150), которых, разумеется, нет в тексте оригинала.

Конечно, книги, написанные профессионалами для массового читателя, нужны. И книга А.А. Накорчевского, безусловно, будет востребована. Но основная сегодняшняя тенденция заключается в том, что авторами многотиражной нехудожественной литературы становятся непрофессионалы. И качество этой лите-

ратуры, соответственно, крайне низкое, как, впрочем, и себестоимость. Поэтому видеть профессионалов, увлекаемых этой тенденцией, особенно грустно.

Каталог старопечатных японских книг из собрания РГБ. М., Российская государственная библиотека. Центр восточной литературы, 2004.

Это прекрасно иллюстрированное издание представляет собой краткое описание имеющихся в собрании Российской государственной библиотеки (в «простонародье»—Ленинка) старояпонских книг. Большинство из них—ксилографы, т.е. отпечатаны при помощи деревянных досок. Но есть также и рукописные издания. Самые ранние книги коллекции относятся к XVII в., но большая часть книг—издания начала эпохи Мэйдзи (1868–1911).

Любопытно, что далеко не во всех случаях установлено, откуда поступила та или иная книга в коллекцию РГБ. К основным источникам поступлений относятся: книги из библиотеки Восточного факультета Владивостокского университета⁴; книги, принадлежавшие до революции 1917 г. Японской дипломатической миссии в России; книги, привезенные в качестве трофеев из Берлина и Дрездена после окончания Великой Отечественной войны; книги, принадлежавшие Южно-Маньчжурской железной дороге и конфискованные после капитуляции Японии в августе 1945 г.

Каждая книга кратко описана на трех языках—японском, английском и русском.

Среди иллюстрированных изданий—несколько книг собраний узоров. В одной из них, например, собраны узоры для гребней, выполненные Кацутика Хокусай (1760–1849). Эта книга была издана в 1823 г.—еще при жизни художника.

К сожалению, мне в руки попал бракованный экземпляр. Страницы с 41 по 56 повторены дважды, а заявленные в оглавлении страницы 63–72—пропущены. И это обидно, ведь именно на них приходится интереснейший раздел «Японские перепечатки и издания китайских и корейских произведений», ознакомиться с которым мне не удалось. Надеюсь, остальным читателям повезет больше...

² Накорчевский А.А. Синто. Серия «Азбука-классика». СПб., «Петербургское востоковедение», 2003.

³ Так, государыня Коёку (642–645) повторно взошла на престол под именем Саймэй (655–661).

⁴ В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный Институт. Его библиотека была одной из богатейших восточных коллекций в России.

Будо-Спорт

www.budo-sport.ru

магазин Будо-Спорт

экипировка для восточных единоборств

Богатейший ассортимент товаров для всех, кто решил всерьёз заниматься боевыми искусствами! Вся необходимая экипировка для занятий единоборствами (дзюдо, каратэ, айкидо, ушу и др.) от ведущих фирм-производителей формы: «Mizuno», «Dax-Sport», «Adidas», «Tokaido»; тренировочное оружие: синаи, боккэны, бо, дзё, мечи дао и цзянь, сай, танто, сюрикэны; средства защиты: накладки на голеностоп, на голень, бандажи для мужчин и женщин, защита на грудь для женщин, шлемы, жилеты, накладки и перчатки для каратэ и т.д.; спортивные костюмы, футболки, тапочки для занятий, сумки и чехлы для тренировочного оружия, татами, а также сувенирная продукция; широкий выбор литературы по боевым искусствам.

Наш адрес: Москва, 105062, ул. Покровка, 41.
Тел.: (095) 917-82-06, 917-95-24.

Мы ждем вас ежедневно!

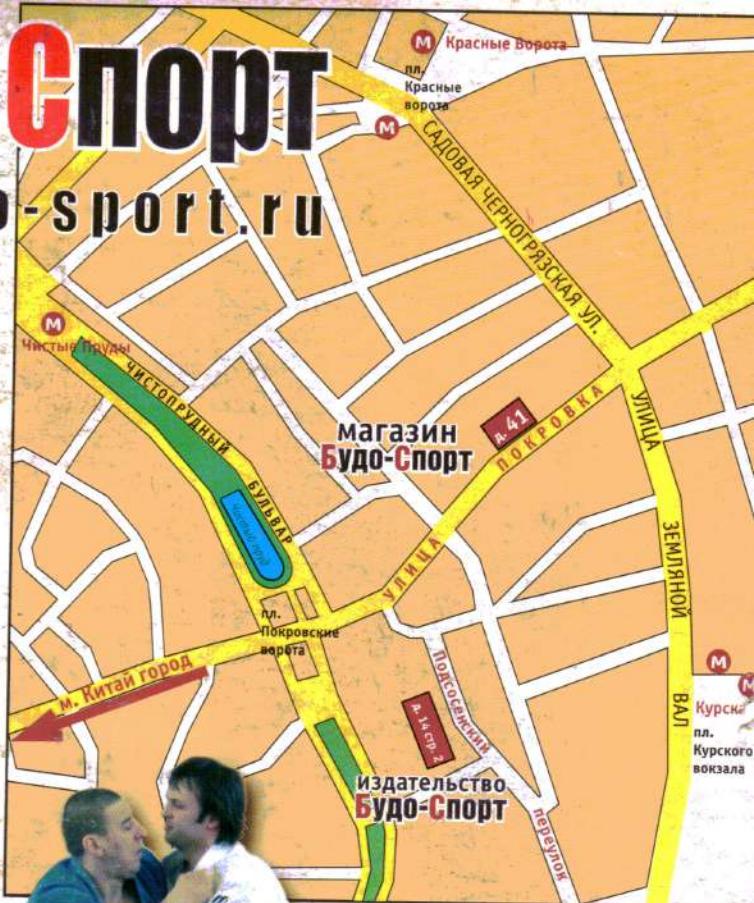
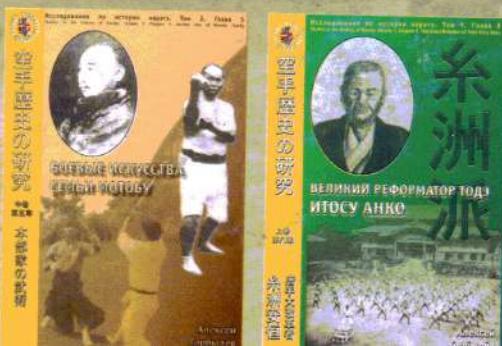
В будни с 10:00 до 20:00,
в выходные с 11:00 до 18:00.

издательство Будо-Спорт

высококачественная литература о будо

Специализированное издательство высококачественной профессиональной литературы по боевым искусствам и спортивным единоборствам, истории и культуре Японии и журнала «Боевые искусства Японии. Додзё».

Наш адрес: Москва, 105062, Подсосенский пер., д. 14 стр. 2.
Тел.: (095) 917-86-53, 917-86-14.

МОСКОВСКИЙ БУДОКАН

Центр боевых искусств «Московский будокан»

Просторный зал будо и тренажерный зал, раздевалки, сауна, парковка. Коллектив высококлассных тренеров по дзюдо, дзюдзюцу, каратэ, айкидо. Тренировки по будням с раннего утра и до позднего вечера. Каждые выходные – тематические семинары с участием ведущих мастеров будо России и зарубежья. И все это – неподалеку от метро «Улица 1905 года».

Для получения справок и записи на семинары будо и в группы «Московского будокана» звоните по телефонам: (095) 917-82-06, 707-23-72, 707-23-73.